

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Д.Е. БОГДАНОВ

ДЕЛИКТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Электронное учебное пособие

Москва
РПА Минюста России
2013

Автор:

Д. Е. Богданов, кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права РПА Минюста России

Рецензент:

З.В. Каменева, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
РПА Минюста России

Ю. Ф. Беспалов, доктор юридических наук, профессор, помощник председателя
Московского городского суда, ученый секретарь Научно-консультативного совета

В учебном пособии рассмотрены понятие, признаки и функции деликтных обязательств, а также исследованы основание и условия ответственности за причинение вреда. Кроме того, проанализированы особенности правового регулирования специальных деликтов по гражданскому законодательству РФ.

Предназначено для студентов и аспирантов юридических вузов. Может быть полезно практикующим юристам.

Издается по решению методического совета РПА Минюста России.

ISBN 978-5-89172-513-3

© Д. Е. Богданов, 2013

© РПА Минюста России, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Общая характеристика обязательств из причинения вреда.....	6
1.1. Понятие и сущность обязательств из причинения вреда.....	6
1.2. Функции деликтных обязательств.....	9
1.3. Субъектный состав деликтных обязательств.....	11
Глава 2. Основание и условия ответственности за причиненный вред (деликтной ответственности).....	16
2.1 Состав гражданского правонарушения, как основание ответственности за причинение вреда.....	16
2.2. Вред, как условие ответственности за причинение вреда.....	20
2.3 Противоправность, как условие деликтной ответственности.....	36
2.4. Причинно-следственная связь, как элемент состава гражданского правонарушения.....	49
2.5. Вина, как условие деликтной ответственности. Безвиновная деликтная ответственность.....	63
Глава 3. Возмещение вреда, причиненного публично-правовыми образованиями.....	73.
3.1 Общие положения о возмещении вреда, причиненного публично-правовыми образованиями.....	73
3.2. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных и судебных органов.....	85
3.3 Возмещения вреда причиненного при осуществлении правосудия.....	95
Глава 4. Возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними и недееспособными гражданами.....	100
4.1. Возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними гражданами.....	100
4.2. Ответственность за вред, причиненный недееспособными и ограниченно дееспособными гражданами.....	109
Глава 5. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности.....	112.
5.1. Понятие и виды источников повышенной опасности.....	112
5.2 Понятие и виды владения источником повышенной опасности..	118.
5.3 Возмещение вреда причиненного при взаимодействии источников повышенной опасности.....	122.
Глава 6. Возмещение вреда причиненного жизни или здоровью гражданина.....	124
6.1 Общие положения о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина	124
6.2. Возмещения вреда, причиненного здоровью потерпевшего.....	131.
6.3. Возмещение вреда в связи с потерей кормильца.....	141
6.4 Порядок возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего.....	148.

Глава 7. Возмещения вреда причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг..... 153

7.1. Становление института возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг..... 153

7.2. Особенности условий ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг..... 159.

Глава 8. Компенсация морального вреда.

8.1 Понятие морального вреда и условия ответственности при его компенсации..... 163.

8.2 Критерии установления размера компенсации морального вреда.....

Список сокращений, принятых в издании

1. Нормативные правовые акты

Конвенция — Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принята 04 ноября 1950 г. в Риме // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163

Конституция — Конституция Российской Федерации, принята Всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445

АПК — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 27.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ

БК — Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1997 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823

ГК — Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496

ГПК — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532

КоАП — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 185-ФЗ // РГ. 2001. № 256

КТМ — Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207

СК — Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.2005 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16

УК — Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954

Закон о банкротстве — Федеральный закон РФ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190

Закон о безопасности движения — Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873

Закон о благополучии населения — Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650

Закон о военнослужащих — Федеральный закон РФ от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331

Закон о защите прав — Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителя» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140

Закон об исполнительном производстве — Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849

Закон о пищевых продуктах — Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150

Закон о страховании — Федеральный закон РФ от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3803

Постановление № 1 — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // РГ. 2010. № 24

2. Официальные издания

БВС РФ — Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации
ВВАС РФ — Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации
ВКС РФ — Вестник Конституционного Суда Российской Федерации
ВСНД и ВС — Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета
РГ — Российская газета
СЗ РФ — Собрание законодательства Российской Федерации

3. Органы власти

ФССП России — Федеральная служба судебных приставов
ФТС России — Федеральная таможенная служба России
Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации
Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации
Росрыболовство — Федеральное агентство по рыболовству
Россельхознадзор — Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору
МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации
ФАС России — Федеральная антимонопольная служба
Москомнаследие — Комитет по культурному наследию города Москвы

4. Прочие сокращения

абз. — абзац (-ы)
АЗ — автомобильная заправочная станция
АЭС — атомная электрическая станция
га — гектар (-ы)
гл. — глава (-ы)
долл. — доллар (-ы)
ЗАО — закрытое акционерное общество
ИП — индивидуальный предприниматель
кв. м — квадратный метр
коп. — копейка (-и)
НПО — научно-производственное общество
ОАО — открытое акционерное общество
обл. — область
ОБЭП — Отдел по борьбе с экономическими преступлениями
ООО — общество с ограниченной ответственностью
п. — пункт (-ы)
ПДД — Правила дорожного движения
разд. — раздел (-ы)
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб. — рубль (-и)
РФ — Российская Федерация
СП — совместное предприятие
ст. — статья (-и)
ТС — транспортное средство
тыс. — тысяча (-и)
УВД — Управление внутренних дел
ФГУ — Федеральное государственное управление
ЦФО — Центральный федеральный округ

ЦГСЭН — Центр государственного санитарно-эпидемиологического надзора
ч. — часть (-и)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обязательства из причинения вреда представляют собой одну из составных частей системы обязательственного права России, правовое регулирование которых носит довольно сложный характер, так как оно не ограничивается только нормами гл. 59 ГК.

Целью изучения дисциплины «Деликтные обязательства» является более глубокое исследование раздела Особенной части гражданского права, посвященного обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда; развернутое усвоение теоретических основ учения о гражданско-правовой ответственности и проблем правоприменительной практики; развитие правового мышления и правосознания юриста, умения подходить к анализу и решению конкретных правовых проблем с позиции закона; подготовка специалистов, обладающих высоким уровнем теоретических и практических знаний в области гражданского права.

При изучении дисциплины решаются следующие задачи:

- углубление знаний в сфере гражданского права;
- формирование основы знаний о существующих актуальных проблемах учения об гражданско-правовой ответственности и внедоговорных обязательствах;
- анализ актуальных проблем правоприменительной практики;
- выработка умений и навыков самостоятельно анализа и решения проблем в сфере обязательств из причинения вреда;
- формирование умений правильного толкования и применения норм гражданского законодательства и законодательства смежных отраслей права при разрешении конкретных спорных ситуаций в области деликтных обязательств.

Цель данного пособия — оказание помощи студентам в изучении спецкурса «Деликтные обязательства».

Глава 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

1.1. Понятие и сущность обязательств из причинения вреда

В гражданском праве по традиции обязательства делят на договорные и внедоговорные, причем к последним прежде всего относят деликтные (из причинения вреда) и кондикционные (из неосновательного обогащения) обязательства.

Внедоговорные обязательства возникают не из соглашений, а в результате наступления соответствующих юридических фактов, указанных в законе, независимо от направленности воли участников гражданских отношений. Зачастую цивилисты называют их охранительными, т. е. направленными на защиту и восстановление нарушенных субъективных прав участников гражданских правоотношений.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 1064 ГК вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим.

Аналогичным образом деликтные обязательства трактуются и в судебной практике (см. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2002 г. (по гражданским делам), утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 12.03.2003¹).

Как видно из п. 1 ст. 1064 ГК отечественное регулирование основывается на принципе генерального деликта, который впервые был выражен в ст. 1382 ГК Франции (Кодексе Наполеона). Суть его в том, что законодательство содержит в себе общую, абстрактную норму, которая может быть применена к неограниченному кругу конкретных ситуаций и позволяет возместить любой противоправно и виновно причиненный вред, при этом противоправность и виновность причинения презумируются. Это принципиально отличает систему генерального деликта от системы специальных (частных) деликтов, присущую англо-саксонской правовой семье.

В литературе обязательства из причинения вреда характеризуются несколькими признаками. Во-первых, сфера их действия простирается как на имущественные, так и на личные неимущественные отношения (т. е. ими защищаются не только материальные, но и нематериальные блага, такие, как жизнь, здоровье, честь, достоинство и пр.), правда, возмещение вреда носит имущественный характер. Во-вторых, они возникают в результате нарушения прав, носящих абсолютный характер (право собственности, право на жизнь и здоровье и др.). В-третьих, в случае нарушения абсолютного права обязательства носят внедоговорной характер, даже если право нарушено лицом, с которым потерпевший состоял в договорных отношениях². Так, в соответствии со ст. 800 ГК ответственность перевозчика за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, определяется по правилам гл. 59 ГК, если законом или договором перевозки не предусмотрено иное. Согласно ст. 1095 ГК вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре, работе или услуге, подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший

¹ См.: БВС РФ. 2002. № 8. С. 7

² См.: Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 4.

с ними в договорных отношениях или нет. В указанных примерах, несмотря на возможное наличие договорных отношений с причинителем вреда (деликвентом), возмещение вреда будет осуществляться по внедоговорной модели.

Следует отметить, что наукой гражданского права признается и судебной практикой подтверждается возможность восстановления средствами деликтных обязательств не только нарушенных абсолютных, но и относительных (обязательственных) прав потерпевших. Так, еще Е. А. Флейшиц отмечала, что обязательственное право может быть нарушено не должником, если содержание обязательственного права таково, что третье лицо в состоянии воспрепятствовать кредитору в осуществлении его права, в состоянии уничтожить или умалить благо, на которое направлено обязательственное право кредитора, в состоянии вызвать прекращение права кредитора. В таких случаях деликвенты также подлежат привлечению к ответственности из причинения вреда относительным правам потерпевших³.

1.2. Функции деликтных обязательств

Внедоговорным обязательствам из причинения вреда присущи определенные функции (компенсационная, карательная и предупредительная), которые являются основными формами воздействия норм о деликтных обязательствах на общественные отношения.

Компенсационная функция рассматривается как основная, поскольку, указанные обязательства направлены на полное восстановление нарушенной имущественной или личной сферы потерпевшего. Так, в п. 1 ст. 1064 ГК предусмотрено право потерпевшего на возмещение причиненного вреда в полном объеме.

Карательная функция постепенно утрачивает свое значение. Как справедливо отмечал Р. Саватье «в прежней концепции гражданской ответственности основное значение придавалось санкции, применяемой к виновному лицу. В настоящее время акценты переменялись, и основное значение придается праву потерпевшего на получение возмещения»⁴. Действительно, сфера безвиновной ответственности все больше расширяется (ст. 1070, 1079, 1095, 1100 ГК). Законодатель прямо допускает возложение обязанности по возмещению вреда на лиц, не являющихся его причинителями (п. 1 ст. 1064 ГК), на лиц, бывших в момент причинения вреда неделиктоспособными (п. 4 ст. 1073, п. 3 ст. 1076 ГК). Указанное свидетельствует о снижении значения кары и репрессии в сфере деликтной ответственности.

В настоящее время наблюдается усиление предупредительной функции деликтных обязательств. Одной из новелл ГК явились нормы, направленные на предупреждение причинения вреда. Так, в соответствии с п. 1 ст. 1065 ГК опасность причинения вреда в будущем может служить основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность. Как отмечается в цивилистической литературе «нормы комментируемой статьи носят превентивный характер в отношении так называемого экологического вреда, т. е. вреда, причиненного в результате нарушения норм экологического законодательства. Они рассчитаны прежде всего на деятельность, представляющую собой повышенную

³ См.: Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951. С. 33—38.

⁴ См.: Саватье Р. Теория обязательств. М., 1972. С. 323.

опасность для окружающих и осуществляемую на ядерных, химических, биологических и иных опасных производственных объектах».⁵

На наш взгляд, подобный вывод значительно сужает возможную сферу применения указанной нормы ГК, поскольку в соответствии с п. 1 ст. 1065 ГК любая деятельность, которая создает опасность причинения вреда в будущем, может быть запрещена.

В связи с этим особый интерес представляет следующее дело. Так, ЦГСЭН обратился в Арбитражный Суд Волгоградской области с иском к индивидуальному предпринимателю В. Г. Алекперову о запрете деятельности по оказанию услуг общественного питания в районе моста через р. Дон в г. Калач-на-Дону. Как было установлено, ответчик открыл закусочную в неустановленном месте без разрешения ЦГСЭН. Данный факт подтверждался материалами дела об административном правонарушении. Кроме того, деятельность ответчика не соответствовала требованиям санитарно-эпидемиологических правил: закусочная не имела необходимого набора помещений, холодной и горячей воды, а также не была зарегистрирована в установленном порядке. Ответчик наличие нарушений санитарных требований при осуществлении своей деятельности не отрицал. В итоге суд пришел к выводу о том, что деятельность ответчика по оказанию услуг общественного питания в неустановленном месте без соответствующего разрешения ведется с нарушением Закона о благополучии населения и Закона о защите прав. В результате суд посчитал исковые требования подлежащими удовлетворению на основании ст. 12 и п. 1 ст. 1065 ГК.

Как видно из указанного решения, на основании ст. 1065 ГК была запрещена деятельность не связанная с эксплуатацией опасных производственных объектов создающих повышенную угрозу причинения экологического вреда. Таким образом, положения ст. 1065 ГК направлены на предупреждения не только экологического, а вообще любого вреда⁶.

Однако необходимо помнить, что в соответствии с абз.2 п.2 ст. 1065 ГК суд может отказать в иске о приостановлении либо прекращении соответствующей деятельности в случае, если ее приостановление либо прекращение противоречит общественным интересам. Но отказ в приостановлении либо прекращении соответствующей деятельности не лишает потерпевших права на возмещение причиненного этой деятельностью вреда.

1.3. Субъектный состав деликтных обязательств

Как правило, субъектный состав деликтных обязательств является элементарным и включает двух участников: потерпевшего (кредитор) и причинителя вреда (должник).

В качестве должников могут выступать любые деликтоспособные участники гражданских правоотношений. По общему правилу гражданин, достигший 14-летнего возраста, является деликтоспособным и самостоятельно несет ответственность за причиненный вред (п. 1 ст. 1074 ГК). Однако зачастую субъектный состав деликтных обязательств может усложняться и приводить к возникновению той или иной множественности.

Так, в силу ст. 1080 ГК лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно. Это означает, что кредитор вправе предъявить требование о возмещении вреда как ко всем причинителям совместно, так и к одному из них в

⁵ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина : Ин-т государства и права РАН. М., 2006. С. 1064—1065.

⁶ См.: Богданов Д. Е. Предупреждение причинения вреда // Российский судья. 2008. № 5.

отдельности, притом как полностью, так и в части долга. Если потерпевший не получит полного удовлетворения от одного из солидарных должников, то он может требовать недополученного от всех остальных солидарных должников, которые остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью (ст. 325 ГК). Типичным примером деликтного солидарного обязательства будет обязательство из причинения вреда взаимодействием источников повышенной опасности (п.3 ст. 1079 ГК), допустим, в результате ДТП, когда при столкновении двух автомобилей вред причиняется пешеходу. В этом случае потерпевший имеет право взыскать возмещение причиненного вреда от обоих владельцев транспортных средств (источников повышенной опасности) независимо от их вины в возникновении ДТП.

Деликтные обязательства могут быть осложнены не только солидарной, но и долевой множественностью. Согласно абз. 2 ст. 1080 ГК по заявлению потерпевшего и в его интересах суд вправе возложить на лиц, совместно причинивших вред не солидарную, а долевую ответственность. В таком случае доли будут определяться с учетом положений п. 2 ст. 1081 ГК, т. е. соразмерно степени вины каждого из сопричинителей. Если степень вины не будет установлена, тогда доли будут равными.

По модели долевого обязательства будет реализоваться механизм регрессной ответственности в случае, если совместно причиненный вред будет возмещен одним из солидарных должников (п. 2 ст. 1081 ГК).

Применительно к некоторым случаям вреда долевой механизм возмещения выработан именно судебной практикой. Согласно п. 2 ст. 1079 ГК владелец источника повышенной опасности не отвечает за вред, причиненный источником, если докажет, что источник выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц. Ответственность за вред в таких случаях несут лица, противоправно завладевшие источником повышенной опасности. Однако при наличии вины владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника из его обладания ответственность может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее данным источником. Как правило, ответственность в таких случаях возлагается в долях.

Современное законодательство допускает существование и субсидиарных деликтных обязательств. Согласно п. 1 ст. 1074 несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред. В случае отсутствия у них имущества и доходов для возмещения вреда к субсидиарной (дополнительной) ответственности могут быть привлечены законные представители несовершеннолетних (родители, усыновители, попечители и др.).

Одной из новелл современного законодательства явились нормы, которые вывели субъектный состав деликтных обязательств за критерий вменяемости и допустили возможность в некоторых случаях возложения обязанности по возмещению вреда на недееспособных субъектов.

В связи с этим интерес представляют нормы п. 4 ст. 1073 ГК, в соответствии с которым обязанность родителей (усыновителей), опекунов, образовательных, воспитательных, лечебных и иных учреждений по возмещению вреда, причиненного малолетним (ребенком в возрасте до 14 лет), не прекращается с достижением подростка совершеннолетия или получением им имущества, достаточного для возмещения вреда.

Если родители (усыновители), опекуны либо другие граждане, указанные в п. 3 ст. 1073 ГК, умерли или не имеют достаточных средств для возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, а сам должник, ставший дееспособным, обладает такими средствами, суд вправе принять решение о возмещении вреда полностью или частично за счет причинителя вреда. Из этого видно, что современный законодатель

допускает переложение обязанности по возмещению вреда на лицо, которое в момент причинения вреда было неделиктоспособным.

Возможность возложения обязанности по возмещению вреда на неделиктоспособных лиц предусматривается также п. 3 ст. 1076 ГК (в отношении лиц, признанных недееспособными) и абз. 2 п. 1 ст. 1078 ГК (в отношении лиц, которые в момент причинения вреда находились в таком состоянии, что не понимали значения своих действий и не могли ими руководить).

Применительно к вопросу о субъектом составе в деликтных обязательствах можно говорить о возможности его изменения на основании как закона, так и договора. Так, на основании закона смена субъектного состава возможно в силу как универсального преемства (реорганизация юридических лиц, наследственное преемство), так и частного (при суброгации).

Частное преемство в деликтных обязательствах возможно на основании сделок по уступке прав требований или перевода долга с соблюдением норм гл. 24 ГК. В подтверждение данного вывода можно указать на следующий пример из судебно-арбитражной практики. Главой администрации муниципального образования было издано распоряжение о демонтаже сгоревшего строения, в соответствии с которым уничтожено имущество, оставшееся после пожара — железобетонный фундамент и 58 плит перекрытия, принадлежавших СП «Роско». Решением арбитражного суда указанное распоряжение было признано недействительным.

ОАО «Компания содействия региональному развитию» обратилась с иском о возмещении убытков, вызванных демонтажем остатков указанного здания, в обоснование своих требований сослалась на договор и дополнительное соглашение к нему, в соответствии с которыми СП «Роско» предоставило ОАО право требования возмещения убытков, причиненных деликтом. Суд первой инстанции в иске отказал, указав на то, что право требования у СП «Роско» возникло не из договорного обязательства, а из права собственности и поэтому не могло передаваться другому лицу. Однако Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ посчитал выводы суда ошибочными, поскольку в силу ст. 382 ГК другому лицу может быть передано право, принадлежащее кредитору на основании обязательства. Убытки, причиненные юридическому лицу в результате неправомерных действий органов местного самоуправления, подлежат возмещению в соответствии со ст. 16, 1069 ГК, т. е. возникает обязательство вследствие причинения вреда. Следовательно, право на возмещение убытков, возникших в результате причинения вреда, может быть передано другому лицу по договору цессии.

Глава 2

ОСНОВАНИЕ И УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕННЫЙ ВРЕД

2.1 Состав гражданского правонарушения, как основание ответственности за причинение вреда

Уже стало классическим утверждение о том, что гражданско-правовая ответственность — есть следствие, результат совершенного правонарушения. Поэтому в науке именно правонарушение рассматривается в качестве основания ответственности за причинение вреда⁷.

Под правонарушением понимаются «виновные, противоправные деяния деликтоспособных людей, влекущие за собой юридическую ответственность»⁸.

Следует отметить, что условия — это признаки, характеризующие основание, без наличия которых явление (т. е. ответственность) не может возникнуть⁹. «Фактическим основанием возникновения юридической ответственности любого вида является состав правонарушения. Юридическая ответственность невозможна, недопустима за что-либо иное, кроме правонарушения. Состав правонарушения является тем сложным юридическим фактом (фактическим составом), который служит основанием возникновения правоотношения ответственности»¹⁰.

В юридической литературе до настоящего времени общепризнанной является позиция о четырехэлементной структуре состава гражданского правонарушения, состоящего из противоправности деяния, наличия вреда, причинно-следственной связи и вины.

Как верно отмечает Е. Е. Богданова «все вышеперечисленные элементы состава правонарушения одновременно являются и условиями наступления гражданско-правовой ответственности»¹¹.

Несмотря на то что состав гражданского правонарушения как основание ответственности не предусмотрено нормами соответствующего законодательства, а вычленяется путем его толкования — это отнюдь не умозрительная теоретическая конструкция, а императивный постулат, прочно вошедший в сознание правоприменителей.

Приведем в качестве примера следующее дело.

ЗАО «Юмпас-Универсал» обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании с ЗАО «Объединение “Ингеоком”» 14 403 198 руб. убытков, причиненных в результате незаконного сноса здания, принадлежащего ЗАО «Юмпас-Универсал». Решением суда с ЗАО «Объединение “Ингеоком”» в пользу ЗАО «Юмпас-Универсал» было взыскано только 5 026 448 руб.

⁷ См. напр.: Богданова Е. Е. Субсидиарная ответственность. Проблемы теории и практики. М., 2003. С. 31; Грибанов В. П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М., 1973. С. 47.

⁸ Теория государства и права: учебник / под ред. А. И. Королева, Л. С. Явича. Л., 1987. С. 506.

⁹ См.: Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983. С. 56.

¹⁰ См.: Рипинский М. Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям. СПб., 2002. С. 68.

¹¹ См.: Богданова Е. Е. Указ соч. С. 31.

В ходе судебного заседания было установлено, что ЗАО «Юмпас-Универсал» являлось собственником части здания площадью 215,2 кв. м, расположенного по адресу: Москва, Лужнецкий пр., д. 25а.

На основании разрешения на производство работ по сносу, выданного Москомнаследие, и ордера на производство земляных и строительных работ в декабре 2005 г. ответчиком произведены работы по сносу здания, расположенного по адресу: Москва, Лужнецкий пр., д. 25а.

В материалах дела имелись представленные истцом, заверенные копии вступивших в силу решений Арбитражного суда г. Москвы, которыми были признаны недействительными (ничтожными) сделки по приобретению ЗАО «Объединение "Ингеоком"» недвижимого имущества площадью 215,2 кв. м, расположенного по адресу: Москва, Лужнецкий пр., д. 25а, и установлено, что истец является собственником части здания площадью 215,2 кв. м.

Учитывая наличие указанных судебных актов, суд первой инстанции пришел к правомерному и обоснованному выводу о том, что снос здания является незаконным, поскольку ответчик собственником здания не был, в связи с чем правом распоряжения имуществом не обладал.

В результате незаконного сноса здания истцу были причинены убытки, которые выразились в потере собственности. В подтверждение размера понесенных убытков истцом было представлено экспертное заключение, согласно которому размер убытков составлял 14 403 198 руб.

Суд пришел к правильному выводу о том, что данное экспертное заключение не может быть положено в основу решения о взыскании указанной суммы, поскольку оценка здания проведена экспертами вне рамок рассмотрения дела, что противоречит требованиям ст. 82 АПК.

Суд первой инстанции по ходатайству ответчика назначил судебную экспертизу по определению рыночной стоимости объекта недвижимости, расположенного по адресу: Москва, Лужнецкий пр., д. 25а, по заключению которой она составила 5 026 448 руб.

Суд указал, что согласно нормам ст. 15, 1064 ГК под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Для наступления ответственности за причинение вреда по правилам указанных статей необходимо наличие следующих условий: неправомерность действия (бездействия) причинителя вреда; наличие вреда, доказанность его размера; причинная связь между неправомерным действием (бездействием) причинителя вреда и причиненным вредом; вина причинителя вреда.

Недоказанность хотя бы одного из названных обстоятельств исключает наступление ответственности за причинение вреда.

В данном случае, как правильно указал суд в решении, истцом представлены доказательства понесенных убытков, которые согласно заключению экспертов составляют 5 026 448 руб.; неправомерность действий ответчика по сносу здания, наличие у истца как собственника здания вреда и причинно-следственная связь между неправомерными действиями ответчика и причиненным вредом, а также вина причинителя вреда подтверждаются материалами дела (см. постановление Девятого арбитражного

апелляционного суда от 29.11.2007 № 09АП-15934/2007-ГК по делу № А40-4240/07-65-40¹²).

Помимо полных четырехэлементных составов гражданских правонарушений, действующее законодательство предусматривает усеченные составы (трехэлементные), когда речь идет о так называемой безвиновной ответственности.

Действующий ГК содержит множество примеров легального закрепления безвиновной ответственности (ст. 401, 405, 1070, 1079, 1095, 1100, 1104) как в договорных, так и во внедоговорных отношениях. Ранее принцип ответственности за вину рассматривался в качестве одного из величайших достижений цивилизации, на основании чего ученые сформулировали вывод о том, что «там, где нет вины — не может быть ответственности»¹³. Например, О. А. Красавчиков утверждал, что обязанность по возмещению при невиновном причинении вреда источником повышенной опасности «не является мерой гражданско-правовой ответственности, а представляет собой особую правовую форму восстановления имущественного положения потерпевшего»¹⁴. Однако развитие общественных отношений, появление в большом количестве предметов материального мира, обладающих опасными для окружающих свойствами и неподконтрольными полностью человеку, обусловило необходимость усиления предупредительной функции гражданско-правовой ответственности, что предопределило установление безвиновной ответственности владельцев источников повышенной опасности. Закрепление в законодательстве безвиновной ответственности еще Л. Дюги квалифицировал как одно из направлений социализации гражданского права¹⁵.

2.2. Вред как условие деликтной ответственности

Наличие вреда является необходимым условием деликтной ответственности, однако этим значение вреда не ограничивается, поскольку вред выступает и в качестве ее меры. Это обусловлено тем, что исходя из общей, компенсационно-восстановительной направленности деликтной ответственности, объем возмещения должен соответствовать размеру причиненного правонарушением вреда. Как правильно указали В. Т. Смирнов и А. А. Собчак «вред сохраняет свое значение меры ответственности, объективно определяя ее верхнюю границу»¹⁶.

Гражданское законодательство не содержит легального определения категории «вред», однако данный пробел восполняется наукой гражданского права. Традиционно под вредом понимают всякое умаление личного или имущественного блага, охраняемого законом¹⁷. В учебной литературе вред как условие деликтной ответственности — это неблагоприятные для субъекта гражданского права имущественные или неимущественные последствия, возникшие в результате повреждения или уничтожения принадлежащего ему имущества, а также в результате причинения увечья или смерти гражданину (физическому лицу)¹⁸.

¹² См.: Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 156.

¹⁴ Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966. С. 131.

¹⁵ См.: Дюги Л. Общие преобразования гражданского права. М., 1919. С. 24.

¹⁶ См.: Смирнов В. Т., Собчак А. А. Указ. соч. С. 65.

¹⁷ См.: Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951. С. 5, 20.

¹⁸ Гражданское право : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. Т. 4. Обязательственное право. С. 625.

В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК вред, причиненный личности или имуществу гражданина или юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим.

Как видно из анализа указанной нормы, возмещение причиненного вреда (т. е. исполнение деликтного обязательства) не должно служить для потерпевшего источником обогащения, однако законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх его возмещения (абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК).

Значение вреда как необходимого условия деликтной ответственности можно проиллюстрировать следующим примером. ООО «Диллер» обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с иском к Центральной оперативной таможне, ФТС России и Управлению Федерального казначейства по г. Москве о взыскании 60 000 руб. убытков, причиненных изданием незаконного акта¹⁹.

В суде было установлено, что постановлением Центральной оперативной таможни ООО «Диллер» было привлечено к административной ответственности — на истца наложен штраф в размере 60 000 руб. Во исполнение данного постановления ООО «Паритет» платежным поручением уплатило данный штраф за ООО «Диллер».

Решением Арбитражного суда Брянской области по заявлению истца указанное постановление признано незаконным и отменено.

Истец предъявил иск ответчикам о взыскании 60 000 руб. убытков, причиненных изданием незаконного акта.

Отказывая в иске, Арбитражный суд г. Москвы пришел к выводу о том, что истцом не представлено доказательств наличия у него убытков и иск удовлетворению не подлежит.

Для привлечения лица к ответственности в соответствии со ст. 1069 ГК необходимо наличие состава правонарушения, включающего наступление вреда — причинение потерпевшему убытков, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между этими элементами, а также вину причинителя вреда.

Истец не доказал наличие у него убытков, которые находились бы в причинной связи с изданием Центральной оперативной таможней постановления, а также не представил доказательств, что он понес какие-либо расходы. В результате суд отклонил доводы истца о том, между ним и плательщиком штрафа — ООО «Паритет» имелись договорные отношения, и со ссылкой на ст. 65 АПК в удовлетворении исковых требований отказал.

Из примера видно, что в удовлетворении исковых требований было отказано именно по причине отсутствия доказательств факта причинения вреда непосредственно истцу (ООО «Диллер»), так как фактически платеж штрафа, на основании незаконно вынесенного постановления осуществило третье лицо — ООО «Паритет», которое и могло бы обратиться в суд о взыскании с государства неосновательно полученной денежной суммы (основываясь на нормах о кондикционных обязательствах — ст. 1102, 1107 ГК). ООО «Диллер» могло бы добиться удовлетворения исковых требований только в случае, если бы представил относимые и допустимые доказательства (ст. 67, 68 АПК) того, что между ним и ООО «Паритет», например, имелись договорные отношения и ООО «Паритет», будучи должником, по распоряжению кредитора (ООО «Диллер») осуществило платеж штрафа в счет имеющейся задолженности по договору. При отсутствии договора ООО «Диллер» получило бы возмещение в случае, если бы представило доказательства добровольной уплаты спорной суммы ООО «Паритет», либо

¹⁹ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

если последнее взыскало бы указанную сумму с ООО «Диллер» по правилам об неосновательном обогащении (ст. 1102—1107 ГК).

Как указывалось выше, вред бывает имущественный и неимущественный. В данном параграфе мы остановимся только на анализе имущественного вреда, поскольку особенностям компенсации морального вреда, возмещению вреда жизни или здоровью будет уделено отдельное внимание.

В соответствии со ст. 1082 ГК суд обязывает лицо, ответственное за причинение вреда, возместить его в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и пр.) или возместить причиненные убытки (п. 2 ст. 15 ГК).

Таким образом, законодатель установил два способа возмещения вреда: в натуральной форме и путем возмещения убытков, представляющих собой денежную оценку причиненного вреда, подлежащих взысканию при невозможности, нецелесообразности или отказе потерпевшего от возмещения вреда в натуре²⁰.

В качестве примера использования натурального способа возмещения убытков представляет интерес следующее дело.

Так, ООО «Русский батик» обратилось в Арбитражный суд РФ с иском к ООО «НПО “Эколандшафт”» о необходимости восстановления поврежденной низковольтной кабельной линии истца.

Решением суд обязал ООО «НПО “Эколандшафт”» восстановить за свой счет поврежденную низковольтную кабельную линию ООО «Русский батик», идущую от ТП-73 до силового щита, расположенного по адресу: Московская обл., г. Мытищи, Ярославское ш., д. 65.

Материалами дела было установлено, что 16 марта 2007 г. при проведении строительных работ в русле р. Работня ООО «НПО “Эколандшафт”» произвел разрыв кабельной линии истца, идущей от ТП-73 до силового щита ответчика. Истец обратился в суд с иском о возмещении вреда в натуре (ст. 1064, 1079 ГК).

Удовлетворяя требования, суд обоснованно исходил из следующего. В соответствии со ст. 1064 ГК вред, причиненный личности или имуществу гражданина либо юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим. Для возникновения деликтных отношений необходимо установить факт причинения вреда, вину лица, обязанного к возмещению, противоправность его действий и юридически значимую причинную связь между действиями указанного лица и наступившими последствиями.

Факт причинения материального вреда истцу подтверждался актом от 28 марта 2007 г. о повреждении низковольтного кабеля с пояснениями представителя ответчика, а также заключением ОАО «Электросеть» от 31 августа 2007 г., из которого следует, что в районе р. Работня кабельная линия ТП-73 направлением на ОАО «Русский батик» повреждена.

Факт обрыва кабельной линии, происшедший в результате зацепа экскаватором ООО «НПО “Эколандшафт”» во время строительных работ, не оспаривался и самим ответчиком. В результате обрыва из-под земли был извлечен кусок низковольтного кабеля (около 60 м), который впоследствии похитили неизвестные лица, о чем был составлен акт от 30 марта 2007 г. От подписи указанного акта представителя ООО «НПО “Эколандшафт”» отказались, возражений относительно размера похищенного кабеля не заявили.

Довод ответчика, что ООО «НПО “Эколандшафт”» не имело информации о владельцах кабельной линии, суд признал необоснованным, так как согласно

²⁰ См.: Смирнов В. Т., Собчак А. А. Указ. соч. С. 58—59.

топографической съемке, выданной истцу ОАО «Электросеть» 07 августа 2007 г., указанная информация в ОАО «Электросеть» имела.

В соответствии с Правилами организации строительства и производства земляных работ на территории Московской области, утвержденными постановлением Правительства Московской области от 30.03.1998 № 28/9, ответчик обязан был до начала работ совместно с эксплуатирующей организацией определить, обозначить на местности и нанести на рабочие чертежи фактическое положение действующих коммуникаций и сооружений (п. 5.12.2.).

Между тем, как следовало из имеющегося в материалах дела предупреждения от 16 марта 2007 г., выданного ОАО «Электросеть» ответчику в связи с земляными работами по строительству очистного сооружения, указанные работы не были согласованы с ОАО «Электросеть», что является нарушением Правил охраны линий электропередачи, утвержденными постановлением Совета министров СССР от 11.09.1972 № 667.

В соответствии со ст. 1082 ГК исковые требования о возмещении вреда в натуре были удовлетворены (см. постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.11.2007 № 09АП-15079/2007-ГК²¹).

Вызывает интерес и то, что возмещение вреда в натуре возможно в отношении не только движимого, но и недвижимого имущества. Так, по одному из дел были удовлетворены требования истца к Правительству г. Москвы о необходимости представить в собственность истца нежилое помещение площадью не менее 864,3 кв.м., расположенное не выше первого этажа с отдельным входом, пригодное для эксплуатации в качестве магазина, находящееся в районе Хорошево-Мневники СЗАО г. Москвы. Требование обусловлено тем, что здание было незаконно снесено по инициативе органов управления г. Москвы (см. постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2008 № 09АП-11560/2008-ГК²²).

Еще одним способом восстановления имущественной сферы потерпевшего согласно ст. 1082 ГК является возмещение убытков, которые в науке гражданского права понимаются как денежное выражение ущерба, оценка, мерило неблагоприятных последствий нарушенных субъективных гражданских прав²³.

Возмещение убытков является общим, универсальным и основным видом ответственности в гражданском обороте, поскольку призвано обеспечить кредитору получение от должника именно той денежной суммы, на которую причинен ущерб²⁴. В соответствии с п. 1 ст. 15 ГК лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено иное.

Согласно п. 2 ст. 15 ГК под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, то кредитор вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем указанные доходы.

²¹ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²² Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ См. напр.: Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности. М., 1975. С. 45; Рыженков А. Я. Компенсационная функция Советского гражданского права : дис...канд. юрид. наук. Саратов, 1981. С. 70.

²⁴ См.: Евтеев В. С. Возмещение убытков, как вид ответственности в коммерческой деятельности. М., 2005. С.17.

Как видно из анализа данной нормы, убытки выражаются в виде реального ущерба и упущенной выгоды. При их взыскании потерпевшему не только необходимо доказать сам факт их причинения, но и обосновать их размер (ст. 56 ГПК, ст. 65 АПК).

К реальному ущербу в свою очередь относятся:

- расходы, которые произведены или должны быть произведены для восстановления нарушенного права;
- утрата или повреждение имущества.

В этой связи вызывает интерес позиция О. В. Савенковой, которая исходит из значения слова «восстановление», под которым понимается приведение права в прежнее состояние — т. е. то, в котором оно находилось до нарушения. Из этого следует вывод о том, что право должно существовать, пусть и в нарушенном состоянии. Иначе, если право прекратится, его нельзя будет восстановить, потому как нельзя привести в прежнее состояние то, чего нет, — право прекращается на основании определенных юридических фактов раз и навсегда²⁵.

В качестве примера О. В. Савенкова ссылается на Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.06.2000 № 8904/99. В нем суд счел необоснованным заявленный иск о взыскании затрат на ремонт имущества, которое было фактически утрачено. Суду необходимо учитывать, что, заявляя требование о взыскании расходов для исправления поврежденной вещи, истец должен представить этому доказательства. В данном случае истец должен доказать, что предполагаемые расходы на ремонт имущества реальны, т. е. имеется вещь, на восстановление которой им будут понесены расходы. Подлежали проверке и доводы ответчика об утрате истцом спорного имущества. В частности, необходимо установить, снят ли с государственного учета поврежденный автомобиль. При полной утрате имущества, которому причинен ущерб, требования о возмещении расходов на его восстановление нельзя рассматривать как имеющие под собой правовые основания²⁶.

Таким образом, если последствием совершенного деликта будет не повреждение, а гибель имущества, то прекратится и право на него (например, право собственности), что исключает возможность предъявления требований о возмещении будущих расходов, направленных на восстановление права.

Однако О. В. Савенкова допускает взыскание расходов, направленных на восстановление нарушенного права и при полной утрате имущества путем использования «стоимостного» подхода, при котором утраченная вещь может быть заменена аналогичной, а право на защиту стоимости имущества — восстановлено посредством возмещения расходов на приобретение аналогичной вещи взамен утраченной, что находит поддержку и в судебной-арбитражной практике. Так, по одному из дел суд посчитал, что расходы, понесенные на восстановление нарушенного права — это затраты, которые понес или понесет истец для приобретения в собственность аналогичного имущества. «Таким образом, п. 2 ст. 15 ГК может пониматься как учитывающий не только конкретное благо, но и экономическое положение субъекта, а следовательно, нарушенное право может быть восстановлено и при повреждении вещи, и при утрате вещи»²⁷.

Как уже было сказано, согласно ст. 15 ГК возмещению подлежат как фактические расходы, так и расходы, которые будут понесены в будущем в целях восстановления нарушенного права. Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах

²⁵ См.: Савенкова О. В. Возмещение убытков в современном гражданском праве // Убытки и практика их возмещения : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2006. С. 42.

²⁶ См.: ВВАС РФ. 2006. № 9.

²⁷ См.: Савенкова О. В. Указ. соч. С. 43—44.

связанных с применением части первой ГК»,²⁸ необходимость таких расходов и их предполагаемый размер должны быть подтверждены обоснованным расчетом, доказательствами, в качестве которых могут быть представлены смета (калькуляция) затрат на устранение недостатков товаров, работ, услуг, а также договор, определяющий размер ответственности за нарушение обязательств, и т.п.

В. С. Евтеев считает, что к доказательствам могут быть также отнесены копии судебных решений о применении имущественных санкций к потерпевшей стороне или копии заявленных исков о применении таких санкций²⁹.

Следует отметить, что наличие каких-либо из вышеперечисленных доказательств не всегда будет являться достаточным основанием для взыскания сумм в счет возмещения вреда. Так, в случае неисполнения потерпевшим (поставщиком) своих договорных обязательств перед контрагентами, например, по причине незаконной задержки товаров при их таможенном оформлении, незаконном изъятии товаров при осуществлении следственных действий и др., наличие в договоре условия о санкциях (например, о неустойке) за неисполнение обязательства еще не будет являться достаточным основанием для удовлетворения требований о взыскании с деликвента (в данном случае — государство) будущих расходов.

Данный случай можно проиллюстрировать следующим примером из судебной практики. Арбитражный суд отказал в удовлетворении исковых требований о взыскании убытков, указав на то, что «истец в качестве доказательств представил договоры, в которых содержались условия об уплате поставщиком штрафных санкций за просрочку, однако штрафные санкции добровольно не уплатил и в судебном порядке не взыскивал. В случае предъявления покупателями исков не исключена возможность снижения ответственности в соответствии со ст. 333 ГК. Следовательно, истцом не была доказана как необходимость расходов по уплате санкций, так и их предполагаемый размер, что исключает возможность их взыскания во избежание неосновательного обогащения истца» (см. Обзор практики рассмотрения в судах споров с участием Министерства финансов Российской Федерации по защите интересов казны Российской Федерации и Правительства Российской Федерации за 1998 год, утвержденный письмом Минфина России от 28.06.1999 № 01-01-10³⁰).

Действительно, согласно ст. 333 ГК, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе ее уменьшить. При этом согласно п. 1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.07.1997 № 17 при наличии оснований для применения ст. 333 ГК арбитражный суд уменьшает размер неустойки независимо от того, заявлялось ли такое ходатайство ответчиком³¹.

При утрате или повреждении имущества возмещению подлежит стоимость утраченного имущества либо сумма, на которую понизилась его цена. Допускается возмещение утраты так называемой товарной стоимости имущества, например, транспортного средства.

Верховным Судом РФ было дано разъяснение, что утрата товарной стоимости представляет собой уменьшение стоимости транспортного средства, вызванное преждевременным ухудшением внешнего вида автомобиля и его эксплуатационных качеств в результате снижения прочности и долговечности отдельных деталей, узлов, агрегатов, соединений и защитных покрытий вследствие ДТП и последующего ремонта.

²⁸ См.: РГ. 1996. № 152.

²⁹ См.: Евтеев В. С. Указ. соч. С. 29.

³⁰ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

³¹ См.: ВВАС РФ. 1997. № 9.

Отсюда следует, что утрата товарной стоимости относится к реальному ущербу наряду со стоимостью ремонта и запасных частей автомобиля, поскольку уменьшение его потребительской стоимости нарушает права владельца ТС. Данное нарушенное право может быть восстановлено путем выплаты денежной компенсации³².

Зачастую по делам о возмещении реального ущерба возникает необходимость в проведении соответствующих экспертиз, которыми будут подтверждаться факты причинения вреда, а также причины его наступления (например, механизм ДТП). Для установления размера причиненных убытков (например, стоимости утраченного имущества) целесообразно воспользоваться услугами независимых оценщиков. Экспертные заключения и акты оценки будут рассматриваться в качестве одних из основных доказательств по делам о возмещении вреда. Необходимо, правда, помнить и о правилах процессуального законодательства. Так, согласно ч. 2 ст. 82 АПК круг и содержание вопросов, по которым проводится экспертиза, определяются арбитражным судом, принявшим дело к своему производству. Заключение эксперта по результатам проведения судебной экспертизы, назначенной при рассмотрении иного судебного дела, не может признаваться экспертным заключением по рассматриваемому делу. Такое заключение может быть признано арбитражным судом иным документом, допускаемым в качестве доказательства в соответствии со ст. 89 АПК (см. п. 9 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.2006 № 66 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»³³).

Гораздо сложнее доказать упущенную выгоду, которая согласно п. 2 ст. 15 ГК определяется как неполученные доходы, которые потерпевшее лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Однако в п. 4 ст. 393 ГК предусмотрено, что при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные в этих целях приготовления.

В сравнительно-правовом плане представляет интерес ст. 252 Германского гражданского уложения, согласно которой упущенной считается выгода, которую можно было бы с вероятностью ожидать в обычных условиях оборота либо в особых обстоятельствах, в частности, благодаря предпринятым мерам и приготовлениям³⁴.

Как верно отмечает А. В. Егоров «даже текстуальное сравнение российской и немецкой норм показывает, что обычное развитие событий (обычные условия оборота) и предпринятые приготовления в Германии рассматриваются в качестве самостоятельных оснований для возмещения упущенной выгоды, в то время как в России правило, касающееся обычных условий оборота (ст. 15 ГК), размещено в разных статьях с правилом о предпринятых приготовлениях (ст. 393 ГК), и последние рассматриваются скорее не как самостоятельное основание для возмещения упущенной выгоды, а как необходимое условие для обычных условий оборота, перекликающееся одновременно с правилом о снижении размера убытков кредитором (потерпевшим)»³⁵. Таким образом, в отечественном законодательстве и правоприменительной практике упущенная выгода рассматривается не как вероятностная категория, а «как гарантированный, безусловный и реальный, а не предполагаемый доход»³⁶.

³² См.: БВС РФ. 2005. № 12. С. 18.

³³ См.: ВВАС РФ. 2006. № 2.

³⁴ См.: Гражданское уложение Германии. М., 2004. С. 50.

³⁵ См.: Егоров А. В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2006. С. 69.

³⁶ См.: Там же. С. 96.

При взыскании упущенной выгоды потерпевший должен доказать не только наличие производственных мощностей, организационных предпосылок для ведения прибыльной деятельности, наличие трудовых ресурсов, запасов сырья, но и наличие у него договорных или преддоговорных отношений с контрагентами. В. С. Евтеев верно указывает, что в настоящее время — это доминирующая тенденция, и она ставит потерпевшую сторону перед необходимостью документально подтверждать предпринятые меры и сделанные приготовления для извлечения прибыли. К числу требуемых документов относятся: договоры с заказчиками и потребителями, предварительные договоры, письма с предложениями заключить договор, положительные ответы контрагентов на предложения потерпевшей стороны заключить договор, протоколы о намерениях³⁷. Отсутствие данных документов зачастую является основанием в отказе удовлетворения исковых требований о возмещении упущенной выгоды (см. например, постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.11.1995 № 5235/95³⁸).

В качестве примера успешного взыскания упущенной выгоды можно привести следующее дело. ООО «Дары Кадья» обратилось в арбитражный суд с иском к Российской Федерации в лице Росрыболовства о взыскании за счет казны 270 603 руб. 60 коп.

Как следовало из материалов дела, в соответствии с лицензией ФГУ «Верхневолжрыбвод» сроком действия до 27 июля 2007 г. ООО «Дары Кадья» разрешено промышленное рыболовство в части добычи рыбы, других водных животных и растений в коммерческих целях, осуществляемое во внутренних водоемах и территориальном море РФ. ООО «Дары Кадья» приняло в пользование рыбные запасы в пределах устанавливаемых лимитов и квот согласно заключенному между обществом и инспекцией рыбоохраны договору от 28.09.04 № 21 на изъятие рыбных запасов.

В соответствии с разрешением № 43, выданным 11 октября 2004 г. ФГУ «Верхневолжрыбвод» Костромской государственной областной инспекцией по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства (далее — Костромская инспекция), и лицензией истцу были установлены квоты на вылов рыбы.

Так, 6 декабря 2004 г. старший государственный инспектор Костромской инспекции В. вынес предписание о прекращении промышленного лова рыбы ООО «Дары Кадья» и сдаче в инспекцию ранее выданных правоустанавливающих документов.

Решением Арбитражного суда Костромской области указанное предписание старшего государственного инспектора ФГУ «Верхневолжрыбвод» Костромской инспекции признано недействительным. Следствием предписания стало фактическое прекращение деятельности общества. В обоснование своих доводов о взыскании ущерба истец указывал на справки по улову рыбы и добыче других водных биоресурсов на внутренних водоемах, подконтрольных ФГУ «Верхневолжрыбвод», за октябрь и ноябрь 2004 г. В связи с выдачей предписания о сдаче в инспекцию ранее выданных документов общества на промысловый улов рыбы старшим государственным инспектором ФГУ «Верхневолжрыбвод» Костромской инспекции истцу были причинены убытки в виде прекращения производства и неполучения дохода. В подтверждение убытков в виде упущенной выгоды истец представил справку Россельхознадзор Управления по Костромской области подтверждающую, что в октябре — декабре 2004 г. для осуществления промышленного улова рыбы он имел производственные мощности (105 сетей, две лодки без мотора, три лодки с мотором, автомобиль ГАЗ-24 с прицепом, склад

³⁷ См.: Евтеев В. С. Указ. соч. С. 35.

³⁸ См.: ВВАС РФ. 1996. № 3.

продукции) и трудовые ресурсы (семь рыбаков), что позволило бы осуществить лов рыбы согласно установленным квотам

В обоснование суммы убытков истец представил справку Региональной службы по тарифам Костромской области в подтверждение средних потребительских цен на рыбу, расчет средних потребительских цен на рыбу на территории Костромской области в период отзыва действия разрешения.

Суд посчитал, что ООО «Дары Кадыя» доказало факт причинения ему убытков, противоправности действий сотрудника инспекции, установленной решением Арбитражного суда Костромской области, причинную связь действий с причиненными убытками, а также их размер. По мнению суда, расчет упущенной выгоды сделан на основании документально подтвержденных цен. Цены на выловленную в установленном порядке и принадлежащую ему рыбу являются свободными (договорными). Если бы права истца не были нарушены должностным лицом государственного органа, то общество при обычных условиях гражданского оборота имело бы возможность получить рассчитанную выгоду (см. постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2007 № 09АП-8382/2007-ГК³⁹).

Необходимо также указать, что последствием совершенного деликта может быть не только упущенная выгода, но и некоторая экономия на стороне потерпевшего. Учитывая, что возмещение убытков не должно повлечь за собой внеэкономическое обогащение кредитора из суммы неполученных доходов, любые суммы сэкономленных расходов подлежат вычету. Например, в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 указывается, что размер неполученного дохода (упущенной выгоды) должен определяться с учетом разумных затрат, которые кредитор должен был понести, если бы обязательство было исполнено. В частности, по требованию о возмещении убытков в виде неполученного дохода, причиненных недопоставкой сырья или комплектующих изделий, размер такого дохода должен определяться исходя из цены реализации готовых товаров, предусмотренной договорами с покупателями этих товаров, за вычетом стоимости недопоставленного сырья или комплектующих изделий, транспортно-заготовительских расходов и других затрат, связанных с производством готовых товаров.

2.3 Противоправность, как условие деликтной ответственности

В цивилистической литературе противоправность выделяется в качестве необходимого условия деликтной ответственности. Так, А. М. Рабец отмечает, что «ответственность, даже если она наступает независимо от вины, все равно возможна лишь при совершении противоправных действий. Если их нет, нет и ответственности»⁴⁰.

До настоящего времени продолжается дискуссия о сущности данной правовой категории. Противоправность трактуется объективно (деяние, нарушающее норму права) и субъективно (деяние, посягающее на конкретное чужое субъективное право). Представляется правильной позиция Ю. Х. Калмыкова, считающего, что «гражданское противоправное действие нарушает норму права посредством нарушения прав лица в конкретном правоотношении»⁴¹ в отличие от уголовной, которая может иметь место и без нарушения конкретного субъективного права.

³⁹ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой службы «КонсультантПлюс».

⁴⁰ См.: Рабец А. М. Обязательства по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью. М., 1998. С. 55.

⁴¹ См.: Калмыков Ю. Х. Возмещение вреда, причиненного имуществу. Саратов, 1965. С. 23—24.

Действительно, современное гражданское законодательство, основываясь на принципе генерального деликта (п. 1 ст. 1064 ГК), содержит общий запрет на причинение вреда, т. е. всякое причинение подразумевается противоправным, если на то не было соответствующего законного управомочивания. «На каждом человеке, лежит общая обязанность не совершать никаких действий, причиняющих вред другому, кроме тех исключительных случаев, когда его поведение может быть оправдано законом. Такое оправдание состоит в осуществлении прав, которые, естественно, признаются за человеком, даже если при этом возможно и причинение вреда другому лицу»⁴².

Поэтому спорной представляется позиция авторов, основывающихся исключительно на субъективистской трактовке противоправности. Так, В. В. Витрянский считает, что для возложения на должника обязанности по возмещению убытков достаточно субъективной противоправности, а потому не следует ориентировать суды на поиск всякий раз конкретной нормы права, которой не соответствует поведение должника. Отыскание такой нормы в случаях, когда должником нарушено условие договора, никак не регулируемое ни диспозитивной нормой, ни обычаем делового оборота, ни обычно предъявляемыми требованиями будет выглядеть намеренно искусственным и излишним⁴³.

Необходимо отметить, что исполнение любого договорного обязательства (поименованного и непоименованного) подчиняется ст. 309 ГК, согласно которой обязательства должны исполняться надлежащим образом. Таким образом, любое неисполнение договорного обязательства автоматически рассматривается как противоправное, если иное не предусмотрено законом или договором.

При этом современное законодательство содержит в себе множество примеров, когда причиняющее вред (убытки) поведение рассматривается именно как правомерное. Согласно ст. 717 ГК заказчик может в любое время до сдачи ему результата работы отказаться от исполнения договора, уплатив подрядчику часть установленной цены пропорционально части работы, выполненной до получения извещения об отказе заказчика от исполнения договора. Заказчик также обязан возместить подрядчику убытки, причиненные прекращением договора подряда, в пределах разницы между ценой, определенной за всю работу, и частью цены, выплаченной за выполненную работу (см., например, ст. 782, 978, 1003 ГК). В соответствии с п. 3 ст. 1064 ГК вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом.

Противоправное деяние может выражаться в форме действия и бездействия. Е. Е. Богданова отмечает, что «бездействие тогда считается противоправным, когда обязанность действовать была предписана лицу законом или договором и когда, нарушив эту обязанность, субъект не совершил определенного действия»⁴⁴.

В качестве примера противоправного бездействия можно привести следующее дело. Войсковая часть обратилась в арбитражный суд с иском к ФГУ «Дорожно-эксплуатационное предприятие № 24» (далее — ФГУ № 24) о возмещении ущерба, причиненного ТС в результате ДТП. Материалам дела было установлено, что 28 февраля 2004 г. на 24-м км автодороги «Москва — Рига» произошло ДТП с участием автомобиля Volvo S80, принадлежащего истцу, в результате которого автомобилю были причинены механические повреждения.

Участок автодороги общего пользования «Балтия» обслуживается на основании государственного контракта ФГУ № 24, которое должно осуществлять работы по

⁴² См.: *Саватье Р.* Теория обязательств: юридический и экономический очерк. М., 1972. С. 335.

⁴³ См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2005. С. 708.

⁴⁴ См.: *Богданова Е. Е.* Указ соч. С. 33.

содержанию и эксплуатации участков федеральных автомобильных дорог общего пользования согласно типовым правилам и требованиям к эксплуатационному состоянию автодорог.

Размер ущерба, причиненного автомобилю Volvo S80, подтверждался актами осмотра и отчетами об оценке.

Суд установил, что 28 февраля 2004 г. старший инспектор ДПС составил акт выявленных недостатков, в соответствии с которым установлено, что на 24-м км дороги «Москва — Рига» на полосе движения в сторону г. Москвы образовалась лужа длиной 23,5 м, шириной 11,5 м, глубиной 7 см, что повлияло на безопасность дорожного движения.

Согласно постановлению об административном правонарушении и протоколу об административном правонарушении причиной ДТП явилось нарушение прорабом ФГУ № 24 п. 13 Основных положений по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностей должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения и ст. 12.34 КоАП.

Согласно ст. 12 Закона о безопасности движения обязанность по обеспечению соответствия состояния дорог после ремонта и в процессе эксплуатации установленным правилам, стандартам, техническим нормам и другим нормативным документам возлагается на орган исполнительной власти, в ведении которого находятся дороги.

Участок автодороги общего пользования «Балтия» находится в федеральной собственности и обслуживается на основании государственного контракта ФГУ № 24.

Статьей 31 Закона о безопасности движения предусмотрено, что нарушение законодательства РФ о безопасности дорожного движения влечет за собой в установленном порядке дисциплинарную, административную, уголовную и иную ответственность.

В результате суд решил, что ДТП произошло по вине ответчика в результате бездействия его должностного лица, выразившегося в непринятии мер по обеспечению безопасности дорожного движения на 24-м км дороги «Москва — Рига». На основании п. 1 ст. 1064 и п. 1 ст. 1068 ГК ФГУ № 24 должно возместить вред, причиненный его работником при исполнении должностных обязанностей.

Действующее законодательство позволяет выделить обстоятельства, исключающие противоправность. Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению только в случаях, предусмотренных законом (п. 3 ст. 1064 ГК). К обстоятельствам, исключающим противоправность и свидетельствующим о правомерности причинения вреда, относятся: исполнение обязанностей; действия в состоянии крайней необходимости; необходимая оборона; причинение вреда с согласия или по просьбе потерпевшего.

Так, правомерным признается причинение вреда при исполнении лицом своих обязанностей, предусмотренных законом, иными правовыми актами или профессиональными инструкциями. Например, при тушении пожара обычно повреждается имущество, находящееся в зоне пожара, но возникший в связи с этим вред не подлежит возмещению, если действия пожарных совершались в рамках соответствующих правил⁴⁵.

Согласно ст. 38 УК не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами

⁴⁵ См.: Гражданское право : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. Т. 4 : Обязательственное право. С. 630.

задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

Причинение вреда правомерными действиями при исполнении обязанностей можно проиллюстрировать следующим делом.

Индивидуальный предприниматель К. обратилась в арбитражный суд с иском к Россельхознадзору о взыскании убытков, образовавшихся в связи с незаконным изъятием продукции. Решением суда в удовлетворении требований было отказано.

Материалами дела было установлено, что в соответствии с распоряжением управления при проверке соблюдения ветеринарного законодательства ИП К. выявлены грубые нарушения Закона о пищевых продуктах, а также Санитарно-эпидемиологических требований к организациям торговли и обороту в них продовольственного сырья пищевых продуктов, утвержденных главным санитарным врачом РФ 06.09.2001 г.

Определением от 22.06.2006 г. в отношении К. было возбуждено дело об административном правонарушении по признакам состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 10.6 и 10.8 КоАП. В рамках дела об административном правонарушении в соответствии со ст. 27.10 КоАП должностными лицами Россельхознадзора была изъята продукция и сырье животного происхождения. На основании заключений-предписаний управления изъятая из незаконного оборота продукция и сырье животного происхождения были переданы для уничтожения на спецзавод.

При постановлении решения суд исходил из того, что согласно п. 4 ст. 9 Закона о пищевых продуктах требования к качеству и безопасности пищевых продуктов, установленные государственными стандартами, санитарными и ветеринарными правилами и нормами, являются обязательными для граждан (в том числе индивидуальных предпринимателей) и юридических лиц, осуществляющих деятельность по изготовлению и обороту пищевых продуктов, оказанию услуг в сфере розничной торговли пищевыми продуктами и сфере общественного питания. Пунктом 3 ст. 21 того же Закона установлен запрет на ввоз на территорию РФ продуктов, не имеющих документов, удостоверяющих соответствие качества и безопасности пищевых продуктов требованиям нормативных документов.

В то время как п. 1 ст. 5 Закона о пищевых продуктах обязывает ИП и юридических лиц, осуществляющих деятельность в сфере розничной торговли, предоставлять органам государственного надзора и контроля полную и достоверную информацию о качестве и безопасности пищевых продуктов, такая информация не была предоставлена К. должностным лицам управления.

Порядок оформления и выдачи ветеринарных сопроводительных документов на сырье и продукцию животного происхождения регламентирован Инструкцией о порядке выдачи ветеринарных сопроводительных документов на подконтрольные Госветнадзору грузы (далее — Инструкция), утвержденной Минсельхозпродом России 12.04.1997 г. № 13-7-2/871.

Пунктом 2 Инструкции установлено, что подконтрольные Госветнадзору грузы подлежат заготовке, транспортировке, переработке, хранению и реализации только при наличии ветеринарных сопроводительных документов (свидетельства (справки), выдаваемые ветеринарными врачами в соответствии с формами, закрепленными в приложениях к Инструкции), характеризующих ветеринарно-санитарное состояние сопровождаемого груза и места его выхода.

Представленные истцом товарные накладные, подписанные сторонами по договорам купли-продажи, указывающие наименование, количество, цену и сумму товара, предназначены для его отгрузки-получения и оформления расчетов между контрагентами

и не могут заменить ни ветеринарных свидетельств, ни качественных удостоверений, выдаваемых органами государственной ветеринарной и санитарной служб.

Пищевые продукты, материалы и изделия (в случае если их владелец которых не может подтвердить их происхождение), которые имеют явные признаки недоброкачественности и представляют угрозу жизни и здоровью человека, подлежат утилизации или уничтожению без проведения экспертизы (п. 1 ст. 25 Закона о пищевых продуктах).

При указанных обстоятельствах у должностных лиц Россельхознадзора имелись законные основания для изъятия продукции и сырья, не имеющих ветеринарных сопроводительных документов, и направления их на уничтожение (см. постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2007 № 09АП-14819/2007-ГК⁴⁶).

К обстоятельствам, исключающим противоправность причинения вреда, относятся и действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости. В науке гражданского права их относят к мерам самозащиты гражданских прав⁴⁷. Под самозащитой гражданских прав понимается совершение управомоченным лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов⁴⁸.

В этой связи необходимо отметить, что действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости могут выходить за рамки самозащиты гражданских прав, поскольку бывают направленными на защиту прав и интересов третьих лиц, публичных интересов (интересов государства и народа России) и т. д. Например, предприниматель Т. обратился в арбитражный суд с иском к Минобороны России о возмещении ущерба, причиненного ухудшением качества земель и потравой посевов озимой пшеницы. Иск был обоснован тем, что на предоставленных истцу землях были дислоцированы бронетанковые соединения, направленные на восстановление конституционного порядка в Чеченской Республике. Истец доказывал, что два года подряд он не мог выращивать на своей земле зерно, посевы озимой на площади 100 га были потравлены, а качество 32,5 га пашни снизилось настолько, что потребовалась рекультивация земель.

Суд отказал в удовлетворении исковых требований, указав, что действия, предпринятые в рамках контртеррористической операции, не являются противоправными, поскольку совершались в целях предотвращения опасности в отношении государства и его граждан. Доказательств того, что опасность террористических акций могла быть устранена иными средствами, в материалах дела отсутствовали. Кроме того, закон предусматривает возможность освобождения от ответственности лица, причинившего вред в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК). Истцом не были представлены доказательства того, что действия ответчика совершались с превышением пределов крайней необходимости⁴⁹.

В ГК отсутствует определение необходимой обороны, ст. 1066 ГК лишь предусматривает, что не подлежит возмещению вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, если при этом не были превышены ее пределы. Более подробно необходимая оборона раскрывается в ст. 37 УК. Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 №6/8 при разрешении споров, возникших в связи с защитой принадлежащих гражданам или юридическим лицам гражданских прав путем самозащиты, следует учитывать, что

⁴⁶ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой службы «КонсультантПлюс».

⁴⁷ См. напр.: Кархалев Д. Н. Самозащита гражданских прав // Российский судья. 2008. № 2.

⁴⁸ См.: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 117.

⁴⁹ См.: Лалач В. В состоянии крайней необходимости... // ЭЖ-Юрист. 2004. № 20.

самозащита не может быть признана правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный.

Пленумом Верховного Суда РФ было разъяснено, что размер возмещения вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны, определяется судом в зависимости от степени вины как причинителя вреда, так и потерпевшего, действиями которого было вызвано причинение вреда. При этом суд, приняв во внимание имущественное положение лица, причинившего вред, вправе уменьшить подлежащую взысканию сумму (ст. 1083 ГК) (см. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»⁵⁰).

В соответствии со ст. 1067 ГК вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, т. е. для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред. Учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред.

Как видно из анализа указанной нормы, причинение вреда в состоянии крайней необходимости не освобождает причинителя от обязанности по его возмещению, т. е. речь идет о возмещении вреда, причиненного правомерным действием (п. 3 ст. 1064 ГК). Именно правомерность причинения вреда и обуславливает ту широкую судебную дискрецию, позволяющую с учетом обстоятельств каждого конкретного дела возлагать обязанность по его возмещению либо на непосредственного причинителя, либо на третье лицо, в интересах которого действовал причинитель или же на обоих причинителей в долях⁵¹. Например, спасая тонущего в реке человека, гражданин Н. использовал стоявшую у берега лодку, из которой предварительно выбросил в воду находившееся в ней чужое имущество. Обязанность по возмещению причиненного вреда была возложена судом на спасенного, неосторожно купавшегося в опасном месте⁵².

Учитывая характер опасности, а также то, что причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный, суд может освободить как причинителя, так и третье лицо от обязанности по возмещению вреда.

В этой связи представляет интерес дело об аварийном отключении ВЛ-35 кВ «Антоновская-Новоцимлянская». Так, 13.07.2006 при внеочередном осмотре линии было установлено, что многокорпусным плугом трактора К-700, принадлежащим ООО «Земля», проводившего вспашку противопожарной полосы в целях предотвращения распространения возгорания принадлежащего ответчику поля, засеянного озимой пшеницей, и принадлежащей истцу территории электроподстанции, в результате излома железобетонной стойки опоры основания была сорвана тросовая оттяжка.

Рассмотрев и оценив действия ООО «Земля», осуществленные в целях предотвращения распространения пожара и возникновения ущерба не только посевам общества, но и имуществу истца и близлежащей лесополосе, суд пришел к выводу о том, что, причиняя ущерб, ответчик действовал в состоянии крайней необходимости.

Учитывая, что вред причинен в состоянии крайней необходимости в целях предотвращения причинения вреда от пожара имуществу обеих сторон спора, суд,

⁵⁰ См.: РГ. 2010. № 24.

⁵¹ См.: Там же.

⁵² См.: БВС РСФСР. 1984. № 2. С. 4.

руководствуясь положениями ст. 1067 ГК, отказал в удовлетворении иска (см. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.02.2008 № 17719/07⁵³).

Согласно п.3 ст. 1064 ГК в возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия причинителя вреда не нарушают нравственные принципы общества. Указанные обстоятельства могут также исключать противоправность причинения вреда.

Так, например, является правомерным причинение вреда здоровью, если донор свободно и сознательно в письменной форме выразил согласие на изъятие своих органов и (или) тканей (ст. 11 Закона РФ от 22.12.1992 №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»). Ст. 8 «Презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей» указанного закона также предусматривает, что изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту.

Если же данная презумпция согласия не была прямо опровергнута соответствующим волеизъявлением о несогласии на забор тканей или органов, то медицинское учреждение будет освобождено от обязанности по компенсации морального вреда родственникам умершего (см. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 459-О⁵⁴).

В качестве примера причинения вреда по просьбе потерпевшего, но нарушающего нравственные принципы общества можно указать на ст. 45 Основ Законодательства РФ «Об охране здоровья граждан» от 22.07.1993 №5487, согласно которой медицинскому персоналу запрещается осуществление эвтаназии — удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни.

Лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ.

2.4. Причинно-следственная связь как элемент состава гражданского правонарушения

Причинно-следственная связь является обязательным условием деликтной ответственности, поскольку в соответствии с принципом генерального деликта лицо отвечает именно за причиненный вред (п. 1 ст. 1064 ГК). Отсутствие доказательств наличия причинно-следственной связи между действиями правонарушителя и наступившими негативными последствиями у потерпевшего является основанием отказа в удовлетворении исковых требований о возмещении вреда. Это можно проиллюстрировать следующим примером.

ООО «Постоялый двор» обратилось в арбитражный суд с иском к МВД России о взыскании ущерба, причиненного незаконными действиями УВД по Калининградской области. Истец основывает свои требования на том, что решением арбитражного суда по другому делу, решениями районных судов признаны незаконными действия должностных лиц ОБЭП УВД и Госторгинспекции по результатам совместной проверки, в том числе:

⁵³ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵⁴ См.: ВКС РФ. 2004. № 3.

- предписание Госторгинспекции № 613 от 06 июня 2003 г. о приостановлении истцом реализации нефтепродуктов;
- арест ОБЭП УВД Калининградской области имущества истца путем установления печатей и пломб, препятствующих деятельности АЗС истца.

Суд посчитал, что материалами дела не подтверждается наличие всех условий ответственности.

Из материалов дела следовало, что 06 июня 2003 г. Госторгинспекция по Калининградской области и ОБЭП УВД по Калининградской области провели совместную проверку ООО «Постоялый двор», в ходе которой Госторгинспекция вынесла предписание о приостановлении реализации нефтепродуктов, а работники ОБЭП УВД опечатали имущество истца на АЗС.

Вступившим в законную силу постановлением Арбитражного суда апелляционной инстанции Калининградской области подтверждена законность действий Госторгинспекции по Калининградской области о вынесении предписания о приостановлении истцом реализации нефтепродуктов без сертификата и знаков соответствия и в этой части истцу отказано в признании предписания незаконным.

Постановлением Гурьевского районного суда действия сотрудников ОБЭП УВД по наложению ареста на АЗС истца были признаны незаконными, поэтому суд обязал ОБЭП УВД снять арест с деятельности АЗС истца. Однако действия сотрудников ОБЭП УВД по аресту АЗС не являются причиной приостановления деятельности истца по реализации нефтепродуктов, поскольку основанием ее приостановления явилось предписание Госторгинспекции, которое было признано арбитражным судом недействительным только частично и не отменено по настоящее время. Соответственно вне зависимости от снятия ареста с АЗС истец не имел права возобновлять деятельность по реализации нефтепродуктов.

Таким образом, суд обоснованно посчитал, что между незаконными действиями органов МВД России и приостановлением деятельности истца отсутствует причинно-следственная связь (Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14.08.2007 № А40-66356/06-67-450⁵⁵).

Учение о причинности уже давно стало предметом философского осмысления, на базе которого правоведы разработали многочисленные теории причинно-следственных связей. Их многообразие позволило известному немецкому правоведу Рюмелину отметить, что «большинство юристов охватывает тихий ужас, когда они на заголовке книги или статьи встречают проблему каузальности»⁵⁶.

Всю совокупность теорий причинно-следственных связей, условно, можно свести к двум основным идейным платформам: идеалистической (субъективистской) и материалистической (объективистской).

Речь о материалистическом понимании причинно-следственной связи уместнее начать со следующего высказывания Ф. Энгельса: «Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает»⁵⁷. Из этого ясно, что причинность выступает как всеобщий закон общества и природы, по которому «каждое явление выступает как следствие другого, являясь в свою очередь причиной третьего, причем эти явления не

⁵⁵ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵⁶ Цит. по: *Малинин В. Б.* Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000. С. 4.

⁵⁷ См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 20. С. 20.

представляют собой изолированной цепи, а связываются, перекрещиваются со многими другими цепями причин и следствий»⁵⁸.

Причинная связь рассматривается как объективная категория, как существующая независимо от нашего сознания связь между явлениями окружающей действительности, при которой одно явление (причина) с неизбежностью порождает следствие.

Сложность в том, что на возникновение следствия, как правило, влияют несколько причин и условий. Поэтому появляется потребность в использовании метода мысленной изоляции, искусственного упрощения действительности в целях познания отдельной цепочки причины и следствия. «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать изолированно, в каком случае сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как следствие»⁵⁹.

Как верно отмечает В. Б. Малинин, причина может не только предшествовать следствию, но и существовать с ним одновременно. Превращение одного явления в другое представляет собой развивающийся во времени процесс, при котором новое явление (следствие) сосуществует с угасающим. Причина существует одновременно со своим следствием, а это значит: пока нет следствия, причина не становится действительной, т. е. единство одновременности и последовательности причины и следствия заключается в том, что в процессе становления нового, причина, уже угасая, порождает следствие⁶⁰.

В отличие от материалистической идеалистическая концепция причинно-следственной связи основана на том, что связи между причинами и следствиями являются частью сознания правоприменителя, например, конструируются и рассматриваются как типичные или нетипичные исходя из представлений конкретного лица или вводимой модели опытного наблюдателя.

В качестве примера объективной теории причинно-следственных связей необходимо указать на теорию необходимого условия (*conditio sine qua non*), которая развивалась на базе теории равноценности условий (эквивалентности). Ее видным представителем был немецкий ученый Бури.

Суть теории в том, что поведение деликвента рассматривается с позиции вопроса, является ли данное поведение необходимым звеном в цепи причин, приведших к противоправному последствию⁶¹. Как отмечает В. Б. Малинин, на базе этой теории формулируется золотое правило причинности, согласно которому, «если, мысленно выделив интересующее нас явление (применительно к праву — действие человека) из всей суммы предшествующих факторов, мы найдем, что последствие не произошло бы или произошло бы иным путем или в иное время, то следует признать, что данное явление (действие) является условием данного последствия. Если же окажется, что последствие наступило бы в том же порядке, то это значит, что действие не является условием последствия и между ними нет причинной связи»⁶².

Некоторые ученые критикуют данную теорию, поскольку ее применение ведет к ответственности за самые отдаленные от данного последствия события, цепь причинно-следственных связей может продолжаться до бесконечности⁶³.

Несмотря на критику эта теория отличается стройностью и обоснованностью аргументации. Как отмечает А. В. Егоров, причинная связь в естественнонаучном понимании является безграничной, а отнесение образовавшихся последствий к

⁵⁸ См.: Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 109.

⁵⁹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Указ. соч. С. 546—547.

⁶⁰ См.: Малинин В. Б. Указ. соч. С. 21.

⁶¹ См. Тархов В. А. Указ. соч. С. 112.

⁶² См.: Малинин В. Б. Указ. соч. С. 180.

⁶³ См. Евтеев В. С. Указ. соч. С. 80.

ответственности определенного лица требует понимания своих границ. Никакой границы понятие причинной связи в себе не содержит⁶⁴.

Действительно, причинная связь может быть безграничной, а установление пределов юридически значимого причинения должно проводиться с применением иных критериев: виновности, противоправности деяния, введение критерия предвидимости ущерба и др.

Следующей является теория главной причины (Биркмайер), суть которой в том, что из всех условий, предшествующих событию, необходимо выделить то, которое оказало максимальное воздействие для наступления результата. Как с юмором отмечал Б. С. Антимонов, эта теория может пригодиться гангстерам, ведь «при совершении преступления им нужно остерегаться только одного: создать более действенное или наиболее действенное условие вредоносного результата. Подсыпая чуть поменьше яда своей жертве, чем сообщник, отравитель находит ревностного адвоката в лице Биркмайера, который берется доказать, что сей отравитель напрасно обвинен, ибо он даже не соучастник в отравлении»⁶⁵.

Как видно из высказывания, теория главного условия неприменима к случаям совместного причинения вреда. Если несколько деликвентов избили потерпевшего, то по ст. 1080 ГК они совместно будут нести солидарную ответственность по возмещению вреда, причиненного здоровью потерпевшего. Суд в данном случае не может возложить большую ответственность на того, кто нанес наиболее болезненный удар. Степень вины здесь может выясняться лишь в рамках регресса (ст. 1081 ГК).

Интересной является теория непосредственной (ближайшей) причины. Как справедливо отмечает В. Б. Малинин, это любимая теория практических работников, которые зачастую не вдаются в тонкости рассмотрения вопросов причинности. Согласно ей только последнее, непосредственное и ближайшее к последствию действие должно признаваться причиной результата⁶⁶.

Чрезвычайно распространенной на практике является следующая формулировка: материалы дела не позволяют утверждать, что убытки понесенные истцом находятся в прямой (или непосредственной) причинно-следственной связи с действиями ответчика (см., например, постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 21.01.2008 № 09АП-18229/2007-ГК⁶⁷ и постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 18.03.2008 № 09АП-1958/2008-ГК⁶⁸).

На примере двух аналогичных дел попробуем проиллюстрировать, как применение различных теорий причинно-следственных связей (теории необходимого условия и ближайшей причины) может привести к вынесению различных решений.

ФГУП СКБ «РАДЭЛ» обратилось в арбитражный суд с иском к Российской Федерации в лице ФССП России о взыскании 2 726 906 руб. 34 коп. убытков, причиненных бездействием судебного пристава-исполнителя.

Решением суда исковые требования были удовлетворены в полном объеме. Суд исходил из того, что вред причинен по вине судебного пристава-исполнителя, который в нарушение законодательства об исполнительном производстве не произвел арест квартиры В. в счет погашения долга перед истцом, в результате чего она была реализована.

⁶⁴ См.: Егоров А. В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики. С. 75.

⁶⁵ См.: Антимонов Б. С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950. С. 184.

⁶⁶ См.: Малинин В. Б. Указ. соч. С. 99.

⁶⁷ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶⁸ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Из материалов дела следовало, что в апреле 2005 г. ФГУП СКБ «РАДЭЛ» обратилось в районный суд с просьбой о взыскании с В. суммы долга. В порядке обеспечения иска суд наложил арест на имущество В. На основании исполнительного листа судебный пристав-исполнитель возбудил исполнительное производство о наложении ареста на имущество В. в порядке обеспечения иска.

Позднее районный суд вынес заочное решение о взыскании с В. задолженности, выдал исполнительный лист, в связи с чем судебный пристав-исполнитель П. возбудил исполнительное производство. В нарушение п. 3.7 Инструкции по организации работы с документами (по делопроизводству) при ведении исполнительных в подразделениях служб судебных приставов органов юстиции в субъектах Российской Федерации, утвержденной приказом Минюста России 03.08.1999 г.⁶⁹, П. не направил запросы в органы государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ним. В результате бездействия судебного пристава-исполнителя стало возможной реализация В. одной из квартир, принадлежащих ей на праве собственности.

Учитывая, что денежных средств или иного имущества, подлежащего описи и аресту в счет погашения, в собственности у В. не обнаружено, а на оставшуюся в собственности квартиру взыскание не может быть обращено в силу ст. 466 ГК, истец обратился с иском о взыскании убытков на основании ст. 1064, 1069 ГК.

Арбитражный суд исходил из того, что факт нарушения судебным приставом-исполнителем законодательства об исполнительном производстве подтверждается письмами Минюста России по ЦФО, ФССП России, ФССП по г. Москве на жалобы истца и просьбы об отводе судебного пристава-исполнителя от участия в исполнительном производстве.

Из указанных писем следовало, что судебный пристав-исполнитель П. не направил запросы в органы государственной регистрации и кредитные учреждения, на имеющихся запросах отсутствуют исходящие номера и даты, в связи с чем судебное решение исполнено не было. Решением районного суда были удовлетворены требования истца о признании бездействия судебного пристава-исполнителя П. и начальника отдела незаконными.

Как выяснилось, 27 февраля 2006 г. В. продала одну из своих квартир. В результате из-за бездействия судебного пристава-исполнителя П. в течение семи месяцев с момента возбуждения исполнительного производства истцу был причинен ущерб в сумме 2 726 906 руб. 34 коп.

Вышеуказанную квартиру В. продала гражданину А. за сумму, эквивалентную 140 000 долл. на дату оплаты. Рыночная стоимость данной квартиры составляла 7 340 000 руб. согласно отчету об оценке.

Довод ответчика, что истцом не утрачена возможность предъявления исполнительного документа к исполнению, суд отклонил как необоснованный, т. к. судебный пристав-исполнитель вынес акт о невозможности взыскания, поскольку имущества должника, подлежащего описи и аресту в счет погашения долга, не обнаружено (см. постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 03.12.2007 № 09АП-15586/2007-ГК⁷⁰).

По другому делу ЗАО «Интеграция и строительство» обратилось в арбитражный суд с иском к ГУВД и Управлению ФССП о взыскании убытков в размере 155 078 935 руб. Определением суда к участию в деле в качестве ответчиков привлечены МВД России и ФССП России. Решением суда в удовлетворении иска было отказано.

⁶⁹ См.: Бюллетень Минюста России. 1999. № 9.

⁷⁰ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Как следовало из материалов дела, 15 мая 2006 г. следователь Ч. возбудил уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК. В ходе производства по данному уголовному делу 11 и 12 августа 2006 г. следователь Р. М. вынес три постановления о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств. Согласно данным постановлениям в качестве вещественных доказательств к указанному выше уголовному делу были приобщены десять зерноуборочных комбайнов «Лексион 480», которые затем передали на ответственное хранение ООО «ВСКН».

Впоследствии районный суд признал постановления следователя в части передачи комбайнов на ответственное хранение ООО «ВСКН» незаконными. Этим же постановлением было предписано следователю Б. Р. принять меры по устранению нарушения прав собственности ЗАО «Интеграция и строительство» в отношении указанных самоходных машин.

Определением арбитражного суда по заявлению ЗАО «Интеграция и строительство» были приняты обеспечительные меры в виде наложения ареста на указанные зерноуборочные комбайны, изъятии их у ООО «ВСКН» и третьих лиц и передаче на хранение истцу.

После этого судебный пристав-исполнитель возбудил исполнительное производство по исполнению упомянутого определения арбитражного суда. Решением арбитражного суда были признаны незаконными бездействия судебного пристава-исполнителя, выразившиеся в несовершении действий по данному исполнительному производству.

Затем было установлено, что имущество, переданное на хранение ООО «ВСКН», у последнего отсутствует, место его нахождения неизвестно. По данному факту прокурор возбудил уголовное дело.

Истец полагал, что действиями должностных лиц ГУВД и УФССП ему были причинены убытки в виде реального ущерба в размере стоимости утраченных зерноуборочных комбайнов.

Арбитражный суд посчитал, что в материалах дела нет доказательств, подтверждающих наличие причинно-следственной связи между виновными действиями сотрудников Управление ФССП России и ГУВД и причиненными истцу убытками.

Впоследствии в рамках исполнительного производства по исполнению определения арбитражного суда судебный пристав-исполнитель С. Ю. в присутствии представителя ЗАО «Интеграция и строительство» произвел арест и опись находящихся у ООО «ВСКН» десяти зерноуборочных комбайнов «Лексион 480». Указанное имущество было передано судебным приставом-исполнителем на ответственное хранение генеральному директору ООО «ВСКН».

Поскольку зерноуборочные комбайны стали объектом описи и ареста в рамках исполнительного производства и были переданы на ответственное хранение руководству ООО «ВСКН» после утраты ими статуса вещественных доказательств по уголовному делу, суд не усмотрел наличия причинно-следственной связи между действиями должностных лиц органов внутренних дел и возникшими у истца убытками. Утрата арестованного имущества, которое было вверено руководству ООО «ВСКН» по акту описи и ареста не может являться прямым следствием действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя С. Ю.

Из постановления о возбуждении уголовного дела следовало, что по данным предварительного следствия арестованные зерноуборочные комбайны были похищены с территории АТП-19 неустановленными лицами.

Согласно ст. 53 Закона об исполнительном производстве хранитель арестованного имущества отвечает за его сохранность и несет в связи с этим как имущественную, так и

уголовную ответственность (см. постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 06.06.2008 № 09АП-5862/2008 ГК⁷¹).

Как видно из анализа данных дел, суды в схожих ситуациях, используя разные теории причинно-следственных связей, пришли к противоположным решениям. В первом случае суд интуитивно руководствовался теорией необходимого условия, поскольку на наступление негативного результата у потерпевшего воздействовало несколько условий: факт неисполнения обязательства должником, реализация им имущества в целях его увода от взыскания кредитором, бездействие судебного пристава-исполнителя, создавшего соответствующие условия. По мнению суда, бездействие пристава явилось необходимым условием для наступления негативного результата в имущественной сфере потерпевшего, хотя потерпевший продолжает находиться в обязательственной связи с должником, имеет право на взыскание с него задолженности.

Во втором примере суд интуитивно руководствовался теорией ближайшей, непосредственной причины. Если сами приставы-исполнители не похищали имущество (оно было похищено неустановленными лицами), то Российскую Федерацию в лице ФССП России нельзя привлечь к ответственности. Суд не придавал значения обстоятельствам, что определением арбитражного суда о принятии обеспечительных мер комбайны подлежали передаче на хранение ЗАО «Интеграция и строительство», а не директору ООО «ВКСН», что другим решением бездействие пристава-исполнителя было признано незаконным. Таким образом, пристав-исполнитель создал необходимые условия для того, чтобы потерпевшему был причинен ущерб. Однако с позиции теории ближайшей причины такие условия являются отдаленными для привлечения к ответственности за вред, и возникший ущерб должен лечь бременем на потерпевшего.

К сожалению, отечественная правоприменительная система с советских времен чрезвычайно жестко подходит к вопросам установления причинно-следственных связей, не использует теоретический арсенал средств их установления, тем самым в большей мере защищая правонарушителей, нежели потерпевших, а на примере последнего дела — потворствует коррупции.

В качестве примера субъективной теории причинно-следственных связей наибольший интерес представляет адекватная теория причинности (И. Криз, Рюмелин, Трегер).

По мнению, В. А. Тархова данная теория, признавая, что все причины являются действующими, требует принимать во внимание лишь те, которые учитываются жизненным опытом с позиции вероятности и возможности. Теория имеет различные направления. Если Криз полагал, что типичность надо оценивать с точки зрения ответственного лица и потому причинная связь может иметь значение лишь при наличии вины (субъективная теория), то Рюмелин считал необходимым принимать во внимание также условия, ставшие известными после причинения *ex post* (объективная теория адекватного причинения)⁷².

Сторонники данной теории считают, что если изучать каждый конкретный случай в отдельности, то нельзя будет сделать обобщающих выводов. Рассматривать следует ряд конкретных случаев, сгруппировав их по типичным признакам. Условия, которые не будут типичными, адекватными, не могут стать причиной явления. Приверженцы субъективного направления указывают на то, что такие условия должны быть распознаваемы субъектом деяния, объективисты, напротив, принимают во внимание все

⁷¹ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷² См.: Тархов В. А. Указ. соч. С. 113—114.

условия, которые могут быть распознаваемы не субъектом деяния, а судьей, опытным наблюдателем⁷³.

В советское время эту теорию усиленно критиковали как «буржуазно-идеалистическую», рассматривающую природу как часть разума. Приводились такие примеры, когда адекватная теория не работала: одно лицо в шутку легко ударило другое ладонью по лбу; у потерпевшего была ненормальная хрупкость костей, которая до того не обнаруживалась, и на черепе образовалась трещина; причинная связь здесь не типична, однако имеется⁷⁴.

Однако данная теория применительно к идее предвидимости (адекватности) убытка активно используется в правовых системах развитых государств, в том числе в сводах унифицированных правил, регламентирующих международный торговый оборот. Согласно ст. 74 Венской конвенции «О международных договорах купли-продажи», убытки за нарушение договора не могут превышать ущерба, который нарушившая договор сторона предвидела или должна была предвидеть в момент заключения договора как возможное последствие его нарушения, учитывая обстоятельства, о которых она в то время знала или должна была знать. В ст. 7.4.4. Принципов международных коммерческих договоров также сказано, что неисполнившая сторона отвечает только за ущерб, который она предвидела или могла разумно предвидеть при заключении договора как вероятное последствие его неисполнения. Основное значение такого подхода — неисполнившая сторона не должна быть обременена компенсацией ущерба, который она никогда не могла бы предвидеть в момент заключения договора и риск наступления которого она могла бы покрыть страхованием⁷⁵.

А. В. Егоров отмечает, что адекватная теория в германской правоприменительной практике выступает в качестве ограничителя теории необходимого условия. Возмещению подлежат лишь убытки, наступление которых не казалось бы полностью невероятным в момент данного события с точки зрения оптимального наблюдателя⁷⁶.

Следует отметить, что адекватная теория причинения в скором времени должна стать предметом пристального изучения правоприменителями, поскольку согласно п. 5.2 Концепции развития гражданского законодательства РФ, утвержденной Президентом РФ, в гл. 25 ГК будет введена норма, в соответствии с которой должник, нарушивший договор, не будет возмещать ущерб, который он не предвидел или не должен был разумно предвидеть при заключении договора как вероятное последствие его нарушения.

2.5. Вина как условие деликтной ответственности.

Безвиновная деликтная ответственность

Являясь субъективным элементом состава гражданского правонарушения, вина — одно из необходимых условий для привлечения должника к гражданско-правовой ответственности. Принцип ответственности за вину выступает в качестве неотъемлемого элемента конструкции генерального деликта. Так, в ст. 1382 французского ГК (Кодекс Наполеона) впервые было закреплено правило, согласно которому любое действие человека, которое причиняет другому ущерб, обязывает того, по вине кого ущерб произошел, к его возмещению⁷⁷.

⁷³ См.: *Малинин В. Б.* Указ. соч. С. 95—96.

⁷⁴ См.: *Тархов В. А.* Указ. соч. С. 114.

⁷⁵ Принципы международных коммерческих договоров / пер. с англ. А. С. Комаров. М., 1996. С. 230—231.

⁷⁶ См.: *Егоров А. В.* Указ. соч. С. 74—76.

⁷⁷ Французский гражданский кодекс / пер. с франц. А. А. Жуковой, Г. А. Пашковской. СПб, 2004.

Принцип ответственности за вину долгое время рассматривался в качестве одного из важнейших достижений цивилизации и, как отметил Р. Леже, был включен в правовое наследие человечества⁷⁸. В советский период развития отечественной цивилистики также господствовала позиция, в соответствии с которой «там, где нет вины — не может быть ответственности»⁷⁹.

Сначала в науке гражданского права господствовало так называемая психологическая концепция вины, заимствованная из уголовного права. Согласно ей вина понималась как психическое отношение лица к своему противоправному деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности⁸⁰.

Современное гражданское законодательство сделало крен в сторону поведенческой, объективной концепции вины, поскольку согласно абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. Как отмечается в учебной литературе трактовка вины как психического отношения нарушителя к своему поведению и его результатам практически бесполезна. Решать вопрос о вине и невиновности необходимо путем анализа отношения лица к своим делам и обязанностям. Если оно проявляет необходимую осмотрительность, которую можно требовать от него с учетом характера обстановки, в которой оно находится и действует, то такого субъекта следует признать невиновным в причинении вреда. Однако это относится к случаю, когда речь идет о неосторожности. Вина в форме умысла заключается в намеренных действиях либо бездействии, направленных на причинение имущественного вреда другому лицу»⁸¹.

В литературе отмечается тенденция к уменьшению значения субъективного основания ответственности. При его оценке используются такие объективные критерии, как «требования, принятые в обороте», поведение «хорошего и заботливого хозяина», поведение «разумного предпринимателя»⁸². На это обращает внимание и Р. Леже, полагающий, что субъективная концепция вины невероятно затруднила или даже сделала невозможным для потерпевших отыскание платежеспособной ответственности, поэтому делаются выводы, что само посягательство на право другого лица, вытекающее из действий причинителя, образует виновное деяние⁸³.

Отличие гражданского подхода к вине от уголовного состоит и в том, что вина в гражданском праве не является мерой ответственности. Мерой ответственности здесь становится вред, размер причиненного убытка, что вытекает из общей, компенсационно-восстановительной направленности гражданско-правовой ответственности. Потерпевшему не важно, умышленно или по неосторожности действовал деликвент. Его заботит лишь полное возмещение причиненного ущерба. Критерий учета степени вины правонарушителя будет влиять на объем ответственности только в случаях, прямо предусмотренных законом. Например, при компенсации морального вреда (ст. 1101 ГК), т. е. при компенсации немущественного вреда, который не имеет денежной оценки, а лишь заглаживается при назначении определенной денежной суммы.

⁷⁸ См.: Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / пер. с франц. А. В. Грядов. М., 2009. С. 341.

⁷⁹ См., напр.: Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 156.

⁸⁰ См. напр.: Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955. С. 178; Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. С. 128.

⁸¹ См.: Гражданское право : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. Т. 4. Обязательственное право С. 634—635.

⁸² См. напр.: Синявская М. С. Нарушение договора и его последствия: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы гражданского права: сбор. статей / под ред. О. Ю. Шилохвоста. Вып. 9. М., 2005. С. 445.

⁸³ См.: Леже Р. Указ. соч. С. 347—348.

Специфика гражданского подхода заключается в том, что в силу п. 2 ст. 401 ГК отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. Аналогичное правило установлено и нормами о деликтных обязательствах. Согласно п. 2 ст. 1064 ГК лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что ущерб причинен не по его вине.

Указанные правила свидетельствуют о том, что гражданско-правовая ответственность основывается на презумировании виновности неисправных должников или деликвентов (см. п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»^{84,85}). Как справедливо отмечал Л. А. Лунц, «если исполнение не последовало, то всегда действует презумпция (законное предположение), что налицо вина должника»⁸⁶. Таким образом, законодатель исходит из правового предположения, что всякое неисполнение обязательства, любое причинение вреда обусловлено виновными действиями правонарушителя, пока не доказано обратное.

Исходя из целей настоящей работы, необходимо определиться с понятием презумпции как правовой категории. По мнению В. К. Бабаева, «презумпция — это закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденными предшествующим опытом»⁸⁷. Н. Н. Цуканов, напротив, называет презумпцию «особым приемом регулирования общественных отношений, заключающемся в обязанности признать презумируемый факт установленным»⁸⁸.

В связи с этим представляется верным подход, избранный О. А. Кузнецовой, считающей, что правы не только исследователя, считающие презумпцию закрепленным в нормах права предположением, но и те, кто определяет ее как обязанность признать определенный факт установленным. «При этом здесь не усматривается никакого противоречия, поскольку хорошо известно, что чем сложнее явление, тем большего числа определений требуется для его глубокого познания. В данном случае следует говорить о статичном и динамичном определении презумпции... Определяя презумпцию как предположение, закрепленное в нормах права, мы говорим о статике этого явления, фиксируем внимание на его потенциальных правовых возможностях, однако не отражаем динамику реализации презумпций... Обязанность признать презумируемый факт установленным является отражением действия презумпции, ее динамическим определением»⁸⁹.

Применительно к презумпции вины это означает, что в случае неисполнения обязательства действия неисправного контрагента носят виновный характер, если правонарушителем не доказано обратное. При этом кредитор не обязан представлять доказательства виновности должника, вина которого презумируется.

Как правило, судебные инстанции надлежащим образом применяют нормы ГК, закрепляющие презумпцию вины неисправного контрагента (деликвента).

⁸⁴ См.: РГ. 2010. № 24.

⁸⁵ См. подробнее: *Богданов Д. Е.* Вина как условие гражданско-правовой ответственности (анализ теории и судебной практики) // *Российский судья*. 2008. № 4. С. 20—22.

⁸⁶ См.: *Новицкий И. Б., Лунц Л. А.* Обязательственное право. М., 1950. С. 319.

⁸⁷ См.: *Бабаев В. К.* Презумпции в советском праве : учеб. пособие. Горький, 1974. С. 14.

⁸⁸ См.: *Цуканов Н. Н.* О критериях правовой презумпции // *Законотворческая техника в современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сборн. статей : в 2 т.* Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 504.

⁸⁹ См.: *Кузнецова О. А.* Презумпции в гражданском праве. СПб, 2002. С. 25—26.

В этой связи представляется верной позиция О. А. Кузнецовой, отмечающей, что «юридико-техническое значение презумпций состоит в том, что, во-первых, презумпция освобождает участников судебного процесса от доказывания определенных фактов, которые закон признает за существующие, исходя из определенной степени их вероятности... Во-вторых, презумпция распределяет бремя доказывания указывая на то, кто и каким образом может опровергнуть презумируемый факт»⁹⁰. Выходит, «цель презумпции — облегчать сторонам задачу по представлению доказательств, относящихся к делу... Практически презумпция означает, кто проиграет, если не представит доказательства»⁹¹.

Однако зачастую судебные органы, вынося решение, не принимают во внимание положения гражданского законодательства, закрепляющие презумпцию вины. Так, ФАС России Волго-Вятского округа по одному из дел посчитал, что для удовлетворения требования о взыскании ущерба, необходимо доказать наличие состава правонарушения: наступление вреда, наличие противоправного поведения и вины причинителя вреда, а также причинно-следственную связь. В случае отсутствия доказательств хотя бы по одному элементу состава правонарушения, наступление деликтной ответственности исключается.

По другому делу истец обратился в суд с иском к ответчику о возмещении ущерба, причиненного возгоранием щитов управления дизель-генератора. Вынесенным решением в иске было отказано. Постановлениями апелляционной и кассационной инстанций решение было оставлено без изменений.

Как следовало из материалов дела, в помещении дизель-генераторной установки произошло возгорание щитов, в результате чего полностью выгорели три шкафа и частично кабельные системы. Ущерб, причиненный пожаром, составил 107 912 руб.

Исследовав материалы дела, судебные инстанции пришли к выводу об отсутствии оснований для взыскания с ответчика суммы ущерба, так как в силу ст. 1064 ГК лицо отвечает за причиненный вред при наличии вины. Вместе с тем вина изготовителя шкафов материалами дела не была доказана. Акты, на которые ссылается истец, получили соответствующую оценку со стороны суда, сделавшего вывод об отсутствии надлежащих доказательств вины ответчика.

Вышеперечисленные примеры из судебной практики свидетельствуют о том, что суды зачастую непоследовательны в применении положений действующего законодательства закрепляющих презумпцию вины, необоснованно требуя представления истцами доказательств вины правонарушителей, полагая, что наличие вины не предполагается, а доказывается.

Однако это неверно. Истец (кредитор) должен доказывать лишь наличие и размер понесенного ущерба и причинно-следственную связь между действиями правонарушителя и наступившими последствиями у кредитора (потерпевшего).

Представлять доказательства вины правонарушителя кредитор должен лишь в случаях, прямо предусмотренных гражданским законодательством, когда презумпция вины должника не действует, а, напротив, закреплена презумпция невиновности, например, в п. 2 ст. 178, п. 2 ст. 1070 ГК и др. Таким образом, общим правилом гражданско-правовой ответственности является презумпция виновности, в то время как презумпция невиновности может иметь место в случаях, предусмотренных действующим законодательством.

⁹⁰ См.: Кузнецова О. А. Указ. соч. С. 99.

⁹¹ См.: Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург, 1997. С. 108.

В настоящее время продолжает развиваться тенденция расширения безвиновной ответственности. Как справедливо отмечает Г. В. Хохлова, раньше принцип субъективной ответственности был призван охранить интересы личности, теперь он часто действует в ущерб ей, и принцип объективной ответственности встает на защиту личности и ее благ. Указанный процесс объективизации ответственности является одним из составляющих процесса социализации права.

В действующем ГК безвиновная деликтная ответственность установлена:

- в п. 1 ст. 1070 — за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных и судебных органов;
- п. 1 ст. 1079 — за вред, причиненный источником повышенной опасности;
- п. 1 ст. 1095 — за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг;
- ст. 1100 — за некоторые случаи причинения морального вреда;
- п. 2 ст. 1104 — как ответственность неосновательного приобретателя перед потерпевшим за несохранность неосновательно приобретенного имущества, после того как он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения.

Расширение объемов безвиновной ответственности — это объективный процесс. По мнению, Е. Годэмэ, «требование вины как элемента ответственности в общепринятом учении кажется последним остатком смешения гражданской и уголовной ответственности, возмещением вреда и уголовного наказания. С карательной точки зрения действие должно составлять вину, с точки зрения обязанности гражданского возмещения достаточно причинной связи»⁹².

Необходимо оговориться и о границах ответственности. В науке гражданского права, в качестве предела виновной ответственности выделяют категорию случая (*casus*), являющегося, по сути, антиподом вины⁹³. В законодательстве отсутствует легальное определение случая, хотя данный термин упоминается в ряде норм ГК (ст. 211, 405, 705, 1104 и др.) Сущность данной категории раскрывается в цивилистической литературе. Так, Л. А. Лунц отмечал: «всякое обстоятельство (факт), обусловившее такую невозможность исполнения, которую должник не мог предотвратить надлежащей мерой своей заботливости, носит наименование "случай"».

Следовательно, случай и отсутствие вины — две стороны одного и того же явления. И там, где кончается вина, начинается случай. Поэтому принцип ответственности должника лишь при наличии вины можно сформулировать следующим образом: «должник не отвечает за случай»⁹⁴.

В этой связи вызывает интерес и позиция З. В. Градобоевой, считающей, что «случай будет присутствовать там, где лицо проявило соответствующую степень заботливости, осмотрительности, требующуюся от него по характеру обязательства и условиям оборота. Кроме того, случай как антипод вины характеризуется тем, что лицо не знало и не должно было знать о возможности наступления вредных последствий. Получается, основным признаком случая является непредвидимость события. Именно поэтому данную категорию часто именуют субъективным случаем, поскольку событие, носящее характер случая, в принципе является преодолимым, оно не может быть предотвращено лишь в силу незнания, невозможности предвидения ответственным лицом. В этом и состоит различие между случаем и непреодолимой силой, которая является

⁹² См.: Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М., 1948. С. 320.

⁹³ См.: Павлодский Е. А. Случай и непреодолимая сила в гражданском праве. М., 1978. С. 29.

⁹⁴ См.: Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 356.

объективной категорией, поскольку независимо от возможности предвидения явление непреодолимой силы не может быть предотвращено»⁹⁵.

Границами безвиновной ответственности выступают обстоятельства непреодолимой силы, а также умысел потерпевшего.

Согласно п. 3 ст. 401 ГК непреодолимая сила — чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства. Из указанного определения видно, что законодатель выделил три признака данного явления:

- 1) чрезвычайность;
- 2) непредотвратимость;
- 3) относительность.

Как указывает З. В. Градобоева, чрезвычайность выражается в необычности, исключительности, экстраординарности событий. Только весьма необычное обстоятельство можно отнести к явлениям непреодолимой силы. Под непредотвратимостью обстоятельств надо понимать, что событие не может быть предотвращено (даже при его предвидении) не только данным лицом, но и любым другим лицом исходя из современного состояния науки и техники. Признак относительности означает, что при различных условиях одно и то же обстоятельство может быть в одном случае предотвратимо, а в другом — нет. Однако эта относительность объективна и зависит от условий места и времени⁹⁶.

К обстоятельствам непреодолимой силы обычно относят явления стихийного характера (землетрясения, цунами, наводнения, тайфуны и др.), техногенные катастрофы (например, взрыв на Чернобыльской АЭС), явления социального характера (массовые акции неповиновения, революции, отраслевые забастовки), боевые действия, террористические акты и др.

Например, в постановлении ФАС Московского округа от 07.10.2005 № КГ-А40/9711-05 указывается, что, установив факт утраты груза в результате террористического акта, суд пришел к обоснованному выводу о наличии оснований для освобождения перевозчика от ответственности в связи с тем, что надлежащее исполнение договора перевозки оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, которую перевозчик не мог предотвратить или устранить по не зависящим от него причинам⁹⁷.

Согласно п. 1 ст. 1083 ГК вред, возникший вследствие умысла потерпевшего, возмещению не подлежит. Если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен.

При грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда в случаях, когда его ответственность наступает независимо от вины, размер возмещения должен быть уменьшен или в возмещении вреда может быть отказано, если законом не предусмотрено иное. При причинении вреда жизни или здоровью гражданина отказ в возмещении вреда не допускается.

Вопрос о том, является ли допущенная потерпевшим неосторожность грубой, в каждом случае должен решаться с учетом фактических обстоятельств дела (характер деятельности, обстановка причинения вреда, индивидуальные особенности потерпевшего, его состояние и др.) (см. п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010

⁹⁵ См.: Градобоева З. В. Непреодолимая сила в гражданском праве России // Цивилистические записки : межвуз. сб. научн. трудов. М., 2002. Вып. 2. С. 247—248.

⁹⁶ См.: Градобоева З. В. Указ. соч. С. 246—248.

⁹⁷ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

№1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина⁹⁸).

Вина потерпевшего не учитывается при возмещении дополнительных расходов (п. 1 ст. 1085 ГК), при возмещении вреда в связи со смертью кормильца (ст. 1089 ГК), а также при возмещении расходов на погребение (ст. 1094 ГК).

Суд также может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения, за исключением случаев, когда вред причинен действиями, совершенными умышленно.

⁹⁸ См.: РГ. 2010. № 24.

Глава 3

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ

3.1 Общие положения о возмещении вреда, причиненного публично-правовыми образованиями

Как справедливо отмечает С. Ю. Рипинский: «Основополагающим принципом правового государства, каковым декларирует себя Россия, является принцип верховенства права. Верховенство права означает, прежде всего, ограничение воли властей, государства. Государственные органы действуют в соответствии с предписаниями права, которое ограничивает произвол власти. Право выступает как сила, способная подчинить государство. Образно говоря, право встает над государством, чтобы государство не встало над обществом»⁹⁹.

В силу ст. 53 Конституции каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Указанное конституционное положение детализируется правилами ст. 16, 1069 ГК, в соответствии с которыми вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Происходит это за счет казны РФ, субъекта РФ или муниципального образования.

Таким образом, «действующее законодательство предусматривает возмещение вреда, причиненного не только в области управления, т. е. деятельности исполнительной власти, а в сфере деятельности государственной власти вообще, в сфере властвования, независимо от того незаконной деятельностью какой власти причинен вред — законодательной, исполнительной или судебной»¹⁰⁰.

В науке гражданского права правила о возмещении вреда, причиненного публично-правовыми образованиями, традиционно рассматриваются в качестве специального деликта. Как указывается в одном из определений Конституционного Суда РФ, по своей юридической природе обязательства, возникающие в силу применения норм гражданско-правового института возмещения вреда, причиненного актами органов власти или их должностных лиц, представляют собой правовую форму реализации гражданско-правовой ответственности, к которой привлекается в соответствии с предписанием закона причинитель вреда (ст. 1064 ГК). В частности, ст. 1069 ГК содержит конкретную норму об ответственности за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами. Применение данной нормы предполагает наличие как общих условий деликтной (т. е. внедоговорной) ответственности, так и специальных условий такой ответственности, связанных с особенностями субъекта ответственности и характера его действий (см. Определение

⁹⁹ См.: Рипинский С. Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям. СПб., 2002. С. 15.

¹⁰⁰ См.: Маковский А. Л. Гражданская ответственность государства за акты власти // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика / отв. ред. А. Л. Маковский. М., 1998. С. 98—99.

Конституционного Суда РФ от 04.06.2009 № 1005-О-О¹⁰¹). Такие специальные условия ответственности публично-правовых образований, как условия, относящиеся к правовому статусу причинителя вреда и к характеру его деятельности, традиционно выделяют и в гражданском праве¹⁰².

Как видно из анализа ст. 16 и 1069 ГК, публично-правовые образования (т. е. Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования) привлекаются к ответственности за вред, причиненный их органами и должностными лицами.

В законодательстве отсутствует легальное определение органа государственной власти, поэтому можно указать на некоторые подходы, выработанные доктриной. Так, под органом государственной власти понимается звено (элемент) механизма государства, участвующее в осуществлении функций государства и наделенное для этого властными полномочиями; важнейшим признаком государственного органа является наличие у него компетенции — властных полномочий определенного содержания и объема. Согласно своей компетенции орган государства обладает властными полномочиями, которые выражаются в издании обязательных к применению правовых актов (нормативные и ненормативные) и обеспечении выполнения правовых актов органов государства путем применения различных методов, в том числе метода принуждения¹⁰³.

Если же вред причинен не звеном государственного (муниципального) аппарата, осуществляющего публичную функцию в пределах своей компетенции от имени публичного образования, а, например, бюджетным учреждением или унитарным предприятием, либо их работниками, то ответственность в таком случае будет основываться на общих правилах ст. 1064, 1068 ГК.

Так, по одному из дел арбитражный суд обоснованно посчитал, что «войсковая часть не относится к государственным органам, поэтому отношения по возмещению убытков подлежат регулированию ст. 1068 ГК, а не ст. 16 и 1069 ГК (см. постановление ФАС Северо-Западного округа от 04.05.2007 № А56-57136/2005¹⁰⁴).

В соответствии с ст. 1069 ГК ответственность публичных образований может наступать как за действия их органов, так и за действия должностных лиц. Действующее законодательство не содержит общего определения должностного лица, которое могло бы быть использовано в целях применения ст. 1069. Например, согласно примечанию к ст. 285 УК, должностным лицом признается лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ». В примечании к ст. 2.4 КоАП аналогичное определение дополняется тем, что должностное лицо, осуществляющее функцию представителя власти, должно быть наделено в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от данного лица.

В таком случае обоснованным является мнение С. В. Федосеевой, считающей, что ст. 1069 ГК необходимо дополнить примечанием следующего содержания: «Должностным лицом признается лицо, постоянно, временно или по специальному

¹⁰¹ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰² См.: Ритинский С. Ю. Указ. соч. С. 69; Андреев Ю. Н. Участие государства в гражданско-правовых отношениях. СПб, 2005. С. 253.

¹⁰³ Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М.: Норма, 2001. С. 159—160.

¹⁰⁴ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

полномочию осуществляющее функции представителя власти, т. е. наделенное в установленном законом порядке распорядительными и организационно-распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от данного лица»¹⁰⁵.

Для наступления ответственности по правилам ст. 1069 ГК необходимо наличие еще одного специального условия, относящегося к специфике деятельности деликвента. Ответственность публично-правовых образований будет наступать только в том случае, если вред был причинен при осуществлении властной деятельности, реализации публичных функций, иначе публично-правовые образования отвечали бы вообще за любые действия государственных органов и должностных лиц.

В соответствии со ст. 1069 ГК властные действия могут выражаться как в форме издания властного акта, так и путем совершения фактических действий органами и их должностными лицами.

Так, в п. 5 проекта постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О способах защиты прав и законных интересов участников экономического оборота в случае причинения им вреда со стороны государственных органов, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц»¹⁰⁶ предлагается примерный перечень неправомерных действий (с нарушением правовых норм, превышением или вне предоставленных полномочий) субъектов власти, к которым относятся, в частности: принятие незаконного нормативного/ненормативного акта; ненадлежащее (неполное, несвоевременное) выполнение органом или должностным лицом своей обязанности; незаконный отказ в выдаче, приостановление, отзыв лицензии или иного разрешительного документа; невыполнение (уклонение от выполнения) обязанности; неисполнение судебного акта.

Как отмечает И. А. Тактаев, всем властным актам присущи следующие признаки: официальность, односторонность, формальность, властный характер, т. е. акт власти — это официальное, одностороннее властное действие полномочного государственного (муниципального) органа или должностного лица, принятое в соответствии с установленной процедурой по вопросу, отнесенному к его компетенции, облеченное в предусмотренное нормой права форму и порождающее юридические последствия¹⁰⁷.

Властные акты подразделяются на нормативные, индивидуальные и юрисдикционные (правоприменительные).

Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.01.2003 № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» под нормативным правовым актом понимается акт, изданный в установленном порядке уполномоченным на то органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, действующий независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные актом¹⁰⁸.

¹⁰⁵ См.: Федосеева С. В. Условия ответственности за вред, причиненный актами власти // *Налоги* (газета). 2009. № 28.

¹⁰⁶ http://www.arbitr.ru/_upimg/C7899235EE81F7DDE110BAC397F147C9_vas_zp_2008-04-24.pdf.

¹⁰⁷ См.: Тактаев И. В. Отдельные виды ответственности публично-правовых образований за вред, причиненный их органами и должностными лицами // *Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей / под ред. О. Ю. Шилохвоста. Вып. 7. М., 2003. С. 237.*

¹⁰⁸ См.: БВС РФ. 2003. № 3.

Индивидуальные властные акты направлены на возникновение, изменение, прекращение конкретных правоотношений между определенным кругом лиц. К таковым можно отнести отказ в государственной регистрации сделки, приостановление действия лицензии и пр. Правоприменительные акты также имеют индивидуальный характер и рассчитаны на однократность их применения.

Представляется верной позиция А. Л. Маковского указывающего, что применение ответственности по правилам ст. 1069 ГК зависит не от наименования соответствующего образования и не от его организационно-правовой формы, а от наличия или отсутствия у него (даже если это не вполне соответствует природе соответствующего образования) функций публичной власти¹⁰⁹. Действительно, имеются случаи делегирования публичных, властных функций лицам, формально не отвечающих признакам органов государственной власти. Например, законодатель наделил некоторыми властными полномочиями государственные корпорации (некоммерческие организации). Применение специального условия ответственности позволит привлекать к ней публично-правовые образования в случае реализации нетипичными субъектами делегированных властных функций, т. е. субъектов, делегировавших свои властные функции.

Так, в п. 11 вышеупомянутого проекта Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, прямо указано на необходимость применения правил ст. 1069 ГК при причинении вреда не только органами, входящими в структуру органов государственной власти или местного самоуправления, но и органами или организациями, которым делегированы соответствующие властные полномочия в соответствии с законодательством, если вред причинен в рамках выполнения этих полномочий.

По мнению ряда ученых, особенность исследуемого деликта заключается как в наличии специальных условий ответственности, так и в том, что в указанной сфере не применяется элемент принципа генерального деликта — презумпция противоправности причинения вреда, т. е. «всякая властная деятельность предполагается правомерной»¹¹⁰. Поэтому именно на потерпевших должно возлагаться бремя доказывания незаконности действий государственных (муниципальных) органов и должностных лиц.

Данная позиция, к сожалению, прочно укоренившаяся в правоприменительной практике и повторяемая многими учеными, досталась нам от советской эпохи. Основана она на работах 30—40-летней давности¹¹¹. Непосредственно в действующем гражданском законодательстве нет никаких намеков на то, что бремя доказывания противоправности должно возлагаться на потерпевших.

Другие авторы указывают, что с принятием новых ГПК и АПК положение дел изменилось, поскольку в ст. 249 ГПК и ст. 200 АПК установлено, что обязанности по доказыванию обстоятельств, послуживших основанием для принятия нормативного правового акта, его законности, а также законности оспариваемых решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц, возлагаются на орган, принявший нормативный правовой акт, органы и лиц, которые приняли или совершили оспариваемые действия (бездействие). Таким образом, презумпция противоправности причинения вреда распространена и на случаи причинения вреда актами власти¹¹².

¹⁰⁹ См.: Маковский А. Д. Указ. соч. С. 103.

¹¹⁰ См. напр.: Тактаев И. А. Указ. соч. С. 239; Гражданское право : в 4 т. Обязательственное право / под ред. Е. А. Суханова. Т. 4. М., 2006. С. 658.

¹¹¹ См., напр.: Кун А. П. Противоправность и вина в обязательствах по возмещению вреда, причиненного гражданину актами власти // Правоведение. 1984. № 3.

¹¹² См.: Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. Т. 3. С. 26.

Именно поэтому презумирование законности любых действий властных органов представляется обстоятельством недопустимым и препятствующим в деле борьбы с коррупцией.

Необходимо учитывать и то, что при причинении вреда властной деятельностью наиболее слабой стороной является потерпевший. Исходя из требований принципа справедливости, необходимо возлагать бремя доказывания на то лицо, которому легче его вынести.

В качестве отличительного признака данного деликта многими учеными указывается и на особый механизм установления противоправности, необходимость предварительного признания властного акта недействительным¹¹³. Анализ судебной практики также показывает, что в большинстве случаев суды основываются на традиционной установке, что незаконность действий публичной власти должна быть установлена вступившим в силу судебным актом, который должен иметь преюдициальное значение в соответствии с положениями ст. 69 АПК¹¹⁴.

Как справедливо отмечает К. Нам, согласно существующему законодательству и правовой логике препятствия для взыскания с государства убытков, причиненных незаконными действиями субъектов власти, без предварительного судебного признания таких действий незаконными отсутствуют¹¹⁵.

Согласно Определению Конституционного Суда РФ от 04.06.2009 № 1005-О-О¹¹⁶, возможно объединение в одном иске требований о признании недействительным акта государственного органа, органа местного самоуправления, а также о возмещении убытков, возникших у граждан или юридических лиц в результате издания подобного акта, и рассмотрение двух требований в одном производстве. Суд вправе, если посчитает нецелесообразным совместное рассмотрение, разъединить требования и рассмотреть их раздельно.

Согласно информационному письму Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.12.2005 № 99 «Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»¹¹⁷, с учетом положения ст. 130 АПК требование о признании ненормативного правового акта недействительным и требование о возмещении вреда, основанное на ст. 1069 ГК, могут быть соединены в одном исковом заявлении, если они связаны между собой по основаниям возникновения или по представленным доказательствам, а к участию в деле привлечены соответственно государственный орган, орган местного самоуправления, должностное лицо этих органов, а также публично-правовое образование, ответственное за возмещение вреда.

Высший Арбитражный Суд РФ в своих актах по конкретным делам также исходит из того, что для взыскания убытков, причиненных субъектом власти, не требуется предварительного судебного решения о признании соответствующего властного акта или действия (бездействия) недействительным. Так, в Определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.04.2008 № 5616/08¹¹⁸ указано, что ссылка заявителя на отсутствие судебного акта, установившего незаконность действий судебного пристава-исполнителя, отклоняется, поскольку само требование о возмещении убытков, причиненных

¹¹³ См. напр.: Научно-практический комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. М., 1999. С. 83.

¹¹⁴ См. напр.: *Киличенкова М. А.* Обобщение судебной практики по делам о возмещении вреда, причиненного в результате неправомерных действий государственных органов и их должностных лиц // *Арбитражные споры*. 2008. № 3.

¹¹⁵ См.: *Нам К.* Через тернии к государству за убытками // *ЭЖ-Юрист*. 2008. №40.

¹¹⁶ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹⁷ См.: ВАС РФ. 2006. № 3

¹¹⁸ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

незаконными действиями судебного пристава-исполнителя, связано с требованием о признании этих действий незаконными по основаниям возникновения и представляемым доказательствам.

В связи с этим представляется верным вывод, содержащийся в п. 18 проекта постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, согласно которому «в соответствии с ч. 2 ст. 120 Конституции суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного органа или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом. Из данной статьи следует, что иск о возмещении вреда, причиненного субъектами власти, подлежит удовлетворению независимо от признания соответствующих действий (бездействия) незаконными в судебном акте по другому делу или предъявления заявления о признании соответствующих действий (бездействия) незаконными.

Необходимо также отметить, что в соответствии со ст. 1071 ГК в случаях, когда вред подлежит возмещению за счет казны РФ, субъекта РФ или муниципального образования, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, если эта обязанность не возложена на другой орган (п. 3 ст. 125 ГК).

Согласно п. 12 постановления пленума Верховного Суда РФ и пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8¹¹⁹ предъявление потерпевшими исковых требований непосредственно к государственным органам и органам местного самоуправления, действиями (бездействием) которых причинен вред, не может служить основанием к отказу в принятии искового заявления либо к его возвращению без рассмотрения. В этом случае суд с соблюдением норм действующего процессуального законодательства, регулирующего вопросы замены ненадлежащей стороны, привлекает в качестве надлежащего ответчика по делу соответственно Российскую Федерацию, субъект РФ, муниципальное образование. Непосредственно к участию в деле привлекаются те государственные органы, органы местного самоуправления, которые согласно ст. 1071 ГК уполномочены представлять Российскую Федерацию, субъект РФ, муниципальное образование по таким делам.

В настоящее время арбитражные суды и суды общей юрисдикции по-разному определяют органы, которые должны выступать в качестве процессуальных ответчиков по делам о возмещении вреда, причиненного публично-правовыми образованиями.

Например, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за I квартал 2001 г. указано, что необходимо по искам о возмещении физическим лицам вреда, причиненного незаконными действиями федеральных органов государственной власти, привлекать к участию в деле в качестве ответчика Минфин России в лице Главного управления Федерального казначейства¹²⁰.

Напротив, система арбитражных судов руководствуется положениями БК. Так, в п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного Кодекса Российской Федерации»¹²¹ указано, что согласно 158 Бюджетного кодекса Российской Федерации в суде от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования по искам о возмещении вреда, причиненного незаконными решениями и действиями (бездействием) государственных органов (органов местного самоуправления) либо должностных лиц этих органов, выступает соответствующий главный распорядитель бюджетных средств.

¹¹⁹ См.: РГ. 1996. № 151, 152.

¹²⁰ См.: БВС РФ. 2001. № 10.

¹²¹ См.: ВВАС РФ. 2006. № 8.

При принятии такого искового заявления к публично-правовому образованию суду следует исходить из того, что указание истцом в исковом заявлении органа, не являющегося соответствующим главным распорядителем бюджетных средств, не препятствует рассмотрению спора по существу. В данном случае суд при подготовке дела к судебному разбирательству должен выяснить, какой орган как главный распорядитель бюджетных средств должен выступить в суде от имени публично-правового образования, и надлежащим образом известить его о времени и месте судебного разбирательства.

Если государственный (муниципальный) орган, являвшийся главным распорядителем бюджетных средств на момент возникновения спорных правоотношений, утратил соответствующий статус (в связи с передачей соответствующих полномочий иному органу или в связи с ликвидацией), в качестве представителя публично-правового образования надлежит привлекать орган, обладающий необходимыми полномочиями на момент рассмотрения дела в суде, а при отсутствии такового (в случае если соответствующие полномочия не переданы иному органу) — соответствующий финансовый орган публично-правового образования.

Исполнение судебных решений также происходит в особом порядке. Согласно п. 6 ст. 242.2 БК исполнение судебного акта о взыскании денежных средств с Российской Федерации (субъекта РФ, муниципального образования) за счет средств бюджета должно быть произведено Минфин России (соответствующим финансовым органом) в течение трех месяцев со дня поступления указанному органу исполнительного листа на исполнение.

Исполнительный лист о взыскании денежных средств с публично-правового образования может быть предъявлен взыскателем для принудительного исполнения судебному приставу-исполнителю лишь в случае, если исполнение решения суда не было произведено за счет средств бюджета в течение указанного трехмесячного срока.

3.2. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных и судебных органов

В соответствии с п. 1 ст. 1070 ГК вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны РФ, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта РФ или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины (т. е. безвиновная ответственность) должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом.

Как правильно отмечает И. А. Тактаев, «решающее значение для выделения специальных правил, отличающихся от общих норм об ответственности публично-правовых образований за вред, причиненный их органами и должностными лицами, имеет не перечисленный круг органов, которыми может быть причинен вред, а специфика деятельности, осуществляемой этими органами»¹²², поскольку, согласно п. 2 ст. 1070 ГК вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконной

¹²² См.: Тактаев И. А. Указ. соч. С. 249.

деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекший последствий, предусмотренных п. 1 ст. 1070 ГК, возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ст. 1069 ГК.

Выделение рассматриваемого специального деликта обусловлено тем, что в случаях, предусмотренных в п. 1 ст. 1070 ГК, осуществляются посягательства на основополагающие конституционные права граждан на личную свободу и неприкосновенность (ст. 22 Конституции). По мнению И. А. Тактаева, «логичнее выделять не отношения ответственности публично-правовых образований за действия правоохранительных органов..., а отношения ответственности публично-правовых образований за вред, причиненный правам граждан на свободу и личную неприкосновенность... Иначе говоря, критерием должен являться характер нарушенного права»¹²³.

Поэтому не вполне корректны выводы Е. А. Суханова, полагающего, что, «если вред причинен названными органами государства в случаях, не подпадающих под указанный выше перечень, например в результате незаконного задержания гражданина в качестве подозреваемого или в результате незаконного применения к нему принудительных мер медицинского характера, он возмещается по общим правилам возмещения вреда, причиненного актами или действиями публичной власти (п. 2 ст. 1070 ГК)»¹²⁴, т. е. действует общее правило о виновной ответственности деликвента.

В связи с этим представляет интерес практика Конституционного Суда РФ, который неоднократно формулировал свою правовую позицию относительно толкования положений п. 1 ст. 1070 ГК, именно с учетом критерия направленности данной нормы на защиту прав гражданина на личную свободу и неприкосновенность.

Так, в Определении от 04.12. 2003 № 440-О¹²⁵ Конституционный Суд РФ посчитал, что п. 1 ст. 1070 ГК по его конституционно-правовому смыслу означает, что подлежит возмещению за счет казны в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда вред, причиненный гражданину не только в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, но и в результате незаконного задержания в качестве подозреваемого.

В рассматриваемом Определении Конституционный Суд РФ сослался на ранее сформулированную правовую позицию, в соответствии с которой применительно к обеспечению конституционных прав граждан понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должны толковаться в их конституционно-правовом смысле, что в целях реализации конституционных прав граждан необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование.

Положение лица, задержанного в качестве подозреваемого и помещенного в условия изоляции, по своему правовому режиму, степени применяемых ограничений и претерпеваемых в связи с этим ущемлений тождественно положению лица, в отношении которого содержание под стражей избрано в качестве меры пресечения. Следовательно, вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры, должен возмещаться государством в полном объеме независимо от вины соответствующих должностных лиц не только в прямо перечисленных в п. 1 ст.

¹²³ См.: Тактаев И. А. Указ. соч. С. 249—250.

¹²⁴ См.: Гражданское право : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. Т. 4: Обязательственное право С. 661.

¹²⁵ См.: СЗ РФ. 2004. № 7. Ст. 596.

1070 ГК случаях, но и тогда, когда вред причиняется в результате незаконного применения в отношении гражданина такой меры процессуального принуждения, как задержание.

Представляет также интерес и Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П¹²⁶, в котором Конституционный Суд РФ выразил позицию о допустимости применения п. 1 ст. 1070 ГК и в случаях, когда вред был причинен незаконным применением такой меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, как административное задержание на срок до 48 ч (ч. 3 ст. 27.5 КоАП).

В указанном Постановлении Конституционный Суд РФ основывал свою позицию не только на положениях ст. 22 Конституции, но и ст. 5 Конвенции, в соответствии с которой каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность; никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом.

Задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути, есть лишение свободы. В связи с этим Европейский суд по правам человека, отмечая при толковании соответствующих положений Конвенции, что лишение физической свободы фактически может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению, предлагает оценивать их не по формальным, а по существенным признакам, таким как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц (п. 14 постановления от 01.07.1961 по делу «Лоулесс против Ирландии», п. 42 постановления от 24.11.1994 по делу «Кеммаш против Франции» и др.).

Европейский суд по правам человека также указывал на то, что ст. 5 Конвенции, провозглашая право на свободу и личную неприкосновенность, говорит о физической свободе лица. Ее цель — гарантировать, чтобы никто не мог быть произвольно лишен свободы в смысле данной статьи, для чего следует исходить из конкретной ситуации и учитывать такие критерии, как характер, продолжительность, последствия и условия исполнения рассматриваемой меры; лишение свободы и ограничение свободы отличаются друг от друга лишь степенью или интенсивностью, а не природой или сущностью (п. 42 постановления от 25.06.1996 по делу «Амюур против Франции»).

В итоге Конституционный Суд РФ с учетом особого значения конституционного права каждого на свободу и личную неприкосновенность указал, что предусмотренное ч. 3 ст. 27.5 КоАП административное задержание на срок не более 48 ч, применяемое только по делам о правонарушениях, за совершение которых в виде наказания может быть назначен административный арест (до 15 или до 30 суток), не будучи арестом как мерой административного наказания, тем не менее представляет собой лишение свободы в смысле ст. 22 Конституции и подп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции: положение лица, к которому применяется такое административное задержание в качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, связано с принудительным пребыванием в ограниченном пространстве, временной изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных обязанностей, с невозможностью свободного передвижения и общения с другими лицами.

Таким образом, административное задержание, предусмотренное ч. 3 ст. 27.5 КоАП, по обуславливающим его природу ограничениям и последствиям для

¹²⁶ См.: РГ. 2009. № 121.

задержанного сопоставимо с административным арестом и задержанием как видами лишения свободы, на которые распространяется режим гарантий, предусмотренный ст. 5 Конвенции, и не обладает такими существенными характеристиками, которые могли бы оправдать — при выявлении незаконности этих мер — применение различающихся компенсаторных механизмов. То обстоятельство, что административный арест как мера наказания применяется лишь в рамках судебной процедуры, обеспечивающей дополнительные возможности судебной проверки его фактических оснований и вынесения справедливого решения с соблюдением конституционных принципов правосудия, также свидетельствует о полной неоправданности исключения не имеющего таких судебных гарантий незаконного административного задержания на срок не более 48 часов из числа деяний публичной власти, относительно которых должны действовать правила возмещения вреда в порядке ст. 1070 и 1100 ГК.

Отсутствие в тексте п. 1 ст. 1070 и абз. 3 ст. 1100 ГК непосредственного указания на административное задержание не может означать, — по смыслу этих статей во взаимосвязи с ч. 3 ст. 27.5 КоАП и подп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, — что их действие не распространяется на случаи, когда право на свободу ограничивается в связи с административным задержанием на срок не более 48 ч как обеспечительной мерой при производстве по делам об административных правонарушениях, за совершение которых может быть назначено наказание в виде административного ареста. Иное не соответствовало бы ни Конституции, ни Конвенции.

Как видно из вышеприведенных актов Конституционного Суда РФ, в основе компенсационного механизма ст. 1070 ГК лежит необходимость предоставления потерпевшим средств эффективной правовой защиты при посягательствах на такие основополагающие права, как права на свободу и личную неприкосновенность.

Однако некоторые ученые считают, что с учетом положений гл. 18 УПК безвиновный компенсационный механизм должен применяться, во всяком случае, когда в отношении потерпевшего были незаконно применены любые меры процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу¹²⁷.

Глава 18 УПК посвящена регламентации института реабилитации и содержит нормы, во многом конкурирующие с положениями ст. 1070 ГК. Согласно п. 1 ст. 133 УПК право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

В соответствии с п. 2 ст. 133 УПК право на реабилитацию, в том числе на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют:

- 1) подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор;
- 2) подсудимый, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения;
- 3) подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным п. 1, 2, 5 и 6 ч. 1 ст. 24 УПК (например, при отсутствии события преступления, отсутствии в деянии состава преступления и др.) и п. 1 и 4—6 ч. 1 ст. 27 УПК (например, непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершенному деянию и др.);

¹²⁷ См.: Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. Т. 3. С. 35—36.

4) осужденный — в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК;

5) лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера, — в случае отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении данной меры.

В соответствии с п. 3 ст. 133 УПК право на возмещение вреда в порядке, установленном гл. 18 УПК, имеет также любое лицо, которое было незаконно подвергнуто мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Из анализа указанных положений ст. 133 УПК видно, что в данном нормативном акте был существенно расширен перечень оснований для безвиновной ответственности публично-правовых образований за вред, причиненный их органами и должностными лицами. В отношении, например, незаконного применения принудительных мер медицинского характера или задержания на срок до 48 ч — это стоит только приветствовать, поскольку, такие правонарушения направлены на ущемление прав потерпевшего на свободу и личную неприкосновенность.

Однако позиция законодателя, выраженная в п. 3 ст. 133 УПК позволила И. А. Тактаеву сделать вывод о том, что был нарушен критерий построения данного специального деликта, поскольку некоторые меры процессуального принуждения, предусмотренные разд. 4 УПК (например, залог, арест имущества, личное поручительство и др.), не посягают на такие права потерпевшего, как право на свободу и личную неприкосновенность. Поэтому при отсутствии посягательств в отношении прав потерпевшего на личную свободу и неприкосновенность предлагается руководствоваться правилами п. 2 ст. 1070 и ст. 1069 ГК устанавливающих виновную ответственность публичных образований. Данный вывод основывается на том, что правила главы 18 УПК имеют гражданско-правовую природу, а в соответствии с п. 2 ст. 3 ГК нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК¹²⁸.

В соответствии с п. 4 ст. 133 УПК правом на реабилитацию не обладают лица, если примененные в отношении них меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены по нереабилитирующим основаниям: ввиду издания акта об амнистии, истечения сроков давности, недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, или принятия закона, устранивающего преступность или наказуемость деяния.

Как отмечается в Определении Конституционного Суда РФ от 05.11.2004 № 360-О¹²⁹, сам по себе факт устранения новым уголовным законом преступности и наказуемости инкриминируемого обвиняемому деянию до вынесения приговора, не является препятствием для рассмотрения дела по существу и не лишает обвиняемого права на доступ к правосудию и права на эффективную судебную защиту, особенно когда он заинтересован в прекращении производства по делу по реабилитирующим основаниям,

¹²⁸ См.: Тактаев И. А. Указ. соч. С. 254.

¹²⁹ См.: СЗ РФ. 2004. № 52. Ст. 5587.

что будет являться основанием для возмещения вреда в соответствии со ст. 1070 ГК и гл. 18 УПК.

Прекращения производства по уголовному делу ввиду истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности также не лишает возможности возражать против прекращения дела и настаивать на продолжении производства по делу в обычном порядке (в целях последующей реабилитации и возмещения причиненного вреда) (см. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 №279-О)¹³⁰.

Согласно данному Определению в действующем законодательстве нет положений, исключающих возможность возмещения вреда лицу, в отношении которого было вынесено постановление (определение) о прекращении уголовного преследования по реабилитирующему основанию, по той лишь причине, что одновременно в другой части обвинения это лицо было признано виновным в совершении преступления либо уголовное преследование в отношении него было прекращено по нереабилитирующим основаниям. В таких ситуациях с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела и в соответствии с принципами справедливости и приоритета прав и свобод человека и гражданина суд вправе принять решение о частичном возмещении реабилитированному лицу вреда, если таковой был причинен в результате уголовного преследования по обвинению, не нашедшему подтверждения в ходе судебного разбирательства.

3.3 Возмещения вреда причиненного при осуществлении правосудия

Одним из наиболее сложных и проблематичных вопросов в сфере деликтного права является проблема возмещения вреда, причиненного при осуществлении правосудия.

Данный специальный деликт формировался на протяжении тысячелетий, однако только относительно недавно в национальных правовых системах стал доминировать подход о непосредственной ответственности государства (суверена) за вред, причиненный при осуществлении правосудия. Так, И. А. Тактаев приводит высказывание испанских ученых, отмечающих, что «провозглашение ответственности суверена за вред, причиненный действиями его агентов, противоречит традиции, которая отразившись в римском принципе господства Империи и в теоцентристской концепции власти монарха, характерной для средневекового мира, нашла свое классическое выражение в сформулированном английскими юристами, но общем для всего Запада принципе *the King can do no wrong* (король не может поступить неправомерно). Указанный принцип не претерпел существенных изменений с развитием современного государства, мог быть только смягчен или, в крайнем случае, ограничен лишь в узких пределах и был преодолен уже только в XX в.»¹³¹.

Согласно Конституции каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53); права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52).

В соответствии с п. 2 ст. 1070 ГК (последнее предложение) вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу.

¹³⁰ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³¹ См.: Тактаев И. А. Указ. соч. С. 268.

Таким образом, специфика рассматриваемого деликта заключается в том, что в данном случае, во-первых, не действует общее правило о презумировании виновности причинителя вреда (п. 2 ст. 1064 ГК). Во-вторых, необходимо наличие дополнительного обязательного условия для привлечения Российской Федерации к ответственности — вступившего в законную силу обвинительного приговора суда.

Как отмечается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П¹³², данная специфика обусловлена тем, что отправлением правосудия является особым видом осуществления государственной власти. Применяя общее правовое предписание (норму права) к конкретным обстоятельствам дела, судья дает собственное толкование нормы, принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения (иногда весьма значительной) и зачастую оценивает обстоятельства, не имея достаточной информации (иногда скрываемой от него).

При столь большой зависимости результата осуществления правосудия от судейской дискреции разграничение незаконных решений, принятых в результате не связанной с виной ошибки судьи и его неосторожной вины, представляет собой трудновыполнимую задачу. Поэтому участник процесса, в интересах которого судебное решение отменяется или изменяется вышестоящей инстанцией, может считать, что первоначально оно было постановлено не в соответствии с законом именно по вине судьи. В этих условиях обычное для деликтных обязательств решение вопроса о распределении бремени доказывания и о допустимости доказательств вины причинителя вреда могло бы парализовать всякий контроль и надзор за осуществлением правосудия из-за опасения породить споры о возмещении причиненного вреда.

В указанном постановлении также отмечается, что введение дополнительного специального условия ответственности за вред, причиненный при осуществлении правосудия, связано с особенностями функционирования судебной власти, закрепленными Конституцией (гл. 7) и конкретизированными процессуальным законодательством (состязательность процесса, значительная свобода судейского усмотрения и др.), а также с особым порядком ревизии актов судебной власти. Производство по пересмотру судебных решений, а следовательно, оценка их законности и обоснованности, осуществляется в специальных, установленных процессуальным законодательством процедурах — посредством рассмотрения дела в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях. Пересмотр судебного решения посредством судебного разбирательства по иску гражданина о возмещении вреда, причиненного при осуществлении правосудия, фактически сводился бы к оценке законности действий суда (судьи) в связи с принятым актом, т. е. означал бы еще одну процедуру проверки законности и обоснованности уже состоявшегося судебного решения, и, более того, создавал бы возможность замены по выбору заинтересованного лица установленных процедур проверки судебных решений их оспариванием путем предъявления деликтных исков.

Между тем в силу указанных конституционных положений — это принципиально недопустимо, иначе сторона, считающая себя потерпевшей от незаконных, с ее точки зрения, действий судьи в ходе разбирательства в гражданском судопроизводстве, будет обращаться не только с апелляционной либо кассационной жалобой, но и с соответствующим иском, а судья всякий раз будет вынужден доказывать свою невиновность. Тем самым была бы, по существу, перечеркнута обусловленная природой правосудия и установленная процессуальным законодательством процедура пересмотра

¹³² См.: ВКС РФ. 2001. № 3.

судебных решений и проверки правосудности (законности и обоснованности) судебных актов вышестоящими инстанциями.

Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ в рассматриваемом постановлении сформулировал свою позицию касательно толкования положения п. 2 ст. 1070 ГК, по сути, создав новую норму права, что позволило вывести целую категорию дел из под жестких требований п. 2 ст. 1070 ГК и упростить механизм возмещения вреда потерпевшим.

Так, Конституционный Суд РФ указал на то, что положения п. 2 ст. 1070 ГК являются исключениями из общих правил, регламентирующих условия возмещения причиненного вреда, поэтому сформулировал позицию, в соответствии с которым под осуществлением правосудия понимается не все судопроизводство, а лишь та его часть, которая заключается в принятии актов судебной власти по разрешению подведомственных суду дел, т. е. судебных актов, разрешающих дело по существу. Судебный процесс завершается принятием именно таких актов, в которых находит выражение воля государства разрешить дело, отнесенное к ведению суда.

Судебные акты, которые хотя и принимаются в гражданском судопроизводстве, но которыми дела не разрешаются по существу и материально — правовое положение сторон не определяется, не охватываются понятием «осуществление правосудия»; в таких актах решаются главным образом процессуально-правовые вопросы, возникающие в течение процесса: от принятия заявления и до исполнения судебного решения, в том числе при окончании дела (прекращение производства по делу и оставление заявления без рассмотрения).

Вследствие этого положение о вине судьи, установленной приговором суда, не может служить препятствием для возмещения вреда, причиненного действиями (бездействием) судьи в ходе осуществления гражданского судопроизводства, в случае если он издает незаконный акт (или проявляет противоправное бездействие) по вопросам, определяющим не материально-правовое (решение спора по существу), а процессуально-правовое положение сторон. В таких случаях, а также вследствие противоправного деяния судьи, не выраженного в судебном акте (нарушение разумных сроков судебного разбирательства, иное грубое нарушение процедуры), его вина может быть установлена не только приговором суда, *но и иным судебным решением*. При этом не действует положение о презумпции вины причинителя вреда, предусмотренное п. 2 ст. 1064 ГК.

Основываясь на положениях Конвенции, Конституционный суд РФ указал, что суды, рассматривая иски о возмещении государством вреда, причиненного лицу незаконными действиями (или бездействием) суда (судьи) в гражданском судопроизводстве, если они не относятся к принятию актов, разрешающих дело по существу, не должны увязывать конституционное право на возмещение государством вреда непременно с личной виной судьи, установленной приговором суда. Уголовно ненаказуемые, но незаконные виновные действия (или бездействие) судьи в гражданском судопроизводстве (в том числе незаконное наложение судом ареста на имущество, нарушение разумных сроков судебного разбирательства, несвоевременное вручение лицу процессуальных документов, приведшее к пропуску сроков обжалования, неправомерная задержка исполнения) должны, исходя из положения п. 2 ст. 1070 ГК в его конституционно-правовом смысле, и во взаимосвязи с положениями ст. 6 и 41 Конвенции по защите прав человека и основных свобод, рассматриваться как нарушение права на справедливое судебное разбирательство, что предполагает необходимость справедливой компенсации лицу, которому причинен вред нарушением этого права.

К сожалению, до настоящего времени отсутствует единая и непротиворечивая практика возмещения вреда причиненного при осуществлении судопроизводства, поскольку, имеются примеры игнорирования судами общей юрисдикции положений

выраженных в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 №1-П¹³³ (см. например, определение Верховного Суда РФ от 11.11.2005 № ГКПИ05-1402¹³⁴; определение Верховного Суда РФ от 14.03.2006 № 8-Г06-2¹³⁵),¹³⁶ Это обусловлено тем, что до настоящего времени Федеральное Собрание РФ не привело законодательство в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ.

¹³³ См.: ВКС РФ. 2001. № 3.

¹³⁴ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³⁵ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³⁶ См. также: *Кирчак А. П.* Вопросы ответственности государства за ненадлежащее правосудие // Законодательство. 2006. № 3. С. 81—84; *Федосеева С. В.* Особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный судебными органами // Налоги (газета). 2009. № 13.

Глава 4

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ И НЕДЕЕСПОСОБНЫМИ ГРАЖДДАНАМИ

4.1. Возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними гражданами

Нормы о данном специальном деликте не выделены в качестве отдельного параграфа и содержатся в § 1 «Общие положения о возмещении вреда» гл. 59 ГК. Указанный деликт регламентируется положениями ст. 1073—1075 ГК.

В соответствии с п. 1 ст. 1073 ГК за вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим 14 лет (малолетним), отвечают его родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред возник не по их вине. В случае если ребенок остался без попечения родителей и был помещен под надзор соответствующей организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ответственность за причиненный вред возлагается на указанную организацию, если не докажет, что вред возник не по ее вине (п. 2 ст. 1073 ГК). Таким образом, граждане, не достигшие 14 лет, рассматриваются действующим законодательством как недееспособные, поэтому ответственность за причиненный вред возлагается на других указанных в законе лиц.

Родители (усыновители) и опекуны несут ответственность, если не докажут, что вред возник не по их вине. Это означает, что законодатель исходит из общей презумпции вины лиц обязанных к возмещению вреда и ответственность наступает именно за их собственное виновное поведение. В связи с этим возникает вопрос, что необходимо понимать под виной указанных субъектов? В правоприменительной практике под виной родителей (усыновителей) и опекунов традиционно понимается как неосуществление должного надзора за несовершеннолетними, так и безответственное отношение к их воспитанию или неправомерное использование своих прав по отношению к детям, результатом которого явилось неправильное поведение детей, повлекшее вред (попустительство или поощрение озорства, хулиганских действий, безнадзорность детей, отсутствие к ним внимания и т. д.) (см. п. 16 Постановления № 1).

В таких случаях речь идет о неисполнении родителями (усыновителями) и опекунами своих семейно-правовых обязанностей, поскольку согласно п.1 ст. 63 СК родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей, они несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. В соответствии со ст. 65 СК родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. В соответствии со ст. 150 СК опекуны (попечители) ребенка имеют право и обязаны воспитывать ребенка, находящегося под опекой (попечительством), заботиться о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что законные представители малолетнего ребенка могут быть освобождены от ответственности только в том случае, если докажут, что ими принимались все возможные меры для надлежащего исполнения обязанностей, возложенных на родителей (усыновителей) и опекунов нормами семейного и гражданского законодательства, «т. е. докажут отсутствие даже малейших упущений в

воспитании ребенка и в надзоре за ним. Можно отметить, что опровергнуть указанную презумпцию практически невозможно»¹³⁷.

Следует также обратить внимание и на то, что ответственность за вред, причиненный малолетним ребенком, несут оба родителя. Факт раздельного проживания с ребенком одного из родителей не является основанием освобождения его ответственности, поскольку согласно ст. 61, 66 СК родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет равные права на общение с ним, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования. Согласно п. 16 Постановления № 1 родитель может быть освобожден от ответственности, если по вине другого родителя он был лишен возможности принимать участие в воспитании ребенка либо в силу объективных причин не мог воспитывать ребенка (например, из-за длительной болезни);

В соответствии со ст. 1075 ГК факт лишения родительских прав также не является основанием для освобождения от ответственности, поскольку на родителя, лишённого родительских прав, суд может возложить ответственность за вред, причиненный его несовершеннолетним ребенком в течение трех лет после лишения родителя родительских прав, если поведение ребенка, повлекшее причинение вреда, явилось следствием ненадлежащего осуществления родительских обязанностей. Если проанализировать основания для лишения родительских прав, предусмотренные ст. 69 СК (например: уклонение от выполнения обязанностей родителей; злоупотребление своими родительскими правами; жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психического насилия над ними; хронический алкоголизм или наркомания), то такое поведение родителей действительно может рассматриваться, как находящееся в причинно-следственной связи с вредоносным поведением ребенка.

В случае причинения вреда малолетним ребенком (в том числе и самому себе) во время, когда он временно находился под надзором образовательного, воспитательного, лечебного или иного учреждения, обязанного осуществлять за ним надзор, это учреждение отвечает за вред, если не докажет, что он возник не по его вине в осуществлении надзора (п. 3 ст. 1073 ГК). Таким образом, вина такого рода учреждений понимается как неосуществление ими должного надзора за несовершеннолетними непосредственно в момент причинения вреда. В этой связи представляет интерес следующее дело. Несовершеннолетний Р. во время перемены в школе сбил С., в результате чего девочка получила обширную травму головы. Мать потерпевшей обратилась в суд с иском к родителям Р. о возмещении затрат на приобретение лекарств и компенсации морального вреда. Решениями судов первой и кассационных инстанций заявленные требования были удовлетворены. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ удовлетворила протест заместителя председателя Верховного Суда РФ и отменила судебные постановления, указав следующее: вред здоровью С. Был причинен 13-летним Р., в то время как оба малолетних учащихся находились на занятиях в школе. Возлагая на родителей Р. в соответствии с п. 1 ст. 1073 ГК обязанность возместить вред, причиненный их малолетним сыном, суд считал, что ответчики не доказали отсутствие вины в ненадлежащем воспитании сына, состоящего на учете в инспекции по делам несовершеннолетних и не являющегося, по мнению суда, законопослушным.

Применение судом упомянутой нормы ошибочно, так как в соответствии с п. 3 ст. 1073 ГК за вред, причиненный малолетним в то время, когда он находился под надзором образовательного или воспитательного учреждения, отвечает это учреждение, если не докажет, что вред возник не по его вине в неосуществлении надзора. Малолетний Р.

¹³⁷ Гражданское право : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. Т. 4 : Обязательственное право. С. 665.

причинил вред здоровью девочки во время школьных занятий, т. е. в то время, когда он находился под надзором школы, которая должна была осуществлять этот надзор надлежащим образом. Вопрос об ответственности родителей мог быть поставлен только в том случае, если бы в суде школа доказала, что вред возник не по ее вине в неосуществлении надзора.

В соответствии с новым разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, если будет установлено, что ответственность за причинение малолетним вреда должны нести как родители (усыновители), опекуны, организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 155.1 СК), так и образовательные, медицинские, иные организации или лица, осуществляющие над ним надзор на основании договора, то вред возмещается по принципу долевой ответственности в зависимости от степени вины каждого.

Следует обратить внимание и на то, что в соответствии с п. 3 ст. 1073 ГК обязанность по возмещению вреда может быть возложена и на лиц, которые должны осуществлять надзор за малолетними детьми в силу договора. Появление указанной нормы обусловлено тем, что в настоящее время активно развивается рынок образовательных и воспитательных услуг, когда такие услуги оказываются домашними воспитателями, домработницами, гувернантками (гувернерами), репетиторами и т. д. Как верно отмечает в этой связи И. А. Михайлова «ответственность названных лиц за вред, причиненными их малолетними подопечными, должна наступать вне зависимости от того, были ли оформлены их отношения с родителями ребенка трудовым договором (контрактом) или гражданско-правовым договором об оказании платных воспитательных или образовательных услуг. Так или иначе, названным лицам доказать отсутствие вины в своих действиях будет значительно сложнее, чем родителям, усыновителям, опекунам или учреждениям, так как осуществление непрерывного надзора за ребенком является их главной и, как правило, весьма высокооплачиваемой обязанностью, и факторов, оправдывающих ее неисполнение, практически не существует»¹³⁸.

Необходимо отметить, что ответственность за вред, причиненный малолетним ребенком, носит бессрочный характер, поскольку она обусловлена виновным поведением обязанных к возмещению лиц. Так, согласно п. 4 ст. 1073 ГК обязанность родителей (усыновителей), опекунов, образовательных, воспитательных, лечебных и иных учреждений по возмещению вреда, причиненного малолетним, не прекращается с достижением малолетним совершеннолетия или получением им имущества, достаточного для возмещения вреда.

Однако законодателем введена новелла, усилившую компенсационную функцию деликтных обязательств. В случае, если родители (усыновители), опекуны либо другие обязанные к возмещению граждане, умерли или не имеют достаточных средств для возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, а сам причинитель вреда, ставший полностью дееспособным, обладает такими средствами, суд с учетом имущественного положения потерпевшего и причинителя вреда, а также других обстоятельств вправе принять решение о возмещении вреда полностью или частично за счет самого причинителя вреда (абз. 2 п. 4 ст. 1073 ГК). Тем самым допускается переложение обязанности по возмещению вреда на непосредственного причинителя, бывшего в момент совершения правонарушения недееспособным.

Такое переложение ответственности возможно лишь в случае, если вред малолетним ребенком был причинен после введения в законную силу ч. 2 ГК. Данный

¹³⁸ См.: Михайлова И. А. Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, недееспособными и ограниченно дееспособными лицами. Цивилистические записки : Вып. 3: Гражданско-правовая ответственность: проблемы теории и практики / под ред. В. А. Рыбакова. М., 2003. С. 61—62.

вывод содержится в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2001 г.: «Возложение на несовершеннолетнего причинителя вреда на основании п. 4 ст. 1073 ГК обязанности по возмещению вреда, причиненного им до 1 марта 1996 г., противоречило бы ст. 5 Федерального закона от 26 января 1995 г. «О введении в действие части второй Гражданского кодекса РФ», а также ч. 1 ст. 54 Конституции, согласно которой закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Поскольку закон, допускающий ответственность несовершеннолетнего причинителя вреда, на момент его причинения отсутствовал, то нормы позднее принятого закона, установившего такую ответственность, не могут быть применены»¹³⁹.

Согласно п. 1 ст. 1074 ГК несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред на общих основаниях. Следовательно, указанные лица признаются полностью деликтоспособными. Однако согласно п. 2 ст. 1074 в случае, когда у несовершеннолетнего нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем (в том числе учреждением, осуществляющим функции попечителя), если они не докажут, что вред возник не по их вине. В случае, если несовершеннолетний гражданин в возрасте от 14 до 18 лет, оставшийся без попечения родителей, был помещен под надзор в организацию для детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей, обязанность по возмещению может быть возложена на такую организацию, если она не докажет, что вред возник не по ее вине.

Таким образом, указанные лица могут быть привлечены именно к субсидиарной (дополнительной) ответственности за вред, причиненный несовершеннолетним. Поэтому представляет интерес следующий пример из судебной практики. Несовершеннолетний П., управляя мотоциклом, совершил ДТП, в результате которого потерпевшему Д. был причинен как имущественный вред, так и вред здоровью. Вина П. была установлена. Потерпевший Д. обратился к матери правонарушителя К. с требованием о возмещении вреда и компенсации морального вреда. Суд удовлетворил заявленные иски. Впоследствии на это решение был подан протест, который был удовлетворен по следующим основаниям: суд первой инстанции должен был обсудить вопрос о привлечении к делу в качестве ответчика П., поскольку на его мать К. ответственность могла быть возложена только при отсутствии у него доходов или иного имущества и только на период до достижения П. совершеннолетия. Надлежащим ответчиком в данном деле является причинитель вреда П., и только если бы возникла необходимость в дополнительной ответственности родителей, то они должны были быть привлечены в процесс в качестве соответчиков¹⁴⁰. На необходимость привлечения субсидиарных должников в качестве соответчиков указывается в п. 15 Постановления № 1.

Нужно учитывать, что ответственность дополнительных должников носит срочный характер, поскольку согласно п. 3 ст. 1074 ГК обязанность субсидиарных должников по возмещению вреда прекращается по достижении причинившим вред совершеннолетия либо в случаях, когда у него до достижения совершеннолетия появились доходы или иное имущество, достаточное для возмещения вреда, либо же он приобрел дееспособность. Основаниями приобретения дееспособности в полном объеме до достижения возраста совершеннолетия являются: эмансипация (ст. 27 ГК) и вступление в законный брак (п. 2 ст. 21 ГК).

¹³⁹ См.: БВС РФ. 2001. № 12. С. 23.

¹⁴⁰ См.: Там же. № 4. С. 4—5.

Представляется, что анализируемая статья ГК ограничивает возможности потерпевших по получению возмещения понесенного вреда, так как устанавливает безусловное основание для прекращения ответственности субсидиарных должников с момента достижения деликвентом совершеннолетия.

В этой связи представляет интерес следующее дело. Приговором Липецкого областного суда было постановлено взыскать с А. В. Лукьянова солидарно с другими осужденными в пользу потерпевших Л. И. Шелудько и В. И. Шелудько денежные суммы в счет возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда. В случае недостаточности собственных средств у несовершеннолетнего осужденного А. В. Лукьянова взыскать указанные денежные суммы с его родителей И. И. Лукьяновой и В. А. Лукьянова.

Впоследствии И. И. Лукьянова и В. А. Лукьянов обратились в суд с заявлением об освобождении их от обязанности по возмещению ущерба потерпевшим в связи с достижением сыном совершеннолетия, которое было удовлетворено.

В кассационной жалобе потерпевшие просили постановление судьи отменить, возобновить исполнительное производство в отношении законных представителей осужденного А. В. Лукьянова. Указывали на то, что за длительное время им вернули небольшую сумму материального ущерба, а моральный вред так и не был возмещен. Поскольку у осужденного по месту отбывания наказания фактически нет заработка, а также личного имущества, на которое можно было бы обратить взыскание, потерпевшие были лишены возможности получить денежные средства в счет возмещения морального вреда. Судебная коллегия не нашла оснований для удовлетворения кассационной жалобы, так как в соответствии со ст. 1074 ГК взыскание ущерба с законных представителей причинителя вреда прекращается по достижению им совершеннолетнего возраста. Поскольку А. В. Лукьянову исполнилось 18 лет, то суд обоснованно освободил родителей от обязанностей по возмещению вреда. Доводы кассационной жалобы потерпевших о том, что законные представители осужденного возместили только небольшую сумму материального ущерба и не приняли мер к возмещению морального вреда, а в связи с принятием данного постановления они в дальнейшем своевременно не смогут получить денежные средства в счет возмещения ущерба, то эти обстоятельства сами по себе не могут служить основанием для отмены постановления судьи (кассационное определение Верховного Суда РФ от 28.01.2004 № 77-о04-2¹⁴¹).

Таким образом, потерпевшие могут испытывать значительные затруднения в получении возмещения понесенного вреда, что недопустимо при причинении вреда жизни или здоровью. Поэтому представляется необходимым изменить содержание п. 3 ст. 1074 ГК, установив правило, что обязанность субсидиарных должников при причинении вреда жизни или здоровью не прекращается с достижением деликвентом возраста совершеннолетия. Единственным основанием для прекращения их обязанности по возмещению вреда, может быть появление у деликвента доходов или иного имущества, достаточных для возмещения ущерба. Тем самым будет введен эффективный механизм по защите нарушенных прав потерпевших, усилена предупредительная и реализована компенсационно-восстановительная функция гражданско-правовой ответственности¹⁴².

4.2. Ответственность за вред, причиненный недееспособными и ограниченно дееспособными гражданами

¹⁴¹ Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴² См.: Богданов Д. Е. Социализация гражданско-правовой ответственности, как направление совершенствования действующего законодательства // Актуальные проблемы гражданского права. 2008. № 3.

Согласно ст. 29 ГК гражданин, который вследствие психического расстройства не понимает значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством (гл. 31 ГПК). Над ним устанавливается опека. Признание недееспособным влечет для лица утрату как сделкоспособности, так и деликтоспособности.

В соответствии с п. 1 ст. 1076 ГК вред, причиненный гражданином, признанным недееспособным, возмещают его опекун или организация, обязанная осуществлять за ним надзор, если они не докажут иное. Таким образом, «в каждом конкретном случае ответственность возлагается на то конкретное физическое или юридическое лицо, которое должно было осуществлять надзор за недееспособным гражданином в момент причинения им вреда»¹⁴³. При этом обязанность опекуна или организации, обязанной осуществлять надзор по возмещению вреда, причиненного гражданином, признанным недееспособным, не прекращается в случае последующего признания его дееспособным (п. 2 ст. 1076 ГК), т. е. носит бессрочный характер.

Однако ст. 1076 ГК также допускает возможность переложения обязанности по возмещению вреда на недееликтоспособное лицо, поскольку, если опекун умер либо не имеет достаточных средств для возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, а сам причинитель вреда обладает такими средствами, суд с учетом имущественного положения потерпевшего и причинителя вреда, а также с учетом других обстоятельств вправе принять решение о возмещении вреда полностью или частично за счет самого причинителя вреда.

Правила ст. 30 ГК допускают и признание лица ограниченно дееспособным, если вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение. Над ним устанавливается попечительство и ограничение в сделкоспособности (вправе самостоятельно совершать только мелкие бытовые сделки). Однако ограничение дееспособности не влечет за собой ограничение в деликтоспособности, поскольку в соответствии со ст. 1077 ГК вред, причиненный гражданином, ограниченным в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, возмещается самим причинителем вреда.

В практике встречаются случаи, когда причинивший вред субъект, находился в состоянии временной невменяемости. Причиной невменяемости деликвента могут быть сильные психоэмоциональные потрясения, агрессивное поведение потерпевшего, различные психические заболевания и расстройства. Нередко расстройство сознания обусловлено такими заболеваниями, как сахарный диабет (преходящие психозы), церебральный атеросклероз, гипертоническая болезнь второй и третьей стадии, постинсультный период, различные формы психопатии, психические расстройства позднего возраста и др.¹⁴⁴

К указанным ситуациям применим п. 1 ст. 1078 ГК в силу которого дееспособный гражданин или несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет, причинивший вред в состоянии, когда он не мог понимать значения своих действий или руководить ими, не отвечает за причиненный им вред. Однако, если вред причинен жизни или здоровью потерпевшего, суд может с учетом имущественного положения потерпевшего и

¹⁴³ См.: Михайлова И. А. Указ. соч. С. 73.

¹⁴⁴ См.: Там же. С. 76.; Судебная психиатрия : учебник для вузов / под ред. Б. В. Шестаковича. М., 1997. С. 157, 198, 201—202.

причинителя вреда, а также с учетом других обстоятельств возложить обязанность по возмещению вреда полностью или частично на причинителя вреда.

Причинитель вреда не освобождается от ответственности, если сам привел себя в состояние, в котором не мог понимать значения своих действий или руководить ими, употреблением спиртных напитков, наркотических средств или иным способом.

В некоторых случаях обязанность по возмещению вреда причиненного невменяемым лицом как своего рода санкция может быть возложена на других лиц. Согласно п. 3 ст. 1078 ГК, если вред причинен лицом, которое не могло понимать значения своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства, обязанность возместить вред может быть возложена судом на проживающих совместно с ним его трудоспособных супруга, родителей, совершеннолетних детей, которые знали о психическом расстройстве причинителя вреда, но не ставили вопрос о признании его недееспособным.

Глава 5

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

5.1. Понятие и виды источников повышенной опасности

Как видно из анализа п. 2 ст. 1064 ГК, деликтная ответственность строится на началах вины. Причем ранее принцип ответственности за вину воспринимался в качестве одного из величайших достижений цивилизации, на основании чего ученые делали выводы, что «там, где нет вины — не может быть ответственности»¹⁴⁵.

Однако с середины XIX в. наблюдается устойчивая тенденция расширения объема безвиновной ответственности, которая во многом была обусловлена бурным развитием производительных сил, что привело к проникновению сначала в сферу производства, а потом и в повседневную жизнь источников повышенной опасности, которые, с одной стороны, увеличили опасность причинения вреда личным и имущественным благам, с другой — предоставили возможность получать сверхприбыли лицам, их эксплуатирующим¹⁴⁶. Как адекватный ответ на поставленный вызов возникает специальный деликт — возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. Как отмечал И. А. Покровский, идея повышенной опасности как некоторое этическое оправдание для привлечения к ответственности того, кто оказался лишь случайной и невольной причиной вреда, была предложена немецким юристом М. Рюмелином. Смысл ее в том, что тот, кто своей деятельностью повышает опасность для окружающих свыше обычного уровня, должен и нести на себе ответственность за это повышение¹⁴⁷.

Идея повышенной ответственности была адаптирована в отечественной правовой системе и уже в ст. 404 ГК РСФСР 1922 г. была непосредственно предусмотрена категория «источника повышенной опасности». Как справедливо указывает В. М. Болдинов: «Появившийся в результате первой отечественной гражданско-правовой кодификации термин («источник повышенной опасности») имел как раз ту полезную абстрактность, которая была необходима судебной практике для эффективного осуществления квалификации деликтов. Благодаря такому решению наши суды по сей день могут возлагать на причинителей вреда повышенную ответственность, не нуждаясь в специальном законодательстве и не дожидаясь соответствующей реакции законодателя»¹⁴⁸.

С момента внедрения указанной категории в гражданском праве ведется оживленная дискуссия между представителями двух основных концепций (теории «деятельности» и «объекта») относительно определения сущности источника повышенной опасности.

Так, М. М. Агарков считал, что источником повышенной опасности является «не вещь, а определенная деятельность по использованию соответствующих вещей»¹⁴⁹.

¹⁴⁵ См.: Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 156.

¹⁴⁶ См.: Кулагин М. И. Избранные труды. М., 1997. С. 281—282.

¹⁴⁷ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права (по изд. 1917 г.). М., 1998. С. 287.

¹⁴⁸ См.: Болдинов В. М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. СПб, 2002. С. 13.

¹⁴⁹ См.: Гражданское право / под ред. М. М. Агаркова и Д. М. Генкина. М., 1944. Т. 1. С. 339.

Иной позиции придерживался О. А. Красавчиков, полагавший, что источниками повышенной опасности являются «предметы материального мира (преимущественно орудия и средства), обладающие особыми специфическими, количественными и качественными состояниями, в силу которых владение (пользование, создание, хранение, транспортировка и т. д.) ими в определенных условиях времени и пространства связано с повышенной опасностью (объективной возможностью умаления личных или имущественных благ) для окружающих»¹⁵⁰.

Дискуссия относительно определения сущности «источника повышенной опасности» продолжается и в настоящее время. Причем каждая из теорий имеет рациональное зерно. В результате появились подходы, соединяющие концепцию деятельности и теорию объекта. В связи с этим вызывает интерес позиция В. М. Болдинова, считающего, что термины «деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих» и «источник повышенной опасности» означают различные понятия и явления. На самом деле, эти явления соотносятся друг с другом как процесс и предмет (деятельность — процесс, который осуществляется с помощью источника — предмета)¹⁵¹. Как указывает С. К. Шишкин, как правовая категория источник состоит из двух неразрывно взаимосвязанных составляющих: сферы человеческой деятельности и опасных предметов, не поддающихся полному контролю со стороны человека. Определять источник повышенной опасности, фетишизируя тот или иной элемент, недопустимо»¹⁵².

При этом действующее законодательство в большей мере основывается на теории деятельности, так как согласно п. 1 ст. 1079 ГК юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Указанная легальная формулировка позволила К. Б. Ярошенко утверждать, что «новый Гражданский кодекс РФ положил конец спорам по поводу содержания понятия источника повышенной опасности. В самом наименовании ст. 1079 подчеркнуто, что речь идет о деятельности, создающей повышенную опасность»¹⁵³. В обоснование своей позиции К. Б. Ярошенко отметила, что «предметом правового регулирования может быть только деятельность людей. Причинение вреда материальными объектами, обладающими вредоносными свойствами (ядовитыми, химическими, радиоактивными и подобными веществами), вне деятельности по их использованию оказывается тем самым вне рамок правового регулирования»¹⁵⁴.

С позиций теории деятельности источник повышенной опасности определяется и в современной судебной практике. Согласно п. 18 Постановления № 1 источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного

¹⁵⁰ См.: Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966. С. 34.

¹⁵¹ См.: Болдинов В. М. Указ. соч. С. 18.

¹⁵² См.: Шишкин С. К. Указ. соч. С. 19—20.

¹⁵³ См.: Ярошенко К. Б. Обязательства вследствие причинения вреда // Комментарий Российского законодательства. М., 1997. С. 425.

¹⁵⁴ Гражданское право. Ч. 2. Обязательственное право / курс лекций под ред. О. Н. Садикова. М., 1997. С. 655.

контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами.

Вопрос о видах источников повышенной опасности, их классификации традиционно относится к одному из самых обсуждаемых и дискуссионных среди ученых. Однако до настоящего времени наукой гражданского права еще не выработана общепризнанная классификация источников повышенной опасности, что во многом обусловлено отсутствием единого понимания сущности самой категории источника повышенной опасности. При этом отечественный законодатель, начиная с ГК РСФСР 1922 г., ограничивался указанием на примерный перечень источников повышенной опасности.

Следует отметить, что современное законодательство также исходит из «негативного» подхода, предусматривая примерный, открытый перечень источников повышенной опасности. В соответствии с п. 1 ст. 1079 ГК к источникам повышенной опасности относятся: использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др. В п. 18 Постановления № 1 разъяснено, что названная норма не содержит исчерпывающего перечня источников повышенной опасности. Суд, принимая во внимание особые свойства предметов, веществ или иных объектов, используемых в процессе деятельности, вправе признать источником повышенной опасности также иную деятельность, не указанную в перечне.

Одна из наиболее известных классификаций источников повышенной опасности была разработана О. А. Красавчиковым (сторонник теории «объекта»). В ее основу положен классифицирующий признак формы энергии. Автор выделяет следующие источники повышенной опасности:

- физические источники, которые подразделяются на механические (транспорт, грузоподъемные механизмы, оборудование промышленных предприятий и т. п.), электрические (оборудование, агрегаты высокого напряжения и т. п.), тепловые (оборудование горячих цехов, котельные);
- физико-химические источники, к которым относятся все предметы, создающие опасность радиоактивного воздействия;
- химические источники, в число которых входят отравляющие, взрывчатые и огнеопасные вещества;
- биологические источники: дикие звери, некоторые микроорганизмы.

Необходимо отметить то, что С. К. Шишкин предложил дополнить классификацию О. А. Красавчикова химико-биологическими источниками повышенной опасности, к которым он отнес пестициды первого и второго класса опасности¹⁵⁵. Автор указывает, что пестициды представляют собой группу химических и биологических соединений, используемых для борьбы с вредителями и болезнями растений и животных, сорными растениями, вредителями сельскохозяйственной продукции для регулирования роста растений. Особенности, определяющими потенциальную опасность пестицидов для человека и среды обитания, являются: высокая биологическая активность при малых уровнях воздействия, способность к циркуляции в окружающей среде и возможность контакта с ними населения. В соответствии с Федеральным законом РФ от 19.07.1997 № 109 «О безопасности обращения с пестицидами и агрохимикатами»¹⁵⁶ была введена

¹⁵⁵ См.: Шишкин С. К. Указ. соч. С. 52.

¹⁵⁶ См.: СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3510.

регистрация пестицидов и агрохимикатов. Их список печатается на основе Государственного каталога пестицидов и агрохимикатов, разрешенных к применению на территории РФ, которым устанавливаются основные регламенты их использования, определяются четыре класса опасности. Критерием опасности помимо влияния на организм человека также является степень воздействия на пчел в полевых условиях. Все работы с пестицидами первого и второго класса опасности должны осуществляться только лицами, имеющими специальную профессиональную подготовку, а их хранение должно быть строго регламентировано.

В обоснование своей позиции С. К. Шишкин приводит следующее дело: решением Суздальского районного суда Владимирской области от 07 августа 2002 г. был удовлетворен иск Владимирского природоохранного прокурора в интересах четверых пчеловодов о возмещении вреда, связанного с гибелью пчел с СХП «Нива» ООО агрофирмы «Волготрансгаз». Суд установил, что причиной гибели пчел стало применение пестицидов средней и малой токсичности в большом количестве при механической обработке полей в целях уничтожения сорняков. При этом суд в своем решении сослался на ст. 1079 ГК, квалифицируя действия ответчика как владельца источника повышенной опасности¹⁵⁷.

5.2 Понятие и виды владения источником повышенной опасности

В соответствии с п. 1 ст. 1079 ГК юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности. Эта обязанность возлагается на юридическое лицо или гражданина, владеющего источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или оперативного управления либо на ином законном основании (на праве аренды, по доверенности на право управления транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности и т. п.).

Из указанной нормы видно, что перечень владельцев источников повышенной опасности является открытым. К непоименованным владельцам правоприменительные органы в зависимости от обстоятельств конкретного дела относят также доверительных управляющих, хранителей, подрядчиков и др. В гражданском праве под владением понимается либо факт (фактическое господство над вещью) либо право — вид правомочия, прав на собственные действия (одно из правомочий собственника, которым он способен наделить и иного субъекта гражданского права). Подобная двойственность владения традиционно отмечается в научной литературе¹⁵⁸.

Заслуживает внимания мнение Н. И. Коняева, полагающего, что «в понятии «владелец» источника повышенной опасности действительное содержание шире его буквального наименования»¹⁵⁹.

В гражданском праве принято выделять два признака владельца источника повышенной опасности: юридический и материальный¹⁶⁰. Юридический признак означает, что владельцем источника повышенной опасности признается лишь то лицо, которое обладает в отношении него соответствующим правомочием (титлом владения),

¹⁵⁷ См.: Шишкин С. К. Указ. соч. С. 42.

¹⁵⁸ См.: Хвостов В. М. Система римского права. С. 272—273.

¹⁵⁹ См.: Коняев Н. И. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда источником повышенной опасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 5.

¹⁶⁰ См.: Советское гражданское право / под ред. О. А. Красавчикова. М., 1985. С. 388—389.

например, право собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления или иного титульного правомочия как на основании договора аренды, доверенности на управление автомашиной, распоряжения компетентного органа о передаче организации какого-либо источника повышенной опасности и т. д.

Материальный признак подчеркивает, в чем реальном владении в процессе деятельности находятся опасные объекты материального мира, кто ими непосредственно пользуется, эксплуатирует, хранит, перевозит и пр. При этом судебной практикой не признается владельцем источников повышенной опасности и не несет ответственности за вред перед потерпевшим лицо, управляющее (эксплуатирующее) источником повышенной опасности в силу исполнения своих служебных или трудовых обязанностей, в том числе на основании трудового или гражданско-правового договора с собственником или иным владельцем (такой вред возмещается работодателем на основании ст. 1068 ГК).

А. П. Сергеев указывает на то, что «оба названных признака должны быть налицо, за исключением случаев, указанных в законе»¹⁶¹.

Вызывает также интерес позиция В. М. Болдинова, полагающего, что «в выборе между правом и фактом нормы ст. 1079 ГК явно отдают предпочтение последнему. Фактическое обладание, материальная связь лица с вещью, то, что в римском праве называлось *corpus possessionis* (тело владения), имеет в деле квалификации субъекта ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности значительно большее значение, нежели право владения (*jus possidendi*), юридическая (идеальная) связь с вещью»¹⁶².

В обоснование того, что большее значение придается именно фактическому осуществлению опасной деятельности, можно привести следующее дело. Акционерное общество, чье судно столкнулось с судном, принадлежащим федеральному государственному учреждению на праве оперативного управления, предъявило в арбитражный суд иск к этому учреждению о возмещении ущерба, причиненного столкновением судов.

В ходе судебного разбирательства учреждение ссылалось на то, что оно не является лицом, обязанным нести ответственность за причиненный в результате столкновения ущерб, так как техническая эксплуатация и управление судном были переданы согласно договору ООО.

Суд первой инстанции иск о взыскании с учреждения ущерба, причиненного столкновением принадлежащего ему судна с судном истца, удовлетворил, отметив, что вина судна ответчика доказана. Что касается лица, несущего ответственность за причиненный ущерб, то им является учреждение, поскольку согласно договору, заключенному между учреждением и ООО, последнее оказывало лишь услуги по технической эксплуатации и управлению судном его владельцу — учреждению.

Суд апелляционной инстанции решение отменил и в удовлетворении иска отказал, указав, что по смыслу правил ст. 312 КТМ ответственность должен нести владелец судна, виновного в столкновении. Согласно ст. 8 КТМ под судовладельцем понимается лицо, эксплуатирующее судно от своего имени, независимо от того, является ли оно собственником судна или использует его на ином законном основании. Заключенный между учреждением и обществом договор не предусмотрен ни нормами КТМ, ни нормами ГК. Однако, как следует из условий договора, ООО приняло на себя обязательство самостоятельно от своего имени осуществлять техническую эксплуатацию судна и управление им, при этом все члены экипажа судна являются работниками этого ООО.

¹⁶¹ Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. М., 1997. С. 736.

¹⁶² См.: Болдинов В. М. Указ. соч. С. 144.

Таким образом, техническую эксплуатацию и управление судном, виновным в столкновении, осуществляло в момент столкновения не учреждение, а ООО. Поскольку договором между ними не было определено, кто из них отвечает за вред, причиненный третьим лицам в процессе такой деятельности, то ответственность за такой вред должно нести ООО как лицо, которое самостоятельно от своего имени технически эксплуатировало судно, управляло им и своими действиями причинило ущерб другому судну (п. 9 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.08.2004 № 81 «Обзор практики применения арбитражными судами Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации»¹⁶³).

В ст. 1079 ГК помимо законных выделяются также незаконные владельцы источников повышенной опасности. Так, в соответствии с п. 2 ст. 1079 ГК владелец источника повышенной опасности не отвечает за вред, причиненный этим источником, если докажет, что источник выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц (например, при угоне транспортного средства). Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в таких случаях несут лица, противоправно завладевшие источником.

При наличии вины владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника из его обладания ответственность может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности (п. 2 ст. 1079 ГК). В правоприменительной практике в таких случаях законный и незаконный владельцы источника повышенной опасности привлекаются к долевой ответственности (п. 24 Постановления № 1).

5.3 Возмещение вреда причиненного при взаимодействии источников повышенной опасности

Одна из основных особенностей ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, заключается в том, что ответственность наступает независимо от вины владельца источника повышенной опасности, который обязан возместить причиненный потерпевшему вред даже при доказанности отсутствия своей вины.

Причинение вреда потерпевшему взаимодействием источников повышенной опасности влечет за собой применение п. 3 ст. 1079 ГК, согласно которому владельцы источников повышенной опасности солидарно несут безвиновную ответственность за вред, причиненный таким взаимодействием (например, при столкновении транспортных средств) третьим лицам. Это означает, что потерпевший имеет право предъявить требование о возмещении вреда как ко всем причинителям совместно, так и к одному из них в отдельности. Если потерпевший не получит полного удовлетворения от одного из солидарных должников, то он имеет право требовать недополученного от всех остальных солидарных должников, которые остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено (ст. 325 ГК).

Правило об ответственности владельца источника повышенной опасности независимо от вины имеет исключение (абз. 2 п. 3 ст. 1079 ГК). Оно состоит в том, что вред, причиненный взаимодействием источников повышенной опасности, возмещается их владельцами друг другу с учетом вины каждого владельца на общих основаниях, предусмотренных ст. 1064 ГК.

¹⁶³ См.: ВВАС РФ. 2004 № 10.

Правоприменительная практика выработала следующие возможные варианты применения данного правила:

- вред, причиненный одному из владельцев источника повышенной опасности по вине другого, возмещается виновным;
- при наличии вины самого владельца, которому причинен вред, он ему не возмещается;
- при вине обоих владельцев размер возмещения определяется соразмерно степени вины каждого;
- при отсутствии вины владельцев источников повышенной опасности во взаимном причинении вреда (независимо от его размера) ни один из них не имеет права на возмещение (ст. 25 Постановления № 1).

Данные правила можно проиллюстрировать и на примере некоторых нормативных актов. Согласно ст. 312 КТМ, если столкновение судов произошло по вине одного из них, убытки несет тот, по чьей вине произошло столкновение. В случае если столкновение произошло по вине двух или более судов, ответственность каждого из них за убытки определяется соразмерно степени его вины. При невозможности установить степень вины каждого из судов исходя из обстоятельств столкновения, ответственность за убытки распределяется между ними поровну (ст. 313 КТМ). Если столкновение произошло случайно или вследствие непреодолимой силы либо невозможно установить причины столкновения судов, убытки несет тот, кто их потерпел. Ни одно из участвовавших в столкновении судов не предполагается виновным, если не доказано иное (ст. 315 КТМ).

Глава 6

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАНИНА

6.1. Общие положения о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина

Причинение вреда жизни и здоровью традиционно выделяется законодателем в качестве специального деликта, поскольку речь идет о посягательствах на особые блага, имеющих нематериальную (идеальную) природу, причинении немущественного вреда, что обуславливает сложности в установлении адекватного механизма компенсации понесенных потерь. Жизнь и здоровье являются высшими ценностями, которые не имеют денежной оценки, вред, причиненный жизни или здоровью — не возмещаем в принципе. Однако причинение вреда указанным благам может явиться причиной возникновения определенных имущественных потерь, которые и будут возмещаться по правилам § 2 гл. 59 ГК.

Современное законодательство основывается на медико-социальных критериях в вопросе установления размера возмещения при причинении вреда здоровью, так как в основе расчета компенсационных выплат, лежит критерий степени утраты профессиональной трудоспособности. У данного подхода, конечно, есть недостатки. Так, А. М. Рабец отмечает: «Остаются за пределами правового учета такие ситуации, при которых трудоспособность как бы вообще не утрачена, но в силу противопоказаний лицо не может выполнять работу по своей профессии, например... после травмы или в результате неблагоприятного воздействия на организм женщины вредных веществ ее трудоспособность не утрачена, но поражена репродуктивная функция организма. Имеет место парадокс: с точки зрения медицинской вред здоровью налицо, с точки зрения правовой он полностью отсутствует». В итоге «абсолютизация утраты трудоспособности как единственного критерия утраты здоровья таит в себе опасность игнорирования не только других сторон снижения жизнедеятельности, но и чисто медицинских данных, т.е. факта отсутствия анатомической целостности или поражения физиологических функций отдельных органов»¹⁶⁴

Рассматриваемый специальный деликт охватывает и случаи причинения вреда при исполнении обязанностей по договору. Согласно ст. 800 ГК ответственность перевозчика за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, определяется по правилам гл. 59 ГК, если законом или договором перевозки не предусмотрена повышенная ответственность перевозчика. В соответствии со ст. 1084 ГК вред, причиненный жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств, а также при исполнении обязанностей военной службы, службы в милиции и других соответствующих обязанностей возмещается по правилам, предусмотренным настоящей главой, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности.

Необходимо учитывать, что в случае причинения вреда жизни или здоровью, при исполнении работником своих трудовых обязанностей компенсационные выплаты будут производиться прежде всего страховщиком — Фондом социального страхования РФ в порядке, предусмотренном Законом о страховании. Компенсационный механизм,

¹⁶⁴ См.: Рабец А. М. Обязательства по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью. М., 1998. С. 107—108.

предусмотренный Законом о страховании, практически идентичен правилам § 2 гл. 59 ГК, но имеет некоторые ограничения. Так, ст. 7 Федерального закона РФ от 28.11.2009 № 292-ФЗ «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2010 г. и на плановый период 2011 и 2012 годов»¹⁶⁵ устанавливает, что максимальный размер ежемесячной страховой выплаты, исчисленный в соответствии со ст. 12 Закона о страховании не может превышать 49 520 руб. Если размер выплат по социальному страхованию недостаточен для полного возмещения вреда, то потерпевший согласно п. 2 ст. 1 Закона о страховании вправе потребовать от работодателя возмещения причиненного вреда в части непокрытой социальным страхованием. При этом согласно п. 3 ст. 8 Закона о страховании компенсация морального вреда осуществляется исключительно работодателем.

Относительно возмещения вреда жизни или здоровью, причиненного при исполнении обязанностей военной службы, службы в милиции и др., следует указать, что специальным законодательством также предусматривается страховой механизм компенсации данного вреда. Например, в ст. 18 Закона о военнослужащих установлено, что в случае гибели (смерти) военнослужащих или граждан, призванных на военные сборы, наступившей при исполнении ими обязанностей военной службы (на военных сборах), либо их смерти, наступившей вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания, полученных ими при исполнении обязанностей военной службы до истечения одного года со дня увольнения с военной службы (отчисления с военных сборов или окончания военных сборов), выплачивается в равных долях единовременное пособие. Размер его для членов семей погибших (умерших) военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, в том числе офицеров, призванных на военную службу в соответствии с указом Президента РФ, граждан, призванных на военные сборы в качестве офицеров, прапорщиков и мичманов, — 120 окладов денежного содержания, установленных на день выплаты пособия.

В течение длительного времени суды общей юрисдикции отказывали потерпевшим — членам семей военнослужащих, погибших при исполнении своего долга, в выплате периодических платежей по правилам гл. 59 ГК, ссылаясь на то, что ими уже были получены единовременное пособие по правилам Закона о военнослужащих. При этом делались выводы, что для привлечения к ответственности Российской Федерации в лице Минобороны России по правилам гл. 59 ГК необходимо наличие в деянии ответчика полного состава гражданского правонарушения, а так как в гибели военнослужащих виновны, например, боевики незаконных вооруженных формирований, то в удовлетворении требований к Министерству обороны РФ отказывалось. Потерпевшим рекомендовалось обратиться с требованиями к непосредственным причинителям, т. е. к скрывающимся в горах Кавказа боевикам.

Данная практика была преодолена под влиянием правовой позиции Конституционного Суда РФ. В связи с этим представляет интерес следующее дело. Истец, действуя в своих интересах и интересах несовершеннолетних детей, обратилась в суд с иском к Минобороны России о возмещении вреда, причиненного смертью кормильца в соответствии со ст. 1068 ГК, и компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что ее муж, старший лейтенант Вооруженных сил РФ, погиб при исполнении военной службы при авиакатастрофе. Просила взыскать в ее пользу и пользу каждого ребенка в размере 39 158 руб. 28 коп., ежемесячные выплаты в размере 1087 руб. 73 коп., компенсацию морального вреда в сумме 600 000 руб. каждому.

¹⁶⁵ См.: СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5742.

Решением суда иск был удовлетворен частично. С Минобороны России взыскана компенсация морального вреда в сумме 100 000 руб., в остальной части иска отказано.

В кассационной жалобе истица просила решение суда в части отказа в удовлетворении ее иска о возмещении вреда, причиненного смертью кормильца, отменить как незаконное, в части компенсации морального вреда решение изменить, увеличив размер компенсации морального вреда.

Судебная коллегия считала, что решение суда подлежит отмене, поскольку суд неправильно истолковал закон, подлежащий применению.

Согласно ст. 1084 ГК вред, причиненный жизни и здоровью гражданина при исполнении договорных обязанностей, а также при исполнении обязанностей военной службы в милиции и других соответствующих обязанностей, возмещается по правилам, предусмотренным гл. 59 ГК, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности.

Как видно из Закона РФ от 22.01.1993 № 4331-1 «О статусе военнослужащих»¹⁶⁶, Закон о военнослужащих предусматривает выплату единовременных пособий в связи со смертью военнослужащего в большем размере, т. е. устанавливает более высокий размер ответственности. Вместе с тем Закон о военнослужащих вовсе не предусматривает выплату ежемесячных платежей в возмещение вреда, причиненного смертью или увечьем военнослужащего, компенсацию морального вреда. Анализ указанных норм позволяет сделать вывод о том, что выплата единовременного пособия в любом размере не может привести к лишению потерпевшего права на получение возмещения в виде ежемесячных платежей.

Отказывая в иске о возмещении вреда в связи со смертью кормильца, суд указал на то, что вдове и несовершеннолетним детям погибшего в счет возмещения вреда выплачено единовременное пособие в размере 120 окладов денежного содержания каждому, а также назначена пенсия на истцу и детей по случаю потери кормильца.

Разрешая спор, суд не учел, что страхование жизни и здоровья военнослужащих — это дополнительная гарантия восстановления имущественных прав военнослужащих и их семей, так как предметом договора обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих является жизнь и здоровье военнослужащих, а не риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни и здоровью.

Согласно ст. 1089 ГК при определении размера возмещения вреда в связи со смертью кормильца пенсии, назначенные лицам в связи со смертью кормильца, а равно другие виды пенсий, назначенные как до, так и после смерти кормильца, в счет возмещения им вреда не засчитываются.

Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 26.12.2002 № 17-П¹⁶⁷ в конституционно-правовом смысле страховое обеспечение, полагающееся военнослужащим и приравненным к ним лицам наряду с иными выплатами, которые в целях возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, могут быть установлены им на основании других законов, входит в гарантированный государством объем возмещения вреда, призванного компенсировать последствия изменения их материального и (или) социального статуса вследствие наступления страховых случаев, включая причиненный материальный и моральный вред.

Истица просит о возмещении вреда в связи со смертью кормильца в порядке, предусмотренном гл. 59 ГК, регулирующей правоотношения по возмещению вреда,

¹⁶⁶ См.: ВСНД и ВС. 1993, № 6. Ст. 188.

¹⁶⁷ См.: СЗ РФ. 2003. № 1. Ст. 152.

основанием для возникновения ответственности за причинение вреда является факт причинения вреда и наличие вины.

Согласно п. 2 ст. 3 ГК нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу. Вместе с тем ст. 1084 ГК допускает отступления от норм, содержащихся в гл. 59 ГК, в случае если законом или договором предусмотрен более высокий размер ответственности.

В соответствии со ст. 1089 ГК лицам, имеющим право на возмещение вреда в связи со смертью кормильца, ущерб возмещается в размере той доли заработка (дохода) умершего, которую они получали или имели право получать на свое содержание при его жизни.

Закон РФ «О статусе военнослужащих» не предусматривает такой вид возмещения, что указывает истца, ущемляет их интересы и полагает, что в данном случае наряду с данным Законом подлежит применению норма ГК. При таких обстоятельствах решение суда нельзя признать законным, поэтому обоснованным и оно подлежит отмене (См. определение Московского областного суда от 14.03.2005 № 878¹⁶⁸).

Из анализа данного дела видно, что в настоящее время практика судов общей юрисдикции приведена в соответствии с ГК под влиянием правовой позицией Конституционного Суда РФ, а потерпевшие в случае причинения вреда жизни или здоровью при исполнении обязанностей военной службы (службы в милиции и др.) имеют право не только на единовременные страховые суммы, но и на выплату периодических платежей.

6.2. Возмещение вреда, причиненного здоровью потерпевшего

В соответствии с п. 1 ст. 1085 ГК при причинении гражданину увечья или ином повреждении его здоровья возмещению подлежит утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел или определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья.

Расчет суммы утраченного заработка производится на основе величины среднемесячного заработка и степени утраты профессиональной (при ее отсутствии — общей) трудоспособности. Например, при утрате профессиональной трудоспособности на 30 % потерпевший имеет право получать периодические платежи, равные 30 % от среднемесячного заработка.

Согласно п. 2 ст. 1086 ГК в состав утраченного заработка (дохода) потерпевшего включаются все виды оплаты по трудовым и гражданско-правовым договорам как по месту основной работы, так и по совместительству, облагаемые подоходным налогом. Не учитываются выплаты единовременного характера, в частности компенсация за неиспользованный отпуск и выходное пособие при увольнении. За период временной нетрудоспособности или отпуска по беременности и родам учитывается выплаченное пособие. Доходы от предпринимательской деятельности, а также авторский гонорар включаются в состав утраченного заработка, при этом доходы от предпринимательской деятельности включаются на основании данных налоговой инспекции. Все виды заработка (дохода) учитываются в суммах, начисленных до удержания налогов.

В силу п. 2 ст. 1085 ГК при определении утраченного заработка (дохода) пенсия по инвалидности, назначенная потерпевшему в связи с увечьем или иным повреждением здоровья, а равно другие пенсии, пособия и иные подобные выплаты, назначенные как до, так и после причинения вреда здоровью, не принимаются во внимание и не влекут

¹⁶⁸ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

уменьшения размера возмещения вреда (не засчитываются в счет возмещения вреда). В счет возмещения вреда не засчитывается также заработок (доход), получаемый потерпевшим после повреждения здоровья. Данное положение можно проиллюстрировать следующим примером из судебной практики.

А. обратился в суд с иском к ответчикам и просил взыскать с ЗАО «АСТО-Гарантия» сумму утраченного заработка за период его нетрудоспособности в размере 98 204 руб., и со С. в счет компенсации морального вреда 100 000 руб., мотивируя тем, что 20.12.2004 произошло ДТП, в результате которого С., являясь владельцем источника повышенной опасности (ВАЗ 21093), пересек разделительную полосу, совершил на него наезд, в то время, когда он стоял на обочине, получив при этом телесные повреждения в виде закрытых повреждений боковых связок обоих коленных суставов, кровоизлияние в полость правого коленного сустава, относящиеся к средней тяжести здоровья.

Разрешая требования в части взыскания утраченного заработка с ЗАО «АСТО-Гарантия» суд исходил из того, что взысканию подлежит разница между заработной платой истца за период нетрудоспособности в размере 98 204 руб. и уже выплаченной суммы пособия по временной нетрудоспособности в размере 34 993 руб. 61 коп.

Однако суд кассационной инстанции обоснованно посчитал, что при разрешении данных требований суд не учел, что согласно п. 58 Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств выплата страховой суммы за вред, причиненный жизни или здоровью потерпевшего, производится независимо от сумм, причитающихся ему по социальному обеспечению и договорам обязательного и добровольного личного страхования. Аналогичное регулирование данное вопроса предусмотрено и ч. 2 ст. 1085 ГК.

В итоге судебная коллегия посчитала, что решение суда в указанной части нельзя признать законным и обоснованным и оно подлежит отмене. По делу было принято новое решение, которым требования А. о взыскании утраченного заработка удовлетворено в полном объеме, с ЗАО «АСТО-Гарантия» в пользу А. взыскан утраченный заработок в размере 98 204 руб. (см. определение Московского областного суда от 14.06.2006 № 33-5368¹⁶⁹).

Среднемесячный заработок (доход) потерпевшего подсчитывается путем деления общей суммы его заработка (дохода) за 12 месяцев работы, предшествовавших повреждению здоровья, на 12. В случае если потерпевший ко времени причинения вреда работал менее 12 месяцев, среднемесячный заработок (доход) подсчитывается путем деления общей суммы заработка (дохода) за фактически проработанное количество месяцев, предшествовавших повреждению здоровья, на число этих месяцев. Не полностью проработанные потерпевшим месяцы по его желанию заменяются предшествующими полностью проработанными месяцами либо исключаются из подсчета при невозможности их замены (п. 3 ст. 1086 ГК).

Представляет интерес норма п. 5 ст. 1086 ГК, в силу которой, если в заработке (доходе) потерпевшего произошли до причинения ему увечья или иного повреждения здоровья устойчивые изменения, улучшающие его имущественное положение (повышена заработная плата по занимаемой должности, он переведен на более высокооплачиваемую работу, поступил на работу после окончания учебного учреждения по очной форме обучения и в других случаях, когда доказана устойчивость изменения или возможности изменения оплаты труда потерпевшего), при определении среднемесячного заработка (дохода) учитывается только заработок (доход), который он получил или должен был получить после соответствующего изменения.

¹⁶⁹ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, по одному из дел суд кассационной инстанции посчитал решение суда в части определения размера сумм ежемесячного платежа с 1 июня 2005 г. и единовременной выплаты за период с 30 января 2002 г. по 31 мая 2005 г. подлежит отмене как постановленное на неправильном применении судом норм материального права.

Разрешая указанные требования, суд в нарушение ст. 1086 ГК неправильно определил размер среднемесячной заработной платы истицы, исчислив его за период с января по декабрь 2001 г. При этом он не учел, что согласно представленной истицей справке, ей с 1 апреля 2001 г. повысили разряд по занимаемой профессии. Поскольку ДТП произошло 20 августа 2001 г., суду следовало в соответствии с ч. 5 ст. 1086 ГК исчислить размер среднемесячной заработной платы за период с апреля по июль 2001 г., при этом учесть, что в соответствии с ч. 2 ст. 1086 ГК все виды заработка (дохода) учитываются в суммах, начисленных до удержания налогов. Кроме того, из представленной справки о заработной плате усматривается, что имеется существенная разница в ее размере ежемесячно, так в апреле, июле 2001 г. ее размер составил 1447 руб. и 1507 руб. 42 коп., а в мае и июне 2001 г. 1186 и 1198 руб. 42 коп. соответственно. При таких обстоятельствах суду в соответствии с ч. 3 ст. 1086 ГК следовало проверить, являются ли расчетные месяцы полностью отработанными истицей, либо она имеет право на исключение не полностью отработанных месяцев из подсчета при невозможности их замены. Для правильного определения размера среднемесячной заработной платы в материалы дела не была представлена справка в полной мере соответствующая требованиям, определенным ст. 1086 ГК, а также соответствующий приказ о повышении истице разряда по профессии. С учетом изложенного решение суда в указанной части нельзя признать правильным (см. определение Московского областного суда от 18.04.2006 № 33-3690¹⁷⁰).

В случае если потерпевший на момент причинения вреда не работал, учитывается по его желанию заработок до увольнения либо обычный размер вознаграждения работника его квалификации в данной местности, но не менее установленной в соответствии с законом величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (п. 4 ст. 1086 ГК). Приведенное положение подлежит применению как к неработающим пенсионерам, так и к другим не работающим на момент причинения вреда лицам, поскольку в п. 4 ст. 1086 ГК не содержится ограничений по кругу субъектов в зависимости от причин отсутствия у потерпевших на момент причинения вреда постоянного заработка (см. п. 29 Постановления № 1).

Вторым необходимым критерием для расчета сумм в счет возмещения вреда, причиненного здоровью является степень утраты потерпевшим профессиональной (при ее отсутствии — общей) трудоспособности.

Следствием причинения вреда потерпевшему может явиться как временная, так и стойкая утрата трудоспособности. При временной утрате трудоспособности потерпевший имеет право на возмещение утраченного заработка за период лечения, установленного в листе временной нетрудоспособности, выданном медицинским учреждением.

Степень стойкой утраты профессиональной трудоспособности определяется учреждениями медико-социальной экспертизы, если вред явился следствием несчастного случая при исполнении трудовых (служебных) обязанностей или профессионального заболевания, в остальных случаях — судебно-медицинской экспертизой.

В связи с этим представляют интерес нормы постановления Правительства РФ от 16.10.2000 № 789 «Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и

¹⁷⁰ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

профессиональных заболеваний»¹⁷¹. Согласно п. 12 данных Правил степень утраты профессиональной трудоспособности потерпевшего определяется, исходя из оценки имеющихся у пострадавшего профессиональных способностей, психофизиологических возможностей и профессионально значимых качеств, позволяющих продолжать выполнять профессиональную деятельность, предшествующую несчастному случаю на производстве и профессиональному заболеванию, того же содержания и в том же объеме либо с учетом снижения квалификации, уменьшения объема выполняемой работы и тяжести труда в обычных или специально созданных производственных условиях.

Под специально созданными производственными условиями понимается организация работы, при которой пострадавшему устанавливаются сокращенный рабочий день, индивидуальные нормы выработки, дополнительные перерывы в работе, создаются соответствующие санитарно-гигиенические условия, рабочее место оснащается специальными техническими средствами, проводятся систематическое медицинское наблюдение и другие мероприятия.

В соответствии п. 14—17 указанных Правил, если у пострадавшего наступила полная утрата профессиональной трудоспособности вследствие резко выраженного нарушения функций организма при наличии абсолютных противопоказаний для выполнения любых видов профессиональной деятельности, даже в специально созданных условиях, устанавливается степень утраты профессиональной трудоспособности 100 %. В случае если пострадавший вследствие выраженного нарушения функций организма может выполнять работу лишь в специально созданных условиях, устанавливается степень утраты профессиональной трудоспособности от 70 до 90 %.

Если потерпевший может в обычных производственных условиях продолжать профессиональную деятельность с выраженным снижением квалификации либо с уменьшением объема выполняемой работы или если он утратил способность продолжать профессиональную деятельность вследствие умеренного нарушения функций организма, но может в обычных производственных условиях выполнять профессиональную деятельность более низкой квалификации, устанавливается степень утраты профессиональной трудоспособности от 40 до 60 %.

При наличии возможности продолжать профессиональную деятельность с умеренным или незначительным снижением квалификации, либо с уменьшением объема выполняемой работы, либо при изменении условий труда, влекущих снижение заработка, или если выполнение его профессиональной деятельности требует большего напряжения, чем прежде, устанавливается степень утраты профессиональной трудоспособности от 10 до 30 %.

Помимо компенсации утраченного заработка потерпевший имеет право и на возмещение дополнительно понесенных расходов, вызванных повреждением здоровья. В соответствии с п. 1 ст. 1085 ГК к указанным расходам отнесены расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение.

Необходимо отметить, что потерпевший с учетом правил ст. 56 ГПК обязан представить доказательства в обоснование своих требований о компенсации дополнительных расходов вызванных повреждением здоровья.

В связи с этим представляет интерес следующее дело. Р. обратилась в суд с иском к Ш. о возмещении материального ущерба, состоящего из затрат на лечение в сумме 45260

¹⁷¹ См.: СЗ РФ. 2000. № 43. Ст. 4247.

руб. на санаторно-курортное лечение в течение трех лет в сумме 135 000 руб., утраченного заработка в размере 5 054 руб. 62 коп., компенсации морального вреда в размере 300 000 руб.

Иск мотивировала тем, что получила телесные повреждения в результате наезда на нее автомобиля под управлением ответчика.

Ответчик иск не признал, указывая, что истица неожиданно вышла на проезжую часть перед его машиной, проявив грубую неосторожность, поэтому он не мог избежать наезда.

Решением суда в пользу истицы с ответчика взыскано в счет возмещения материального ущерба 180314 руб. 62 коп., в счет компенсации морального вреда — 500000 руб.

В кассационной жалобе Ш. просил решение отменить, считая, что суд неправильно применил нормы материального права и не выяснил в полном объеме имеющие значение для дела обстоятельства.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия пришла к следующему выводу.

Разрешая спор, суд правильно установил, что ответчик, управляя источником повышенной опасности, совершил наезд на истицу, чем причинил ей телесные повреждения.

Определяя размер компенсации морального вреда, суд обоснованно принял во внимание характер и степень причиненных истице физических страданий, конкретные обстоятельства дела, в том числе то обстоятельство, что истицей были нарушены правила дорожного движения.

Судебная коллегия считала, что решение в части удовлетворения требования о возмещении материального ущерба подлежит отмене с направлением дела на новое рассмотрение, поскольку суд не выяснил имеющие значение для разрешения спора обстоятельства.

Возражая против иска в указанной части, ответчик ссылался на то, что истицей не представлено доказательств, подтверждающих, что истица понесла расходы на лечение, приобретение лекарств в объеме, который не охватывается рамками обязательного медицинского страхования.

Суд не предложил истице представить такие доказательства, в то время как бремя доказывания размера материального ущерба возложено законом на истца. Указанное обстоятельство осталось не выясненным при разрешении спора. Истицей не представлено суду заключение медицинской экспертизы (как это указано в п. 2 ст. 1092 ГК) о необходимости санаторно-курортного лечения в течение трех лет, в решении не имеется ссылок на доказательства в обоснование размера расходов на санаторно-курортное лечение.

В нарушение ч. 2 ст. 71 ГПК суду не было представлено подлинных документов или надлежаще заверенных копий, подтверждающих понесенные истицей расходы на лечение (см. определение Московского областного суда от 10.07.2006 № 33-8260¹⁷²).

В соответствии с п. 1 ст. 1087 при причинении вреда здоровью несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет (малолетнего) и не имеющего заработка (дохода), лицо, ответственное за причиненный вред, обязано возместить лишь расходы, вызванные повреждением здоровья. Расходы должны быть подтверждены надлежащими доказательствами. Так, по одному из дел судебная коллегия (кассационная инстанция) считала, что выводы суда о взыскании в пользу истца расходов на приобретение

¹⁷² Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

лекарственных препаратов и дополнительного питания нельзя признать правильными, а решение в этой части соответствующим ст. 198 ГПК.

В материалах дела не имелось достаточных доказательств, свидетельствующих о расходах, которые требовалось произвести. Суд руководствовался представленными истцом чеками и расчетами. Однако достоверных данных о том, какие медицинские препараты, по какой цене, в каком количестве и в каком дополнительном питании нуждалась несовершеннолетняя потерпевшая, не было.

Калькуляция необходимого дополнительного питания не составлялась, а чеки на приобретение продуктов питания с очевидностью не свидетельствуют о необходимости такого питания в качестве дополнительного. Поэтому данные расходы требуют дополнительной проверки в суде первой инстанции, и дело в связи с отменой решения в указанной части подлежит направлению на новое рассмотрение. Суду надлежит более тщательно проверить нуждаемость несовершеннолетней потерпевшей в приобретении конкретных лекарственных средств и дополнительного питания, реальные расходы, затраченные на эти цели, и в зависимости от установленных данных постановить решение (см. определение Московского областного суда от 26.04.2005 № 33-3265¹⁷³).

Представляет интерес и то, что судебная практика выработала подход, в соответствии с которым, если вред здоровью малолетнего ребенка послужил причиной прекращения родителем трудовых отношений в связи с необходимостью осуществления постоянного ухода за ребенком, то наряду с дополнительными расходами подлежат возмещению и суммы утраченного заработка родителя.

По достижении малолетним потерпевшим 14 лет, а также в случае причинения вреда несовершеннолетнему в возрасте от 14 до 18 лет, не имеющему заработка (дохода), лицо, ответственное за причиненный вред, обязано возместить потерпевшему помимо расходов, вызванных повреждением здоровья, также вред, связанный с утратой или уменьшением его трудоспособности, исходя из установленной в соответствии с законом величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по РФ. Если ко времени повреждения его здоровья несовершеннолетний имел заработок, то вред возмещается исходя из размера этого заработка, но не ниже установленной в соответствии с законом величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по РФ (п. 2, 3 ст. 1087 ГК).

После начала трудовой деятельности несовершеннолетний, здоровью которого был ранее причинен вред, вправе требовать увеличения размера возмещения вреда исходя из получаемого им заработка, но не ниже размера вознаграждения, установленного по занимаемой им должности, или заработка работника той же квалификации по месту его работы (п. 4 ст. 1087 ГК).

6.3. Возмещение вреда в связи с потерей кормильца

Рассматриваемый специальный деликт имеет особое социальное значение, поскольку направлен на предоставление возмещения лицам, утратившим в результате совершенного правонарушения источника получения средств к существованию по причине гибели кормильца.

В ст. 1088 ГК перечислены категории лиц, имеющих право на возмещение такого вреда. К ним относятся:

¹⁷³ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

1) нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего или имевшие ко дню его смерти право на получение от него содержания. К указанной группе потерпевших относятся, прежде всего, несовершеннолетние дети (судебной практикой выработан подход о презумировании иждивенчества детей), лица, достигшие возраста нетрудоспособности (мужчины — 60 лет, женщины — 55 лет); нетрудоспособные лица по состоянию здоровья (инвалиды 1, 2, 3 группы). Правом на возмещение обладают как лица, находившиеся на иждивении, так и лица имеющие право на получение содержания, даже если они его реально не получали. В этой связи необходимо привести перечень лиц, имеющих право на установление алиментного обязательства.

Так, нормами гл. 13—15 СК предусмотрены: обязанности родителей содержать не только несовершеннолетних, но и нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи (ст. 85 СК); обязанности трудоспособных совершеннолетних детей содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них (ст. 87 СК); право требования предоставления алиментов в судебном порядке от другого супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, имеют: нетрудоспособный нуждающийся супруг; жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка; нуждающийся супруг, осуществляющий уход за общим ребенком-инвалидом до достижения ребенком 18 лет или за общим ребенком — инвалидом с детства I группы (ст. 89 СК); право требования предоставления алиментов в судебном порядке от бывшего супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, имеют: бывшая жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка; нуждающийся бывший супруг, осуществляющий уход за общим ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста восемнадцати лет или за общим ребенком — инвалидом с детства I группы; нетрудоспособный нуждающийся бывший супруг, ставший нетрудоспособным до расторжения брака или в течение года с момента расторжения брака; нуждающийся супруг, достигший пенсионного возраста не позднее чем через пять лет с момента расторжения брака, если супруги состояли в браке длительное время (ст. 90 СК); обязанности братьев и сестер по содержанию своих несовершеннолетних и нетрудоспособных нуждающихся в помощи совершеннолетних братьев и сестер (ст. 93 СК); обязанности дедушек и бабушек по содержанию несовершеннолетних и совершеннолетних, нетрудоспособных и нуждающихся внуков (ст. 94 СК); обязанности внуков содержать нетрудоспособных нуждающихся дедушек и бабушек (ст. 95 СК); обязанности воспитанников (за исключением находившихся под опекой (попечительством) или в приемных семьях) содержать своих нетрудоспособных, нуждающихся фактических воспитателей (если те воспитывали и содержали их надлежащим образом не менее пяти лет — ст. 96 СК); обязанности пасынков (падчериц) содержать нетрудоспособных, нуждающихся отчимов и мачех, если те надлежащим образом исполняли свои обязанности по воспитанию и содержанию пасынков и падчериц (ст. 97 СК);

2) ребенок умершего, родившийся после его смерти;

3) один из родителей, супруг либо другой член семьи независимо от его трудоспособности, который не работает и занят уходом за находившимися на иждивении умершего его детьми, внуками, братьями и сестрами, не достигшими четырнадцати лет либо хотя и достигшими указанного возраста, но по заключению медицинских органов нуждающимся по состоянию здоровья в постороннем уходе;

4) лица, состоявшие на иждивении умершего и ставшие нетрудоспособными в течение пяти лет после его смерти;

5) один из родителей, супруг либо другой член семьи, не работающий и занятый уходом за детьми, внуками, братьями и сестрами умершего и ставший нетрудоспособным

в период осуществления ухода, сохраняет право на возмещение вреда после окончания ухода за этими лицами.

Необходимо иметь в виду, что члены семьи умершего кормильца признаются состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию (п. 3 ст. 9 Федерального закона от 17.12.2001 № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»¹⁷⁴). Иждивенство детей, не достигших 18 лет, предполагается и не требует доказательств. Право нетрудоспособных иждивенцев на возмещение вреда по случаю потери кормильца не ставится в зависимость от того, состояли ли они в какой-либо степени родства или свойства с умершим кормильцем. Основополагающими юридическими фактами в этом случае являются факт состояния на иждивении и факт нетрудоспособности (п. 33 Постановления № 1).

Указанные обязательства, как правило, имеют срочный характер. Так, в соответствии с п. 2 ст. 1088 ГК вред возмещается:

- несовершеннолетним — до достижения 18 лет;
- учащимся старше 18 лет — до окончания учебы в учебных учреждениях по очной форме обучения, но не более чем до 23 лет. Однако правом на возмещение вреда не обладают курсанты военных профессиональных образовательных учреждений, поскольку согласно ст. 2 Закона о военнослужащих они отнесены к военнослужащим, находятся на полном государственном обеспечении и на основании контракта получают дополнительное денежное содержание, т. е. не являются иждивенцами (см. определение Верховного Суда РФ от 26.04.2006 № 45-В05-01¹⁷⁵).
- женщинам старше пятидесяти пяти лет и мужчинам старше шестидесяти лет — пожизненно;
- инвалидам — на срок инвалидности;
- одному из родителей, супругу либо другому члену семьи, занятому уходом за находившимися на иждивении умершего его детьми, внуками, братьями и сестрами, — до достижения ими 14 лет либо изменения состояния здоровья.

При этом необходимо иметь в виду, что право на возмещение вреда в связи с гибелью кормильца сохраняется за несовершеннолетним в случае его последующего усыновления другим лицом (ст. 138 СК), а также за супругом погибшего при вступлении в новый брак, поскольку при наступлении указанных выше обстоятельств законом не предусмотрено прекращение обязательства по возмещению вреда, причиненного этим лицам (п. 33 Постановления № 1).

Размер выплат по возмещению вреда, причиненного в связи с потерей кормильца, определяется по правилам ст. 1089 ГК. Согласно п. 1 указанной статьи вред потерпевшим возмещается в размере той доли заработка (дохода) умершего, определенного по правилам ст. 1086 ГК, которую они получали или имели право получать на свое содержание при его жизни (за вычетом долей в доходе, приходящихся на самого умершего и трудоспособных лиц, находившихся на его иждивении и не имеющих право на возмещение вреда). При установлении размера возмещения не учитывается вина погибшего кормильца (п. 2 ст. 1083 ГК).

Следует учитывать, что при определении размера возмещения вреда детям, потерявшим обоих родителей, необходимо исходить из общей суммы заработка (дохода) погибших (п. 34 Постановления № 1).

¹⁷⁴ См.: СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4920.

¹⁷⁵ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

В качестве примера нарушения правил ст. 1086 ГК при установлении размера возмещения в связи с потерей кормильца можно привести следующее дело. Судебная коллегия посчитала, что, разрешая спор и определяя размер ежемесячной страховой выплаты в пользу несовершеннолетнего иждивенца, суд исходил из фактического заработка умершего за два месяца (декабрь 2000 г. и январь 2001 г.), сославшись на то, что так просила истица, и суд не вправе выходить за пределы ее требований. Между тем способ подсчета среднего заработка определяется законом и в том случае, если работа продолжалась менее 12 месяцев, среднемесячный заработок подсчитывается путем деления общей суммы заработка погибшего за фактически проработанное им число полных месяцев на число этих месяцев. Как видно из материалов дела, потерпевший проработал у работодателя полностью не два, а четыре месяца. Правильный порядок расчета нельзя считать выходом за пределы требований истца, тем более что суммы возмещения вреда подлежат выплате в пользу несовершеннолетнего (см. определение Московского областного суда от 12.04.2005 № 33-3262¹⁷⁶).

При определении возмещения вреда потерпевшим в состав доходов умершего наряду с заработком (доходом) включаются получаемые им при жизни пенсия, пожизненное содержание и другие подобные выплаты. В то же время в счет возмещения вреда не засчитываются пенсии, назначенные потерпевшим в связи со смертью кормильца, а равно другие виды пенсий, назначенные как до, так и после смерти кормильца, а также заработок (доход) и стипендия, получаемые этими лицами (п. 2 ст. 1089 ГК).

Так, в случае гибели кормильца имеющего среднемесячный доход в размере 60 000 руб., при наличии у него неработающей супруги, занятой воспитанием двух малолетних детей умершего и находящейся на его иждивении трудоспособной матери в возрасте 53 лет, размер возмещения для каждого из потерпевших составит по 12 000 руб. ежемесячно, поскольку две доли в размере 12 000 руб. каждая, будут приходиться на самого умершего и его трудоспособную мать, получавшую содержание от умершего, которая на момент совершения деликта еще не обладает правом на возмещения вреда.

При достижении матери возраста 55 лет согласно п. 1 ст. 1088 ГК у нее возникнет право на возмещение вреда в связи с потерей кормильца, в размере приходящейся на нее доли заработка умершего (т. е. 12 000 руб.). Перерасчет сумм по возмещения вреда производится не будет (ее доля учитывалась при первоначальном расчете), поскольку согласно п. 3 ст. 1089 ГК он осуществляется лишь в случае рождения ребенка после смерти кормильца; назначения или прекращения выплаты возмещения лицам, занятым уходом за детьми, внуками, братьями и сестрами умершего кормильца.

По достижении детьми умершего возраста 14 лет и отсутствии у них нуждаемости по состоянию здоровья в постороннем уходе, по общему правилу, прекращаются выплаты супруге умершего, производится перерасчет, после которого детям до достижения ими совершеннолетия (если учащиеся по очной форме обучения — до окончания учебы, но не более чем до 23 лет) и нетрудоспособной матери, бессрочно, назначаются выплаты в размере 16 000 руб.

В соответствии со ст. 1094 ГК лица, ответственные за вред, вызванный смертью потерпевшего, обязаны возместить также необходимые расходы на погребение лицу, понесшему их. При определении размера данных расходов не учитывается вина погибшего (п. 2 ст. 1083 ГК).

Так, по одному из дел кассатор обжаловал решение суда в части взыскания с него расходов на погребение. Судебная коллегия посчитала, что, удовлетворяя заявленные

¹⁷⁶ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

требования в части взыскания расходов на погребение, суд правильно исходил из того обстоятельства, что истицей в соответствии со ст. 56 ГПК представлены доказательства в подтверждение понесенных ею расходов по указанным обстоятельствам.

Довод кассационной жалобы о целесообразности установки С. памятника за меньшую стоимость не имеет правового значения, законом не ограничены права истицы в части определения стоимости памятника при его установке. Суд правильно признал сумму понесенных истицей расходов необходимой и подтвержденной надлежащими доказательствами (см. определение Московского областного суда от 18.05.2006 № 33-4942¹⁷⁷).

По другому делу представитель истца просил отменить решение суда о частичном отказе в удовлетворении исковых требований. Суд, отказывая в части исковых требований, исходил из того, что:

- истцом не были представлены доказательства, подтверждающие расходы на поминальный обед в день погребения;
- у истца отсутствовали кассовые чеки на расходы по ритуальным услугам;
- расходы на изготовление и установку памятника были завышены;

Судебная коллегия не согласилась с некоторыми из указанных выводов суда по следующим основаниям.

Расходы на ритуальные принадлежности в сумме 25 550 руб. были подтверждены счетом ООО «Ритуал» от 21.02.2004, который может быть принят как доказательство при отсутствии кассового чека, поскольку является очевидным, что указанные в счете предметы были приобретены для погребения.

Стоимость по изготовлению и установке памятника подлежит возмещению в полном объеме в силу ст. 1064 ГК. Из суммы 136 504 руб., указанной в квитанции, судебная коллегия посчитала необходимым исключить стоимость стола и скамейки на сумму 20 000 руб., так как данные предметы не являются непосредственно памятником и затраты по их изготовлению необоснованны.

Поминальный обед является христианской традицией и проведение его в день погребения очевидно. Истицей не представлено доказательств о расходах на поминальный обед, состоявшийся в день похорон. Однако имеются документальные подтверждения расходов на поминальный обед, состоявшийся на сороковой день. Учитывая моральное состояние истицы после гибели ее сына, судебная коллегия посчитала возможным взыскать расходы на поминальный обед в день погребения в сумме, аналогичной расходам на поминальный обед на сороковой день, — 7096 руб. (см. определение Московского областного суда от 28.05.2005 № 33-6144¹⁷⁸).

В указанном деле судебная коллегия использовала чрезвычайно интересный подход, к сожалению, традиционно не присущий отечественной правовой системе, что если наличие убытка очевидно, но истец не может представить доказательства расчета суммы убытка, размер убытка с учетом критериев разумности и справедливости определяется судом.

6.4 Порядок возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего

¹⁷⁷ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷⁸ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

В соответствии со ст. 1090 ГК допускается последующее изменение размера выплат в счет возмещения вреда, причиненного здоровью потерпевшего. Так, потерпевший вправе в любое время потребовать от должника соответствующего увеличения размера его возмещения, если трудоспособность потерпевшего в дальнейшем уменьшилась в связи с причиненным повреждением здоровья по сравнению с той, которая оставалась у него к моменту присуждения ему возмещения вреда. В свою очередь должник вправе потребовать соответствующего уменьшения размера возмещения, если трудоспособность потерпевшего возросла по сравнению с той, которая была у него к моменту присуждения возмещения вреда.

Изменение имущественного положения также может быть учтено судом при решении вопроса об установлении размера компенсации. В соответствии с п. 4 ст. 1090 ГК суд может по требованию гражданина-деликвента уменьшить размер возмещения вреда, если его имущественное положение в связи с инвалидностью либо достижением пенсионного возраста ухудшилось по сравнению с положением на момент присуждения возмещения вреда, за исключением случаев, когда вред был причинен действиями, совершенными умышленно.

Потерпевший вправе требовать увеличения размера возмещения вреда, если имущественное положение гражданина, на которого возложена обязанность возмещения вреда, улучшилось, а размер возмещения первоначально судом был уменьшен в соответствии с п. 3 ст. 1083 ГК (допускающей учет имущественного положения деликвента при неосторожном причинении вреда).

Согласно абз. 4 ст. 208 ГК исковая давность не распространяется на требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. Однако требования, предъявленные по истечении трех лет с момента возникновения права на возмещение такого вреда, удовлетворяются за прошлое время не более чем за три года, предшествовавшие предъявлению иска.

В этой связи представляет интерес разъяснение Верховного Суда РФ о допустимости применения абз. 4 ст. 208 ГК к требованиям граждан о взыскании недополученных сумм возмещения вреда, причиненного здоровью вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Вред, причиненный здоровью граждан, оказавшихся в зоне влияния радиационного излучения в момент катастрофы на Чернобыльской АЭС, относится к вреду, реально невозполнимому и неисчисляемому, что обязывает государство стремиться к его возможно более полному по объему возмещению.

Возмещение указанного вреда с учетом специфики обстоятельств его причинения осуществляется в соответствии с Законом РФ от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»¹⁷⁹.

Данный Закон не содержит положений, препятствующих взысканию за прошлое время своевременно не полученных пострадавшими лицами сумм возмещения вреда, причиненного их здоровью вследствие аварии на Чернобыльской АЭС, когда задолженность образовалась по вине органов, обязанных осуществлять такие выплаты.

Исходя из изложенного абзац четвертый ст. 208 ГК к требованиям граждан о взыскании недополученных сумм возмещения вреда, причиненного здоровью вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, применению не подлежит.

¹⁷⁹ См.: ВСНД и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699.

Данная правовая позиция подтверждена Определением Конституционного Суда РФ от 03.11.2006 № 445-О¹⁸⁰.

В соответствии с п. 1 ст. 1092 ГК возмещение вреда, вызванного уменьшением трудоспособности или смертью потерпевшего, производится ежемесячными платежами.

Однако при наличии уважительных причин суд с учетом возможностей причинителя вреда может по требованию гражданина, имеющего право на возмещение вреда, присудить ему причитающиеся платежи единовременно, но не более чем за три года, например, при предполагаемом выезде должника за пределы РФ на постоянное место жительства, когда исполнение решения суда станет невозможным либо затруднительным, а также при тяжелом имущественном положении потерпевшего, имеющего на иждивении детей и нуждающегося в получении единовременной суммы для покрытия необходимых расходов (п. 39 Постановления № 1).

Суммы в возмещение дополнительных расходов (п. 1 ст. 1085 ГК) могут быть присуждены на будущее время в пределах сроков, определяемых на основе заключения медицинской экспертизы, а также при необходимости предварительной оплаты стоимости соответствующих услуг и имущества, в том числе приобретения путевки, оплаты проезда, оплаты специальных транспортных средств.

В соответствии со ст. 1109 ГК не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения, излишне выплаченные суммы в счет возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, при отсутствии недобросовестности приобретателя и счетной ошибки;

Суммы выплачиваемого гражданам возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, при повышении стоимости жизни подлежат индексации с учетом уровня инфляции (ст. 318, 1091 ГК).

До недавнего времени наблюдалось отсутствие единства в правоприменительной практике касательно применения правила об индексации компенсационных выплат. Так, например, использовались: индекс потребительских цен (Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2003 г.¹⁸¹); индекс уровня инфляции, устанавливаемого федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год; индексация (по аналогии закона) в порядке, предусмотренном п. 11 ст. 12 Закона о страховании.

В соответствии с п. 36 Постановления № 1 при разрешении споров о размере возмещения вреда в связи с повышением стоимости жизни судам следует иметь в виду, что согласно требованиям ст. 1091 ГК суммы возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, подлежат индексации с учетом уровня инфляции (ст. 318 ГК), установленного в федеральном законе о федеральном бюджете РФ на соответствующий год.

Согласно п. 1 ст. 1093 ГК в случае реорганизации юридического лица, признанного в установленном порядке ответственным за вред, причиненный жизни или здоровью, обязанность по выплате соответствующих платежей несет его правопреемник. К нему же предъявляются требования о возмещении вреда. Если разделительный баланс не дает возможности определить правопреемника реорганизованного юридического лица, вновь возникшие юридические лица несут солидарную ответственность по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевших.

При ликвидации юридического лица, признанного в установленном порядке ответственным за вред, причиненный жизни или здоровью, соответствующие платежи

¹⁸⁰ См.: СЗ РФ. 2007. № 2. Ст. 408.

¹⁸¹ См.: БВС РФ. 2004. № 7.

должны быть капитализированы для выплаты их потерпевшему по правилам, установленным законом или иными правовыми актами.

В связи с этим необходимо проанализировать положения ст. 135 Закона о банкротстве, в соответствии с которой определение размера требований граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, осуществляется путем капитализации соответствующих повременных платежей, установленных на дату принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства и подлежащих выплате гражданам до достижения ими возраста семидесяти лет, но не менее чем за десять лет. В случае если возраст гражданина превышает 70 лет, период капитализации соответствующих повременных платежей составляет десять лет.

С выплатой капитализированных повременных платежей прекращается соответствующее обязательство должника. В п. 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.11.2006 № 57 «О некоторых вопросах установления в деле о банкротстве требований о выплате капитализированных платежей»¹⁸² предусмотрено, что по смыслу п. 1 ст. 135 Закона о банкротстве капитализации подлежат только повременные платежи, уплачиваемые на основании п. 1 ст. 1085 и п. 1 ст. 1092 ГК, в счет возмещения утраченного потерпевшим заработка (дохода), который он имел или определенно мог иметь.

Однако с согласия гражданина его право требования к должнику в сумме капитализированных повременных платежей переходит к Российской Федерации и также удовлетворяется в первую очередь. Согласия Российской Федерации на переход к ней обязательства должника не требуется.

В случае перехода к Российской Федерации права требования выплаты капитализированных платежей от ее имени предъявить данное требование вправе ФНС России как уполномоченный орган. Арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, обязан направить в ФНС России соответствующее уведомление.

Обязанности, перешедшие к Российской Федерации, исполняются за счет ее казны, а после определения Правительством РФ — соответствующим уполномоченным органом. Согласно п. 48 Постановления № 1 данные обязанности исполняются Минфин России.

¹⁸² См.: ВВАС РФ. 2007. № 1.

Глава 7

ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПРИЧИНЕННОГО ВСЛЕДСТВИЕ НЕДОСТАТКОВ ТОВАРОВ, РАБОТ ИЛИ УСЛУГ

7.1. Становление института возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг

Эволюция института гражданско-правовой ответственности в направлении все большей ее социализации находит свое предомление еще в одном цивилистическом феномене, на который одним из первых в отечественной науке обратил внимание М. И. Кулагин. По его мнению, «в последние годы законодательство стран Запада, регулируя отношения, возникающие в таких областях, как ответственность за ядерный ущерб; за ущерб, причиненный дефектными продуктами, или за вред, причиненный на транспорте, предусматривает единый режим ответственности независимо от договорного или деликтного основания возникновения вреда»¹⁸³.

Речь идет о феномене очаговой унификации договорной и деликтной ответственности, возникновении режима единой ответственности. Унификация ответственности является проявлением тенденции, связанной с частичным преодолением классического деления обязательств (следовательно, и ответственности) на деликтные и договорные¹⁸⁴. В этой связи представляет интерес позиция Г. Гилмора считающего, что договоры сегодня перекрываются влиянием деликтного права и деликтных конструкций, а право настоятельно движется к системе обязательств, основанных на законе, даже в тех областях, которые традиционно рассматривались как исключительная сфера договора¹⁸⁵.

Феномен унифицированной (единой) ответственности проявляется прежде всего в ответственности за вред, причиненный дефектными товарами (работами или услугами), а также за вред, причиненный пассажиру на транспорте. Установление такого режима ответственности было обусловлено необходимостью защиты интересов конечных потребителей, независимо от того, состояли ли они в договорных отношениях с изготовителями или продавцами товаров.

Впервые режим единой ответственности за причинение вреда дефектными товарами был сформулирован в системе англо-саксонского права. Так, уже в 1916 г. в решении по делу *MacPherson v. Buic* было предусмотрено, что изготовитель товара несет обязанность по обеспечению заботливости (*duty of care*) не только в отношении покупателя, но и в отношении любого другого пользователя, если ему был причинен вред при использовании товара. В дальнейшем этот подход получил свое развитие в знаменитом решении по делу *Donoghue v. Stevenson* (1932 г.)¹⁸⁶.

Большое значение для формирования данного института ответственности имело принятие Директивы ЕЭС от 25 июля 1985 г. об ответственности за дефектные продукты, которая была направлена на обеспечение равной правовой защиты всем потребителям (как покупателям, так и иным пользователям), которая была имплементирована

¹⁸³ См.: Кулагин М. И. Избранные труды. М., 1997. С. 280.

¹⁸⁴ См.: Богданов Д. Е. Унификация договорной и деликтной гражданско-правовой ответственности, как одно из направлений ее социализации // Четвертые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 3-4 декабря 2008 года): сб. ст. : в 7 кн. — Кн. 4 Проблемы предпринимательского, гражданского и гражданского процессуального права / отв. ред. М.Н. Илюшина; РПА Минюста России. — М., 2009. С. 28.

¹⁸⁵ См.: *Gilmore G. The Death of Contract. Columbus (Ohio), 1974. P. 87—88.*

¹⁸⁶ См. об этом: *Zweigert K., Kötz H. An Introduction to Comparative Law. Third Revised Edition. Oxford, 1998. P. 611, 672.*

большинством из членов ЕС¹⁸⁷. Так, например, в соответствии с ст. 1386-1 ФГК производитель является ответственным за вред, причиненный недостатками товара, независимо от того, связан он договором с потерпевшим или нет (при этом, по ст. 1386-7 продавец, арендодатель отвечают на тех же условиях, что и производитель). Аналогичным образом ответственность за дефектные товары урегулирована и в Consumer Protection Act (1987 г.)¹⁸⁸.

В этом же направлении развивается и отечественная правовая система, устанавливающая повышенную (безвиновную) ответственность профессиональных участников гражданского оборота за введение в оборот дефектных (опасных) товаров. Так, согласно ст. 1095 ГК вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе или услуге), подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом выполнившим работу или оказавшим услугу, независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет. Согласно п. 1 ст. 1096 ГК вред, причиненный вследствие недостатков товара, подлежит возмещению по выбору потерпевшего продавцом или изготовителем товара. Речь идет об установлении особой пассивной обязательственной множественности отличной от солидарной, субсидиарной или долевого, которую условно можно именовать как альтернативную.

В связи с этим заслуживает критики позиция, согласно которой в данном случае «закон допускает конкуренцию договорного и деликтного исков, оставляя право выбора за потребителем»¹⁸⁹. Здесь отсутствует «конкуренция» исков, поскольку независимо от того, состоял ли потерпевший в договорном правоотношении с деликвентом или нет, ответственность будет строиться по правилам гл. 59 ГК (по модели деликтной ответственности).

Недостатком отечественного подхода является отсутствие четкой законодательной проработки категории изготовителя по сравнению с европейским законодательством. Например, в соответствии со ст. 1386-6 ФГК является производителем не только изготовитель готовой продукции, но и производитель сырья, а также составляющей части товара. На основании чего в ст. 1386-8 предусмотрено, что в случае ущерба причиненного недостатком товара, включенного в другой товар, производитель составляющей части и тот, кто реализовал инкорпорацию, отвечают солидарно. Представляется, что установление данного солидаритета, повышенной ответственности не только производителя «инкорпорации», но и отдельной части обеспечивает еще большую защищенность потерпевших, что обуславливает, на наш взгляд, необходимость внесения соответствующих изменений в ст. 1095—1096 ГК.

Однако, как быть, если не представляется возможным установление конкретных производителей, ответственных за выпуск в оборот дефектных товаров причинивших вред потерпевшим. В этой связи представляет интерес решение по делу *Sindell v. Albott Laboratories* (1980 г.)¹⁹⁰ ознаменовавшее новый этап в развитии ответственности за вред, причиненный дефектными товарами и заставляющее пересмотреть многие постулаты классического учения о гражданско-правовой ответственности. Потерпевшей был причинен вред здоровью по причине того, что ее мать в период беременности принимала

¹⁸⁷ См.: Zweigert K., Kötz H. An Introduction to Comparative Law. P. 677.

¹⁸⁸ См.: Французский гражданский кодекс. СПб, 2004. С. 747—749; Blacstone's Statutes on Contract, Tort & Restitution. 2001/2002. Twelfth Edition. London. P. 165.

¹⁸⁹ Гражданское право : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. Т. 3. Обязательственное право. С. 697.

¹⁹⁰ См.: Zweigert K., Kötz H. An Introduction to Comparative Law. P. 674.

лекарственный препарат опасный для эмбриона. Иск был предъявлен против 200 фирм изготавливавших данный препарат в это время и использовавших его в своей продукции. Истец не мог доказать, кто конкретно из ответчиков изготовил пилюли, ранее употребленные матерью потерпевшей, не исключено, что эти пилюли не были изготовлены никем из ответчиков. Тем не менее, суд посчитал, что раз ответчики контролировали существенную долю рынка, то допустимо было презумировать, что препарат мог быть изготовлен кем-либо из ответчиков и если ответчик не сможет опровергнуть данную презумпцию, то он будет ответственным за вред, поскольку представляет свою долю рынка.

Принцип ответственности в соответствии с долей в рынке (the principle of market-share liability) уже адаптируется в континентальной правовой системе, например, в Королевстве Нидерландов практика пошла по аналогичному пути: «ответчики отвечают солидарно и кто выплатит большую сумму, чем его доля в рынке имеет право регрессного требования к остальным производителям»¹⁹¹.

Указанное свидетельствует о продолжающейся эволюции ответственности в направлении ее все большей социализации, а также постепенном преодолении традиционной, индивидуалистической концепции гражданско-правовой ответственности. Ведь принцип ответственности в соответствии с долей в рынке ниспровергает один из основополагающих постулатов классического учения об ответственности, когда ответственность деликвента наступает только при условии наличия причинно-следственной связи между его поведением и наступившим вредом. Здесь же устанавливается социальная ответственность субъекта за сам факт изготовления и выпуск в оборот опасного товара, безотносительно к тому, является ли он непосредственным причинителем вреда. При этом несет ответственность, как в приведенном примере, за безопасность товара не только для нынешних, но и будущих поколений. Что, безусловно, уже является проблемой встающей перед современной цивилистикой. Например, в силу ст. 1 Федерального закона РФ от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»¹⁹² безопасность пищевых продуктов — это состояние обоснованной уверенности в том, что пищевые продукты при обычных условиях их использования не являются вредными и не представляют опасности для здоровья нынешнего и будущих поколений.

Феномен деиндивидуализации ответственности объясняется нами действием особого принципа гражданско-правовой ответственности — «персонификации должника»¹⁹³, позволяющего установить конкретное лицо (лиц), на которое будет возложена обязанность возместить причиненный ущерб. В этой связи необходимо обратить внимание на некоторые особенности гражданско-правовой ответственности, проявляющиеся при персонификации должника, а именно на то, что при установлении конкретного лица, связанного с событием правонарушения, во внимание будут приниматься не только причинно-следственные связи, но и так называемые «нормативные связи». Как отмечал В. Варкалло, «речь идет о связи нормативного характера, установленной по воле сторон или в силу закона между вредом, являющимся последствием определенного факта, и определенным лицом, которое обязано к возмещению этого вреда. Такая связь может существовать также в случаях, когда это лицо и в наименьшей степени не содействовало возникновению вреда»¹⁹⁴. Таким образом, допускается привлечение к ответственности лиц, непосредственно вред не причинявших,

¹⁹¹ См.: Zweigert K., Kötz H. Op. cit. P. 674.

¹⁹² См.: СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150.

¹⁹³ См.: Богданов Д. Е. Сделки об ответственности в гражданском праве РФ. М., 2007. С. 24—26.

¹⁹⁴ См.: Варкалло В. Об ответственности по гражданскому праву. М., 1978. С. 122—123.

но участвовавших в формировании угрозы (опасности) причинения вреда, например, путем выпуска потенциально вредоносных товаров.

7.2. Особенности условий ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг

В соответствии с п. 1 ст. 7 Закона о защите прав потребитель имеет право на то, чтобы товар (работа, услуга) при обычных условиях его использования, хранения, транспортировки и утилизации был безопасен для жизни, здоровья потребителя, окружающей среды, а также не причинял вред имуществу потребителя. Требования, которые должны обеспечивать безопасность товара (работы, услуги) для жизни и здоровья потребителя, окружающей среды, а также предотвращение причинения вреда имуществу потребителя, являются обязательными и устанавливаются законом или в установленном им порядке.

Таким образом, противоправность поведения деликвента выражается в том, что он производит или передает потребителю товар, который в силу конструктивных, производственных, рецептурных и иных недостатков способен причинить вред. Тем самым нарушается право потребителей на безопасность товара (работ или услуг).

Противоправность действий правонарушителя в силу правил ст. 1095 ГК может быть выражено и в невыполнении информационной обязанности, если вред был причинен вследствие предоставления недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге). Например, согласно п. 3 ст. 7 Закона о защите прав, если для безопасности использования товара (работы, услуги), его хранения, транспортировки и утилизации необходимо соблюдать специальные правила, изготовитель (исполнитель) обязан указать эти правила в сопроводительной документации на товар (работу, услугу), на этикетке, маркировкой или иным способом, а продавец (исполнитель) обязан довести эти правила до сведения потребителя.

Такое условие деликтной ответственности, как вред, в рассматриваемом деликте особой спецификой не обладает, так как ст. 1095 ГК предусматривает возможность возмещения потерпевшему как имущественного вреда, так и вреда, причиненного жизни или здоровью (по правилам § 2 гл. 59 ГК).

Необходимо обратить внимание на особенности компенсации морального вреда. Как известно, в силу ст. 151 ГК моральный вред компенсируется в случае нарушения неимущественных прав. Согласно п. 2 ст. 1099 ГК компенсация морального вреда при нарушении имущественных прав допускается только в случаях, предусмотренных законом. Одним из немногочисленных примеров допущения компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав являются положения ст. 15 Закона о защите прав. Согласно указанной статьи моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами РФ, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда. Компенсация морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных потребителем убытков.

Как указывается в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.1994 № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей»¹⁹⁵, поскольку моральный вред определяется судом независимо от размера возмещения имущественного вреда, размер денежной компенсации, взыскиваемой в возмещение морального вреда, не может быть поставлен в зависимость от стоимости товара (работы, услуги), а должен основываться на характере и объеме причиненных потребителю нравственных и физических страданий в каждом конкретном случае.

Таким образом, потерпевшие по указанным деликтам могут получить компенсацию морального вреда и в случаях исключительного нарушения имущественных прав.

Ответственность за вред, причиненный дефектными товарами, зачастую носит срочный характер, поскольку согласно п. 1 ст. 1097 вред, причиненный вследствие недостатков товара, работы или услуги, подлежит возмещению, если он возник в течение установленного срока годности или срока службы товара (работы, услуги), а если срок годности или срок службы не установлен, в течение десяти лет со дня производства товара (работы, услуги).

В соответствии с ст. 5 Закона о защите прав срок службы — это период, в течение которого изготовитель (исполнитель) обязуется обеспечивать потребителю возможность использования товара (работы) по назначению и нести ответственность за существенные недостатки. Срок годности — период, по истечении которого товар (например, продукты питания, медикаменты, косметика) считается непригодным для использования по назначению.

Однако исследуемый деликт может носить и бессрочный характер, так как согласно п. 2 ст. 1097 независимо от времени причинения вред подлежит возмещению, если:

- в нарушение требований закона срок годности или срок службы не установлен (см. постановление правительства РФ от 16.06.1997 № 720 «Об утверждении перечня товаров длительного пользования, в том числе комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), которые по истечении определенного периода могут представлять опасность для жизни, здоровья потребителя, причинять вред его имуществу или окружающей среде и на которые изготовитель обязан устанавливать срок службы, и перечня товаров, которые по истечении срока годности считаются непригодными для использования по назначению»¹⁹⁶);

- лицо, которому был продан товар, для которого была выполнена работа или которому была оказана услуга, не было предупреждено о необходимых действиях по истечении срока годности или срока службы и возможных последствиях при невыполнении указанных действий либо ему не была предоставлена полная и достоверная информация о товаре (работе, услуге).

Ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг наступает при наличии «усеченного» состава гражданского правонарушения, т. е. независимо от вины. Даже в случае, если изготовитель или продавец представит доказательства того, что ими принимались все необходимые и разумные меры по предотвращению вреда — это не будет являться основанием для освобождения от ответственности. Согласно п. 4 ст. 14 Закона о защите прав изготовитель (исполнитель) несет ответственность за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя в связи с использованием материалов, оборудования, инструментов и иных средств, необходимых для производства товаров (выполнения работ, оказания услуг),

¹⁹⁵ См.: РГ. 2007. № 230.

¹⁹⁶ См.: СЗ РФ. 1997. № 25. Ст. 2942.

независимо от того, позволял уровень научных и технических знаний выявить их особые свойства или нет.

Продавец или изготовитель товара, исполнитель работы или услуги освобождается от ответственности в случае, если докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или нарушения потребителем установленных правил пользования товаром, результатами работы, услуги или их хранения (ст. 1098 ГК).

Глава 8

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

8.1. Понятие морального вреда и условия ответственности при его компенсации

Как уже неоднократно отмечалось, деликтные обязательства направлены на защиту не только имущественных, но и неимущественных благ. В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК деликтная ответственность может наступать за причинение вреда как имуществу, так и личности гражданина в случае посягательства на его абсолютные нематериальные блага.

Согласно п. 1 ст. 151 ГК к нематериальным благам относятся: жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, которые неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

В цивилистической литературе выделены признаки неимущественных благ. Так, К. И. Голубев и С. В. Нарижный указывают на их неэкономический характер, т. е. на отсутствие точного, часто приблизительного денежного эквивалента. Данные блага не имеют материальных свойств, они неотделимы от личности конкретного человека¹⁹⁷. Соответственно вред, причиняемый данным благам, также имеет идеальную, нематериальную природу и соответственно не имеет адекватного стоимостного эквивалента. Поэтому компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда (п. 3 ст. 1099 ГК).

В денежном эквиваленте можно выразить и полностью возместить лишь имущественный вред. Честь и достоинство, жизнь и здоровье денежной оценки не имеют, моральный вред в отличие от имущественного, не возмещается, а заглаживается. Поэтому законодатель и избрал категорией компенсации морального вреда денежную сумму, направленную не на возмещение по природе невозмещаемого вреда, а на заглаживание последствий перенесенных потерпевшим страданий и переживаний.

В соответствии со ст. 151 ГК если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

В судебной практике также предпринимались попытки сформулировать определение морального вреда. Так, согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»¹⁹⁸, под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни,

¹⁹⁷ См.: Голубев К. И., Нарижный С. В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. СПб., 2004. С. 49.

¹⁹⁸ См.: РГ. 1995. № 29.

личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законом об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную деятельность, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий.

Таким образом, потерпевший может считаться понесшим моральный вред, если он претерпел нравственные страдания в виде негативных изменений душевно-психологического функционирования организма или физические страдания в виде негативных изменений биологического функционирования организма¹⁹⁹.

В отличие от посягательств на нематериальные блага моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации лишь в случаях, прямо предусмотренных законом (п. 2 ст. 1099 ГК).

В качестве примера можно привести следующее дело. Гражданин обратился в областной суд с заявлением о признании не действующим и не подлежащим применению закона субъекта РФ и взыскании морального вреда. Областной суд, признав положения этого закона противоречащими федеральному законодательству, отказал гражданину в части взыскания компенсации морального вреда, указав следующее.

В обоснование своих требований заявитель сослался на то, что в связи с изданием обжалуемого нормативного акта его предпринимательская деятельность была приостановлена и он не получил предполагаемого дохода, т. е. были нарушены его имущественные права. Действующее же законодательство не устанавливает взыскания компенсации морального вреда при нарушении прав граждан принятием нормативного акта, противоречащего федеральному законодательству²⁰⁰.

Одним из немногочисленных примеров допущения компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав являются положения ст. 15 Закона о защите прав, согласно которой моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами РФ, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда. Таким образом, при неисполнении или ненадлежащем исполнении договоров розничной купли-продажи, бытового подряда, оказания услуг, долевого строительства и т. д., потребители могут взыскать с неисправного контрагента не только санкции за нарушение имущественных прав (возмещение убытков, неустойку), но и компенсацию морального вреда.

Основанием ответственности за причинение морального вреда является полный состав гражданского правонарушения. Однако законодательством предусмотрена

¹⁹⁹ См.: Голубев К. И., Наружный С. В. Указ. соч. С. 86.

²⁰⁰ См.: БВС РФ. 2002. № 8. С. 14.

ответственность за моральный вред и при усеченном составе правонарушения. Согласно ст. 1100 ГК компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда:

- вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;
- вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;
- вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию;
- в иных случаях, предусмотренных законом.

Относительно такого условия ответственности, как наличие морального вреда, в литературе отмечается, что суды при вынесении решений по гражданским делам достаточно часто исходят из его презумирования²⁰¹, т. е. суды, установив факт совершения неправомерного действия, предполагают, что моральный вред причинен, и далее рассматривается вопрос о размере его компенсации в денежной форме²⁰².

Так, по одному из дел Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что вступившим в законную силу решением суда установлено совершение в отношении граждан неправомерных действий, нарушающих их право свободного передвижения и выбора места жительства (нематериальные блага), выразившихся в незаконном отказе в регистрации их по месту жительства в г. Москве.

В таком случае причинение морального вреда предполагается и подлежит доказыванию размер компенсации этого вреда, так как в соответствии с ч. 2 ст. 151 ГК при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства, степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

Следовательно, довод надзорной инстанции о том, что компенсация морального вреда по общему правилу допускается при наличии вины причинителя, а в ходе судебного разбирательства не было установлено ограничения каких-либо прав истцов в связи с отсутствием регистрации в г. Москве, в частности, ограничения трудовых прав, а также прав на получение медицинской помощи и жилой площади, необоснован²⁰³.

На презумирование морального вреда указывается и в п. 32 Постановления № 1.

Тезис о презумировании морального вреда встречает и активную критику в современной литературе. Так, Е. Соломенна указывает на отсутствие прямого закрепления такой презумпции в действующем законодательстве, ее несоответствие закрепленным в ст. 123 Конституции принципам состязательности и процессуального равноправия²⁰⁴.

Представляется, что именно презумирование наличия морального вреда при установлении факта нарушения прав потерпевшего, служит достижениям целей правосудия. Это обусловлено сложностью в доказывании наличия такого вреда, его

²⁰¹ См.: *Пешкова О. А.* Компенсация морального вреда. Защита и ответственность при причинении вреда нематериальным благам и неимущественным правам. М., 2006. С. 77.

²⁰² См.: *Эрделевский А. М.* Компенсация морального вреда. Анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., 2004. С. 91.

²⁰³ См.: БВС РФ. 2003. № 3. С. 6.

²⁰⁴ См.: *Соломенна Е.* Распределение бремени доказывания по делам о компенсации морального вреда // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 8.

нематериальной природой, а также необходимостью обеспечения интересов слабой стороны, которой, безусловно, является потерпевший.

8.2 Критерии установления размера компенсации морального вреда

Установление адекватного размера компенсации морального вреда является одним из наиболее сложных вопросов, возникающих в правоприменительной практике. Сложность обусловлена самой природой морального вреда, как неимущественного, следовательно, не имеющего своего денежного эквивалента.

В соответствии с п. 2 ст. 1101 ГК размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также от степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Как видно из анализа данной нормы, специфика компенсации морального (неимущественного) вреда заключается в том, что на размер ответственности влияет степень виновности причинителя. Данное положение является изъятием из общего правила, поскольку при возмещении имущественного вреда, вина является не мерой, а исключительно субъективным условием ответственности, не влияющим на объем возмещение²⁰⁵. Таким образом, при установлении размера компенсации необходимо устанавливать, были ли действия правонарушителя совершены умышленно или по неосторожности, поскольку умышленные действия, как правило, влекут более тяжкие страдания для потерпевшего.

Еще одним критерием для определения размера компенсации является характер и степень причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего. Как указывает Е. П. Редько, «данный критерий представляется наиболее сложным, так как, во-первых, он является составным, поскольку суду, помимо степени и характера физических и нравственных страданий, необходимо оценить фактические обстоятельства, при которых был причинен вред, и индивидуальные особенности потерпевшего, во-вторых, этот критерий имеет больше психологический, а не правовой характер. Положение усложняется еще и тем, что на законодательном уровне не определены понятие «степень страданий» и единица ее измерения»²⁰⁶.

В качестве примера использования данного критерия рассмотрим определение Московского областного суда от 22.08.2006 № 33-10143²⁰⁷. Истица У. обратилась в суд с иском к П. о взыскании компенсации морального вреда в сумме 505 000 руб., указывая на то, что 15 января 2005 г. в результате ДТП, происшедшего по вине ответчика, ей был причинен вред здоровью средней тяжести, она находилась на восьмом месяце беременности, в связи с полученными травмами не смогла родить самостоятельно, для проведения операции (кесарево сечение) ей вводили наркоз. Ответчик несколько раз навещал ее в больнице, приносил фрукты, выплатил 10 000 руб. за испорченную в аварии одежду.

²⁰⁵ См.: Редько Е. П. К вопросу об определении размера компенсации морального вреда // Юрист. 2008. № 10.

²⁰⁶ См.: Там же.

²⁰⁷ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой систем «КонсультантПлюс».

Ответчик П. не отрицал своей вины в ДТП. Решением суда иск был удовлетворен частично: с ответчика в пользу истицы в счет возмещения морального вреда взыскано 60 000 руб., а также, судебные расходы и расходы по оплате услуг представителя в размере 5 100 руб. Не согласившись с решением суда, истица обжаловала его в кассационном порядке.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия пришла к следующему. Из материалов дела следовало, что причиной ДТП явилось грубое нарушение ПДД водителем П., который, не справившись с управлением, выехал на полосу встречного движения. В результате ДТП истице как пассажиру автомашины «ВАЗ-2107» был причинен вред здоровью средней тяжести, в связи с чем она испытывала физические и нравственные страдания.

При таких обстоятельствах и в соответствии со ст. 1100 ГК суд правомерно пришел к выводу об обоснованности требования истицы о взыскании с ответчика компенсации морального вреда.

Вместе с тем, принимая во внимание конкретные обстоятельства по делу, в частности, то, что в момент ДТП истица находилась на восьмом месяце беременности, испытала страх за жизнь и здоровье ребенка, из-за полученных травм не смогла рожать самостоятельно, судебная коллегия посчитала недостаточной взысканную судом в ее пользу с ответчика сумму компенсации морального вреда и пришла к выводу о необходимости ее увеличения до 100 000 руб., определив ее в соответствии с требованиями ст. 1101 ГК, т. е. с учетом характера причиненных истице физических и нравственных страданий и степени вины ответчика.

Еще одним оценочным критерием являются требования разумности и справедливости при установлении размера компенсации морального вреда. Как отмечается в литературе «требование разумности и справедливости должно рассматривать как обращенное к суду требование о соблюдении разумных и справедливых соотношений присуждаемых по разным делам размеров компенсации морального вреда»²⁰⁸. А. М. Эрделевский также считает, что было бы неразумно и несправедливо присудить при прочих равных обстоятельствах (равной степени вины причинителя вреда, отсутствии существенных индивидуальных особенностей потерпевшего и других заслуживающих внимание обстоятельств) компенсацию лицу, перенесшему страдания в связи с нарушением его личного неимущественного права на неприкосновенность произведения, в размере равном или большем, чем размер компенсации, присужденной лицу, перенесшему страдания в связи с нарушением его личного неимущественного права на здоровье, выразившемся в утрате зрения или слуха²⁰⁹.

Использование данного критерия можно проиллюстрировать следующим примером из судебной практики. Б. и Б. В. обратились в суд с иском к Н. о компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что 01 ноября 2004 г. Н., управляя автомашиной ГАЗ-2705, произвел столкновение с автомашиной Daewoo под управлением Б. П., который в результате ДТП скончался. Приговором суда установлена вина Н. в ДТП. В результате гибели Б.П. истцы просили взыскать компенсацию морального вреда в размере 2 000 000 руб.

Ответчик Н. иск признал частично. Решением Пушкинского районного суда от 22 мая 2006 г. требования истцов удовлетворены частично: в пользу каждого из истцов с ответчика взыскано по 50 000 руб. В кассационной жалобе они просили решение суда

²⁰⁸ См.: Редько Е. П. Указ соч.

²⁰⁹ См.: Эрделевский А. М. Указ. соч. С. 206.

изменить, взыскав с ответчика в их пользу в счет компенсации морального вреда по 1 000 000 руб.

Проверив материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия нашла решение суда подлежащим частичному изменению.

Суд пришел к обоснованному выводу о том, что гибелью близкого человека истца причинены значительные нравственные страдания, в связи чем с Н. в их пользу в соответствии со ст. 151 и 1100 ГК подлежит взысканию компенсация морального вреда.

Однако при определении размера компенсации морального вреда суд не учел должным образом конкретные обстоятельства дела и степень нравственных страданий истцов, которые в результате допущенных ответчиком нарушений ПДД, потеряли близкого человека, имевшего работоспособный возраст. При этом суд даже не мотивировал в решении тот размер компенсации морального вреда, который им был определен.

Коллегия считала, что имеющиеся по делу обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что в результате гибели близкого для истцов человека, им причинены значительные нравственные страдания, в связи с чем размер компенсации морального вреда в 50 000 руб. на каждого из истцов не может быть признан соответствующим степени их нравственных страданий.

Коллегия считает возможным изменить решение суда в указанной части и увеличить размер компенсации морального вреда до 70 000 руб. в пользу каждого из истцов.

Доводы кассационной жалобы истцов о необходимости удовлетворения их требований в полном объеме и взыскании с ответчика компенсации морального вреда в размере по 1 000 000 руб. в пользу каждого не могут быть признаны состоятельными, поскольку при данных конкретных обстоятельствах данная сумма не может соответствовать требованиям справедливости и разумности (см. определение Московского областного суда от 22.08. 2006 № 33-10143²¹⁰).

Вызывает интерес мнение О. В. Богданова, считающего, что необходимо учитывать и социальное положение потерпевшего. Так, «если моральный вред причинен в результате распространения не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию лица, то социальное положение должно учитываться. Связано это с тем, что занятие определенной ступени в социальной иерархии предполагает придание большей значимости социальной оценке субъекта (его деятельности), что, в свою очередь, предполагает и наличие больших страданий при умалении ее. Т. е. больший размер компенсации обуславливается не тем, что лицо выше рангом, а тем, что оно, предположительно, испытывает большие страдания»²¹¹.

Так, по одному из дел Д. О. В. обратился в Арбитражный суд г. Москвы с иском к ЗАО «Редакция газеты «Московский комсомолец» и Д. М. М. о признании не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию Д. О. В. распространенные в статье Д. М. М. под заголовком «Как украсть миллиард, или Лишних денег не бывает», опубликованной 07 июня 2003 г. в газете «Московский комсомолец», и взыскании в пользу истца в счет компенсации морального вреда, учитывая тяжесть выдвинутых обвинений, масштабность распространения недостоверных сведений и общественное положение истца и его личные качества, с ЗАО «Редакция газеты «Московский комсомолец» 15 000 000 руб., а с Д. М. М. 1 500 000 руб.

²¹⁰ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹¹ См.: Богданов О. В. Критерии определения размера компенсации морального вреда // Юрист. 2008. № 4.

Решением арбитражного суда в удовлетворении исковых требований было отказано. Однако суд апелляционной инстанции решение арбитражного суда отменил. Указал, что учитывая то обстоятельство, что часть распространенных в статье негативных сведений имеют лишь косвенное отношение к личности Д. О. В., является целесообразным удовлетворить требования истца к ЗАО «Редакция газеты «Московский комсомолец» о компенсации морального вреда в части взыскания 3 000 000 руб. Требование Д. О. В. о взыскании компенсации морального вреда с Д.М.М. подлежит удовлетворению в части взыскания 300 000 руб. (см. постановление Девятого апелляционного арбитражного суда от 07.07.2005 № 09АП-6549/05-ГК²¹²).

Анализ двух последних дел дает основание утверждать, что судами зачастую не вполне корректно применяется критерий разумности и справедливости размера взыскиваемой компенсации морального вреда, что свидетельствует о необходимости совершенствования правоприменительной практики.

До настоящего времени остается дискуссионным вопрос об учете при определении размера компенсации морального вреда имущественного положения его причинителя. Так, В. В. Владимирова считает, что разумность не должна ставиться в зависимость от критерия имущественного положения причинителя вреда, поскольку получение достойной, на взгляд потерпевшего, компенсационной суммы есть достижение справедливости²¹³. Противоположного мнения придерживается Е. П. Редько, допускающего применение положений ст. 1083 ГК при взыскании компенсации морального вреда²¹⁴.

В связи с этим интерес представляет следующее дело. Так, 14 сентября 2005 г. Ч., управляя автомашиной марки ВАЗ-21083, совершил наезд на пешехода Л., в связи с чем последний получил телесные повреждения, стационарно проходил лечение до 25 ноября 2005 г.

С учетом указанных обстоятельств Л. просил суд взыскать с Ч. компенсацию морального вреда в размере 30 000 руб.

Ответчик Ч. иск не признал, ссылаясь на то, что ДТП произошло по вине истца в связи с грубым нарушением им ПДД.

Решением суда иск был удовлетворен частично, в пользу Л. суд взыскал с ответчика в качестве компенсации морального вреда 25 000 руб. В кассационной жалобе Ч. просил об изменении решения суда в части взыскания суммы компенсации морального вреда.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия пришла к следующему. В соответствии с ч. 2 ст. 1101 ГК размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

По смыслу названной нормы материального права, судом учитывается также степень вины причинителя вреда, его имущественное положение, обстоятельства, связанные с виновным поведением самого потерпевшего.

²¹² Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹³ См.: *Владимирова В. В.* Компенсация морального вреда — мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе. М., 2007. С. 133.

²¹⁴ См.: *Редько Е. П.* Указ соч.

Как усматривается из материалов дела, вины Ч. в наезде на пешехода Л. не имелось, дорожно-транспортное происшествие произошло по вине самого пострадавшего, который переходил улицу в неустановленном месте.

Кроме того, при взыскании денежных сумм в возмещение морального вреда необходимо учитывать реальные возможности причинителя вреда.

Взыскивая в пользу Л. в качестве компенсации морального вреда денежную сумму в размере 25 000 руб., суд вышеназванные обстоятельства во внимание не принял, не учел, что Ч. имеет на своем иждивении двоих малолетних детей, на одного из которых выплачивает алименты, его средняя заработная плата составляет 15 000 руб. в месяц, в связи с чем судебная коллегия полагает возможным снизить размер компенсации морального вреда до 15 000 руб. (см.: определение Московского областного суда от 22.05.2006 № 33-4995²¹⁵).

Как видно из анализа данного дела, суд кассационной инстанции при определении размера компенсации морального вреда обоснованно учел требования ст. 1083 ГК. Согласно п. 2. ст. 1083 ГК, если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен.

При грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда в случаях, когда его ответственность наступает независимо от вины, размер возмещения должен быть уменьшен или в возмещении вреда может быть отказано, если законом не предусмотрено иное. При причинении вреда жизни или здоровью гражданина отказ в возмещении вреда не допускается.

На основании п. 3 ст. 1083 ГК суд может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения, за исключением случаев, когда вред причинен действиями, совершенными умышленно.

Однако судебные органы не всегда учитывают то, что учет имущественного положения причинителя при определении размера компенсации морального вреда допустим только в отношении граждан, но не юридических лиц.

В этой связи представляет интерес следующее дело. Д. и Д. А. обратились в суд с иском к ОАО «Медстекло» о компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что 20 сентября 2005 г. умер Д. Г. 1961 года рождения. Смерть наступила в результате несчастного случая на производстве при исполнении им обязанностей грузчика гофрокартона в транспортном цехе ОАО «Медстекло». Виновником происшествия является транспортировщик автопогрузчика В. И. Анохин, который совершил наезд на Д. Г., ударив его вилами погрузчика в спину и придавив его к борту автомашины МАЗ, после чего В. И. Анохин отъехал назад, снова начал движение вперед и во второй раз совершил наезд на Д. Г. В результате полученных травм Д. Г. скончался в больнице 20 сентября 2005 г.

Д., мать погибшего, просила взыскать с ОАО «Медстекло» компенсацию морального вреда в размере 1 000 000 руб., Д. А., брат погибшего, просил взыскать в счет компенсации морального вреда в его пользу 700 000 руб.

Представитель ОАО «Медстекло» иск не признал, пояснив, что считает завышенным размер компенсации морального вреда, поскольку общество оказывало материальную помощь на лечение Д. Г. в сумме 6 953 руб., по обращениям истцов выплачено 1 000 руб. и 614 руб., возмещены расходы на погребение в сумме 64 07 руб.

²¹⁵ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Решением Клинского городского суда от 22 февраля 2006 г. иск удовлетворен частично: в счет компенсации морального вреда с ОАО «Медстекло» в пользу Д. взыскано 300 000 руб., в пользу Д. А. — 100 000 руб.

С таким решением не согласилось ОАО «Медстекло», обжаловав его в кассационном порядке. Просило решение отменить, ссылаясь на то, что при определении размера компенсации морального вреда судом не учтено финансовое положение ответчика.

Проверив материалы дела, заслушав объяснения явившихся лиц, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия пришла к следующему выводу.

Согласно ст. 1100 ГК компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случае, если вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности.

В соответствии с п. 2 абз. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»²¹⁶, моральный вред может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников.

Размер компенсации морального вреда должен определяться с учетом требований разумности и справедливости, при этом характер нравственных страданий должен оцениваться судом исходя из фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего (ст. 1101 ГК).

Судебная коллегия посчитала, что при определении размера подлежащего возмещению в пользу истцов морального вреда судом обоснованно учтены как характер нравственных страданий последних, связанных с потерей сына и брата, так и то, что ОАО «Медстекло» оказывало материальную помощь на приобретение лекарств, организовывало похороны, частично компенсировало расходы на погребение.

Судебная коллегия пришла к выводу, что, определяя размер компенсации морального вреда в сумме 300 000 руб. в пользу Д. и 100 000 руб. в пользу Д. А., суд не учел предусмотренных ст. 1101 ГК требований разумности и справедливости, позволяющих, с одной стороны, максимально возместить причиненный моральный вред, с другой — не допустить неосновательного обогащения потерпевших и не поставить в чрезмерно тяжелое имущественное положение лицо, ответственное за возмещение вреда.

При таких обстоятельствах, исходя из требований разумности и справедливости, а также учитывая финансовое положение ОАО «Медстекло», имеющего в настоящее время задолженность перед бюджетами разных уровней около 27 000 000 руб., судебная коллегия посчитала необходимым снизить размер определенной судом суммы компенсации морального вреда до 150 000 руб. в пользу Д. и до 50 000 руб. в пользу Д. А. (см. определение Московского областного суда от 06.04.2006 № 33-3681²¹⁷).

В рассматриваемом примере суд, во-первых, в нарушение правил п. 3 ст. 1083 ГК учел имущественное положение юридического лица. Во-вторых, использовал недопустимую, некорректную при взыскании компенсации морального вреда ссылку на возможность неосновательного обогащения потерпевших. Неосновательное обогащение потерпевшего возможно лишь в случае, если суд присудит ему сумму убытков, превышающую размер реально причиненного имущественного, но не морального вреда. Суд кассационной инстанции не учел природу морального вреда как неимущественного, т. е. не имеющего стоимостного, денежного выражения.

²¹⁶ Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹⁷ См.: РГ. 1995. № 29.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что в науке и правоприменительной практике остается актуальным вопрос о разработке более четких критериев в установлении адекватных размеров компенсации морального вреда по различным правонарушениям. Представляется целесообразным воспользоваться иностранным опытом, в частности методом Шнайдера — Цельцнера, «существо которого заключается в интерполяции размеров компенсации за страдания в прежних судебных решениях в соответствии с происшедшими к моменту рассмотрения дела изменением индекса потребительских цен. Разработанная в результате применения этого метода таблица позволяет пересчитать прежние решения с учетом современного уровня инфляции»²¹⁸.

²¹⁸ См.: Эрделевский А. М. Указ. соч. С. 66.